

Olegern, Warrax

ГОМОГЕНЕЗ

«Слабость характера, отсутствие самобытных мыслей, словом, любой недостаток, который препятствует нам довольствоваться своим собственным обществом, — вот что спасает многих из нас от мизантропии».

Н. Шамфор

«...что за дело до остального? Остальное — лишь человечество. Надо стать выше человечества силой, высотой души — презрением».

Ф. Ницше, предисловие к «Антихристу»

Разрешено распространение на некоммерческой основе.

май-октябрь 2001, октябрь 2014

Примечание ко 2-й редакции. Некогда мы с Олегерном несколько наивно замахнулись на тему «Общая теория всего, раздел о человечестве». Поняли это мы достаточно быстро, и работа осталась неоконченной. Затем Олегерн закрыл свой сайт, мы перестали общаться. Я считаю этот текст во многом важным, поэтому восстанавливаю его, но в нём были некоторые ошибки — их я исправлю. Таким образом, я не могу знать, согласился бы с исправлениями соавтор, но это будут больше незначительные сокращения, чем дополнения, так что проблемы я не вижу.

Warrax, октябрь 2014

INTRO	3
<i>Τα της πολεως</i>	4
<i>Отступление на тему словарных определений</i>	8
ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО?	12
<i>Лирическое дополнение</i>	28
<i>Сапиенс vs Человек</i>	29
<i>Человек в философии</i>	36
<i>Сверхчеловек</i>	53
<i>Монолог к Заратустре</i>	58
<i>Τα της πολεως</i>	60
ΕΥΓΕΝΙΚΑ	61
<i>I этап</i>	63
<i>Отступление по поводу геронтоцида и эвтаназии</i>	67
<i>II этап</i>	70
<i>Еще одно отступление, на этот раз — в защиту Спарты</i>	78
<i>III этап</i>	82
<i>Необходимое отступление</i>	88
<i>Демография с точки зрения евгеники</i>	102
<i>Τα της πολεως</i>	105

Intro

Иметь свое мнение надо основательно, умеючи, убедительно и демонстративно ©

Это вторая наша совместная книга (первой был труд об архетипе Сатаны «Principes Omnium»). Надеемся, что она, вкуче с предыдущими нашими работами, как совместными, так и отдельными, даст пищу для размышлений тем, кто умеет мыслить.

Целью «Гомогенеза» является наглядная демонстрация зависимости деградации общества от его чел-овечности¹ и однозначной необходимости отхода от «человеческого, слишком человеческого» для дальнейшего развития. Рассматриваются вопросы «что такое человек», «как он развивался в этом качестве», к чему это привело и как выглядит аппроксимация этого развития. Вопросы государственного устройства и т.п. будут затрагиваться во второй части каждой главы, которое (вспоминая Платона) мы решили назвать *τα της πολεως*².

Мы не собираемся указывать «единственно верные» решения и заниматься прочими делами, характерными для всяческих мессий всевозможного пошиба. Нет никакой панацеи, которая, будучи применена, однозначно спасёт разумную жизнь от гибели — есть только вероятность, что мыслящие существа *сами* осознают тупиковость современного «развития» общества и «спасут» себя самостоятельно. Они и составят новое общество, далекое от чел-овечества. В разделе *τα της πολεως* мы будем высказывать *своё* мнение по возможной методике коррекции текущего вопроса, но не более того. Мы не можем быть одинаково компетентны по любому вопросу и в любой науке, поэтому многое наверняка можно было бы улучшить. Также у нас нет ни малейшего желания превращать этот текст в некий идол, священную книгу и т.п., в нём лишь высказывается наше мнение и приводится наиболее разумный *с нашей точки зрения* подход к решению проблемы. Но: при этом мы *обосновываем* его. Если Вам есть что возразить — мы всегда готовы к конструктивному диалогу. Однако, на собственном опыте: практически в 100% случаев «контрдоводы» сводятся приблизительно к следующему: «Да, вы все говорите и пишете логично, но так нельзя, это не по-человечески!».

Именно так.

Мы не пишем в этой книге «истинную правду» — мы пишем то, что считаем *реальным* положением вещей в современном обществе.

Кроме того, писать «учебники по жизни» — дело исключительно психологов-популяризаторов, стремящихся заработать деньги на представителях интеллектуального большинства, которые только и способны приобрести книгу «Как стать умным и мудрым за 5 минут для чайников». Самое смешное — далее приобретения дело не идет.

«Книги по самосовершенствованию: те, кому они нужны, их не читают и не обращают на них внимания». — А.Ш. ЛаВей

Как сатанистам нам больше импонирует позиция, высказанная Ш. Монтескье:

«Никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничто не остается на долю читателя. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать».

¹ Не опечатка. Смысл такого написания логически следует из самого способа написания. В книге следует разделять термины «человечество» (применяется как видовое биологическое обозначение либо в цитатах) и «чел-овечество».

² «Государственные дела» — греч. (из работ Платона).

История подвела чел-овечество к обрыву, хотя обычно его представители прячут глаза от этого обстоятельства. Мы же ещё не раз обратим на это ваше внимание. Для избежания катастрофы необходимо выбрать *иной* путь развития, отход от направления, ведущего в пропасть. Как именно осуществлять этот отход и как выбирать собственную тропинку на вариантах путей — личное дело каждого. Наше мнение, разумеется, будет высказано по множеству вопросов, но оно — повторимся — должно считаться лишь поводом к размышлению, одним из возможных вариантов, а никак не призывом действовать только предложенным способом.

И последнее примечание, которое мы считаем необходимым сделать во вступлении: поднятый нами вопрос, кратко формулируемый как «что такое чел-овечность и к чему она приводит», обладает множеством взаимосвязанных нюансов и практически не поддается строго последовательному изложению. Поэтому мы позволим себе плагиат идеи Шопенгауэра, который в предисловии к своему труду «Мир как воля и представление» написал:

«То, что она [книга] должна показать, заключается в единой мысли. И тем не менее, несмотря на все свои усилия, я не мог найти для изложения последней более короткого пути, чем вся эта книга. [...]

Между тем книга должна иметь первую и последнюю строку [...] Отсюда ясно, что при таких условиях для проникновения в изложенную мысль нет иного исхода, как прочесть эту книгу два раза, [...] каждая предыдущая часть почти также предполагает последующую, как последующая — первую».

Впрочем, в отличие от великого философа, мы не ставим перед собой задачи донести единую глобальную философскую мысль. Более того — объективно «Гомогенез» *не является оригинальной работой*. Всё, что будет написано, является *банальностью*, более того — очевидной и неоспоримой банальностью.

И ценность труда, на которую мы претендуем, заключается не в свежих и оригинальных идеях — а лишь в компиляции в единое целое того очевидного, на что обычно закрывают глаза, и без того прикрытые розовыми очками.

«Выход есть. Но он никому не нравится. Поэтому принято видеть его отсутствие». — С. Тиунов

Та της πολεως

В людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют.

Ф. Ларошфуко

Мы все живем в обществе. Естественно, оно не идеально, и таковым его никто не считает. Отношение к такому положению вещей некогда хорошо сформулировал Уинстон Черчилль: «Демократия — это плохой способ правления, но все остальные еще хуже»¹. Этот тезис можно обобщить и на все прочие аспекты жизни, помимо политики: институт семьи и брака, рождение, воспитание и обучение, культура и образование, медицина... et cetera ad infinitum.

Премьер Англии сказал красивый афоризм, но здесь как раз проявляется распространенный *чел-овеческий* недостаток: верить красивым словам, не вдумываясь в их содержание. Смотреть на внешнюю форму, а не в глубинную суть.

¹ Отметим косвенную подмену «не существовало в истории» на «не существует [т.е. в принципе не может существовать] вообще».

Многие люди любят рассуждать на тему «как оно было бы, если бы не...». Редко кого устраивает текущее положение вещей. Однако эти рассуждения обычно достаточно беспочвенны и сводятся то к «всё отнять и поделить», то к «бей <проставить по вкусу>, спасай Россию», то вообще в жажде возвращения царя-батюшки. При этом такие мечтания всегда имеют две принципиально неосуществимые даже по отдельности предпосылки: чтобы при этом *всем* было хорошо и чтобы за это *не надо было расплачиваться*.

Часто такие воздыхания сводятся к тоске по прошлому, и его картины выглядят в воображении мечтателей как некий Золотой Век — когда всё целесообразно, согласовано, красиво и всего в избытке. Это легко объяснимо психологически: на расстоянии столетий (и даже десятков лет) всё кажется внутренне стройным в отличие от непрерывных изменений времени настоящего. Например, посмотрите на ностальгию по Российской Империи и попытки реконструкции дворянства, казачества и прочих анахронизмов¹. Мол, была такая страна замечательная, а горсть негодяев всё уничтожила. Но что это за государство, которое завалила горсть «негодяев»? А если не горсть, то что это за страна, где «негодяев» столько, что они завалили государство?

Как заметил ещё Станислав Ежи Лец: «Когда на кровь упадет немного слёз, каким всё становится розовым». Создается иллюзия, что в прошлом было всё ясно и понятно, и, следовательно (такая «логика»), надо возвращаться в «старое доброе время». Однако прошлого уже нет. И возвращать его искусственно не имеет смысла. *Разумное существо² непременно развивается*.

Любая статика, она же иллюзия «мы достигли совершенства», приводит к *неизбежной* деградации; при этом, что забавно, иллюзия своей неоспоримой правоты остается устойчивой. Реальность же хорошо описана Королевой, которую встретила Алиса в Зазеркалье: *чтобы остаться на месте, надо бежать*. А чтобы продвигаться вперед, надо бежать еще быстрее...

Построение «идеального» (с точки зрения разума) общества имеет реальные трудности. В первую очередь — это противодействие практически всего населения. Чел-овечество в массе своей *не привыкло* мыслить, мы вынуждены констатировать этот очевидный факт. Однако, попробуем построить хотя бы теоретическую схему такого общества.

Учитываются следующие особенности модели:

Принципиальная невозможность построения «идеального общества», «рая на земле» etc. А именно: невозможно создать такое общество, в котором *абсолютно все* входящие в него имеют возможность вступить в абсолютно все общественные связи, признаваемые ими желаемыми для себя и иметь для этого неограниченные ресурсы.

Принципиальная невозможность адекватного формулирования понятия «общественного блага». А именно: «общественное благо» — это только *манипулятивный* термин, позволяющий склонить к тем или иным действиям население, при этом не имеющий реальной подоплеки. Однако наиболее отвечающим требованиям *разумного* существа является прогресс науки (которая обеспечивает, в конечном счете, все потребности индивидуума) и обеспечение свободы личности³. Если кто-либо не согласен

¹ Про тех, кто считает, что «раньше все было благородно и красиво», даже писать не хочется. Посмотреть бы на всех идеализаторов старины, помещённых в якобы нравящиеся им условия, только в реальные — без современной техногенной инфраструктуры.

² Общепринятой трактовкой термина «разумный» является «тот, кто хоть в какой-то степени обладает разумом». Мы же здесь и далее во всей книге употребляем это слово несколько не конвенциональным способом: в значении «тот, кто ставит разум на первое место а priori» (в сравнении с эмоциями, к примеру). Таким образом, возникает категория существ, обладающих некоторым разумом, но не относящихся к разумным в терминах, принятой в этой работе — собственно, к этой категории и относится большинство людей. Аналогия: курица имеет крылья, но пользуется ими, скажем так, крайне нерегулярно.

³ Примечание 2014 г.: разумеется, речь идёт не о либеральном понимании свободы. См. по теме «Вольному свободе недостаточно», <http://warrax.net/96/02/volya.pdf>

с тем, что именно наука (в значении «развитие Знания») подходит на эту роль, то он может предложить альтернативный вариант цели развития цивилизации *разумных* существ. Было бы крайне любопытно услышать что-то новое. «Духовное самосовершенствование» не предлагать, это относится к иллюзиям как к побочному эффекту наличия багов в отдельно взятых мозгах, а не относится к разуму как к обобщенному понятию.

Примечание: право на свободу имеет именно *личность de facto*¹, а не просто «двуногое без перьев с плоскими ногтями» (определение человека, данное Платоном).

Также отсутствует оценка общественно-социологических преобразований с позиций «добра/зла», «морали», «этики», «гуманизма» и тому подобных искусственных абстракций, влияние которых на чел-овечество будет разобрано в дальнейшем, как и их алогичность. Единственными критериями, достойными разумного существа, мы считаем *необходимость* и *целесообразность*² — которые, кстати, полностью соответствуют действительности, по крайней мере — действительности, наблюдаемой на данный момент времени.

Не являясь экстремистами, мы тем не менее признаём, что во многих случаях наиболее эффективны именно кардинальные преобразования, а не полумеры, принимаемые обычно лишь из человеческой слабости — нежелания взять ответственность на себя.

В условиях демократии найти того, кто бы взял на себя ответственность, особенно трудно. А как известно — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает³. Командиры во время войны в Чечне иногда предпочитали не заметить противника, чем вступить в бой и оказаться под угрозой трибунала. Ошибка командующего, как правило, ведет к лишним потерям — и демократизированное общество, кипит от возмущения, готово уже его растерзать. Ярким примером может служить судьба Мильтиада, стратега, командовавшего греками при Марафоне. Он умер в тюрьме от гангрены, оставив в наследство огромную сумму штрафа. При демократии не смогли бы выбиться в полководцы такие монстры войны, как Чингисхан, Тамерлан. Они, видите ли, случалось, проигрывали битвы. Конечно, за ошибки нужно платить, но у демократии спекулятивные тарифы⁴.

¹ Вопрос, кого считать за личность — отдельный и будет раскрыт позднее.

Примечание 2014 г.: См. «Теории личности», <http://warrax.net/89/pers.html>

² И здесь тоже существует некоторый семантический нюанс: «целесообразный» в общепринятом понимании — это наиболее соответствующий некоей цели. Мы употребляем термин именно в этом значении, но учитываем то, что в контексте он относится к *разумным* существам, а не к достижению любой, в т.ч. *неразумной* цели.

³ Разумеется, это не обозначает, что любой тоталитарный строй лучше демократии: вспомните, какой вклад в развитие мировой науки и культуры внесла демократическая Древняя Греция, как успешно она противостояла феодальной Персии (при этом нельзя сказать, что Дарий и Ксеркс были бездарными полководцами, а уж в людях и ресурсах недостатка у них и подавно не было). С другой стороны, вполне официально демократические Соединенные Штаты спокойно дали японцам разбомбить свой флот в Перл-Харборе. Руководство страны прекрасно понимало, что для спасения кораблей требуются большие усилия, а новый куда более мощный флот уже вот-вот должен был построен. Тысячи же убитых послужили прекрасным поводом объявить войну Японии. Очень хороший политический ход, но является ли такое отношение к гражданам собственной страны демократическим? Совсем тупой и грубый вопрос: моряки *добровольно* согласились погибнуть или их попросту *предали*?

⁴ Республика (классическая, а не по названию) страдает таким недостатком гораздо в меньшей степени. Римляне справедливо полагали, что страх наказания помешает полководцам действовать энергично и решительно. К примеру, «когда Папирий Курсор хотел казнить Фабия за то, что он против его приказаний вступил в бой с самнитами, отец Фабия в числе других доводов против намерения диктатора приводил то, что римский народ ни за одно поражение не наказывал своих полководцев так, как Папирий хочет наказать за победу» (Н. Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн.1, XXXI). Впрочем, такой подход обладает другим недостатком, возьмем пример из того же Ливия (V, 6-8): сражение отрядов Сергия и Вергиния. Сергий, будучи атакованным, не стал просить помощи у Вергиния из-за ложной гордости, а тот не пришел на помощь, ожидая таковой просьбы. Не желая отступать от древнего порядка, римляне назначили наказание всего-навсего в виде денежной пени.

Итак: сохранение общества и его членов в современном виде *не постулируется*. Это относится к форме правления, к психике, фенотипу и генотипу разумных существ, а также к любому другому параметру. Развитие вида Номо в сторону увеличения «Sapiens'ности» видится нами как *необходимое* условие эволюции человечества, а дальнейшая эволюция Номо — как возможное, но не обязательное. Конечно, Номо Sapiens является видовым названием¹, и здесь имеется в виду футуристический прогноз: к примеру, киборгизация является перспективным направлением, но термин Номо к киборгу не подходит. Та же ситуация несоответствия «человеку» будет и в случае *принципиального* изменения психики. Или в случае обнаружения разумной жизни, отличной от вида Номо.

Ранее в некоторых статьях и высказываниях в качестве «наиболее разумного общества» нами приводился пример меритократии. Этот термин ведёт свое происхождение от «merit» (заслуга), и обозначает общественный строй, в котором каждый имеет положение, зависящее от его заслуг перед обществом. Меритократия, несомненно, является более разумным общественным строем, чем все существовавшие исторически, но, тем не менее, при ней остается вероятностный фактор оказания значительной услуги *случайно*, а не благодаря собственным качествам, и вознаграждение за такой поступок будет неадекватным.

Более того, пока для члена общества мотив «заслуг перед обществом» будет сколь-либо *значимым* — это будет ещё «не то» общество. Любая активность индивида становится «заслугой перед кем-то/чем-то» тогда, когда предусматривает *последующее* особое отношение (за фактически совершенное *в прошлом*). Более разумной представляется позиция оплаты пользы в *настоящем*, а не стрижка купонов, получаемых в виде дивидендов за что-то давнее². Наиболее соответствует разумному поведению отношение «без социальных заморочек» — в каждый конкретный момент индивидууму должно быть *безразлично* отношение общества, до тех пор, пока ему не станет *выгодным* какое-то «конкретное общественное отношение к нему» (вообще, отношения индивидуума и общества должны быть *взаимовыгодными*)³.

В обществе, построенном на разуме, не должно быть «хвостов прошлых заслуг и недостатков» — именно в этом меритократия «не идеальна». Не в «возможности случайной заслуги» — а в самом *факте наличия* такого понятия, как «заслуга».

Развитый и образованный интеллектual в обществе живет сам по себе, и общество ему нужно постольку, поскольку (и если!) ему *выгодно* существование общества. А так как он интеллектual — ему выгодно существование далеко не каждого общества. А только такого, которое помогает ему *развиваться* (или, по крайней мере, не мешает). У него *нет* мотивов, не основанных на расчете выгоды *для себя*⁴.

Именно поэтому в данной работе для обозначения гипотетического разумного устройства социума используется термин «аристократия». Слово это греческого происхождения: *ариста* — наилучшим образом, отлично, превосходно; *аристеус* — лучший, знатнейший, славнейший, доблестный; *аристеуω* — быть лучшим, славнейшим, первым, выделяться, отличаться. И, наконец, само слово *аристо-кратиа* имеет два значения: господство родовой знати и *власть лучших*. Именно во втором значении и используется слово. Исторически же (из-за *чел-овеческого* стремления судить

¹ Вообще говоря, sapiens (лат.) скорее переводится как «мудрый» (рассудительный, благоразумный), мы же имеем ввиду значение, близкое к «интеллектуальный». Использование термина в несколько некорректном виде связано с устоявшимся переводом Номо Sapiens именно как «человек разумный» и нашим пониманием разумности. Отличие интеллекта от мудрости см. в «Principes Omnium».

² Разумеется, заслуга, которая была в прошлом, должна быть оплачена (тогда же, причём одновременно).

³ Примечание 2014 г.: Это не означает, что интеллектual антисоциален. Он может быть даже общественным деятелем, если сочтёт это целесообразным; речь идёт о том, что коллективистскость интеллектuala — осознанная, в отличие от стадности чел-овеков.

⁴ Интеллектualов-альтруистов не бывает даже в детских сказках.

Примечание 2014 г.: на всякий случай — речь вовсе не обязательно идёт о материальной выгоде.

родственников необъективно, давая им значительные преимущества а priori), аристократия выродилась именно во власть *по наследству* без учета качества наследников. Генетический фактор играет значительную роль в способностях индивидуума, но при этом не отрицается ни средовой фактор, ни случайные отклонения. Таким образом, в передаче выдающихся способностей аристократии играет роль генетика, но не генеалогия. Подробнее этот вопрос будет разобран позднее, сейчас же достаточно заметить, что в рассматриваемой модели общества передача по наследству чего-либо, кроме генов, будет сведена к минимуму.

Отступление на тему словарных определений

...а на каком основании ограниченность некоторых делать законом для всех? ©

Очень часто можно встретить возражения, сводимые к вопросу «а почему вы под всем привычными словами подразумеваете не общепринятые значения?». После этого обычно следует потрясение словарем, взятым с запылённой полки, либо наоборот — свежескачанной словарной статьёй из интернета.

Собственно говоря, этот вопрос требует не ответа, а демонстрации — достаточно взять советский словарь середины прошлого века и современный, после чего сравнить статьи «коммунизм» и «генетика». Да и вообще, «распущенный подонок» в трудах современников Ломоносова обозначает всего-навсего «растворенный осадок».

Тезис «всё надо понимать только так, как в словаре написано» выглядит странно не только из-за несоответствия словарей друг другу, но и в случае, если бы остался некий Единственно Верный Толковый Словарь. Сами подумайте: если можно всё понимать исключительно предписанным образом, то новые слова просто не могут появляться, и язык замирает в развитии. Зачем такое может быть нужно? Прочитируем классиков, Оруэлл, «1984»:

«Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англофа, но и сделать невозможными любые иные течения мысли. Предполагалось, что когда новояз утвердится навеки, а старояз будет забыт, неортодоксальная, то есть чуждая англофа, мысль, постольку поскольку она выражается в словах, станет буквально немислимой. Лексика была сконструирована так, чтобы точно, а зачастую и весьма тонко выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, а кроме того, отсесть все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями. Это достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных значений — по возможности от всех побочных значений. Приведем только один пример. Слово «свободный» в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как "свободные сапоги", "туалет свободен". Оно не употреблялось в старом значении "политически свободный", "интеллектуально свободный", поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия, а следовательно, не требовали обозначений. [...] Любое нужное слово научный или инженерный работник мог найти в особом списке, куда были включены слова, встречающиеся в других списках. Слов, общих для всех списков, было очень мало, а таких, которые обозначали бы науку как область сознания и метод мышления независимо от конкретного ее раздела, не существовало вовсе. Не было и самого слова "наука"; все допустимые его значения вполне покрывало слово "англофа". Из вышесказанного явствует, что выразить

неортодоксальное мнение сколько-нибудь общего порядка новояз практически не позволял. Еретическое высказывание, разумеется, было возможно — но лишь самое примитивное, в таком примерно роде, как богохульство. Можно было, например, сказать: "Старший Брат плохой". Но это высказывание, очевидно нелепое для ортодокса, нельзя было подтвердить никакими доводами, ибо отсутствовали нужные слова. Идеи, враждебные англсоцу, могли посетить сознание лишь в смутном, бессловесном виде, и обозначить их можно было не по отдельности, а только общим термином, разные ереси свалив в одну кучу и заклеив совкупно».

Рассмотрим возможные случаи разночтения общепринятых терминов.

Историческое изменение значения, обычно не влекущее недоразумений. Пример: «инвалид». Сейчас этим словом обозначают калеку, но еще в начале XX-го века оно обозначало «ветеран войны» в общем виде.

Исторически сложившаяся неверная трактовка термина. Самый наглядный пример: нацизм и фашизм. Часто люди вообще не разделяют эти понятия, хотя фашизм — это политическая теория «сильного государства», постулирующая малозначимость индивидуума по сравнению с государственной идеей, а нацизм — это теория априорного превосходства одной нации над другой. Что интересно (но малоизвестно), Гитлер (национал-социалист) и Муссолини (фашист) очень не любили, когда их идеологии путали друг с другом.

Исторически сложившаяся перверсия значения термина. Пример: «ведьма». Очевидно, что слово происходит от глагола «ведать» (знать). Однако, благодаря усилиям христиан в современном языке общепринято употребление этого слова практически как ругательства (а несколько ранее «ведьма» понималась как «злая колдунья»). Обратите внимание — о «добрых» ведьмах никто и никогда не слышал).

Еще более наглядный пример, правда, не слова, а символа — свастика. Проанализируйте сами «логичность» восприятия свастики как «нехорошего» символа, исходя из языкового оригинала. «Су» — это добро, благо; «асти» — русское «есть», английское «is», немецкое «ist», французское «est»; «ка» — просто суффикс субстантивации¹.

Как легко видеть, свастика имеет значение², очень даже отличное от общепринятого¹.

¹ В санскрите есть так называемые правила сандхи — правила стыков слов и частей слов (это правила, аналогичные французскому liaison, только гораздо сложнее). Например, звук + грома = звукгрома (так не только говорят, но и пишут), обед + подан = обетподан. Так вот, древние индийцы почему-то терпеть не могли двух гласных подряд и разработали кучу правил, как от них избавляться. Поэтому по правилам сандхи су + асти = свасти.

² В качестве справки из «Словаря Символов»: «Идеограмма, обозначающая движение космоса и созидательной энергии, наиболее древний и широко распространенный из всех графических символов. [...] Традиционно свастика имела положительную смысловую нагрузку. Использование этого символа нацистами сделало ее наиболее узнаваемым элементом в XX столетии с репутацией, прямо противоположной ее древнему значению. [...] Знак свастики, вероятно, изображал солнечное колесо, во многих культурах его связывали с богами солнца или неба, особенно в индоиранской традиции. Концы свастики могут быть загнуты как по часовой, так и против часовой стрелки. Свастика, "закрученная" концами влево, — буддийский символ бесконечного существования — иногда, довольно редко, связывалась с мужским началом, а также являлась эмблемой, которую использовал Карл I (742-771). Свастика с концами, загнутыми вправо (такую использовали немецкие нацисты), в Верхней Месопотамии связывалась с женским порождающим началом, ее часто изображали внизу живота великой семитской богини Иштар, которую в античной традиции сопоставляли с Артемидой (в римской мифологии — Дианой). [...] Символизм свастики как знака жизненных сил, солнечной энергии и циклического возрождения часто совпадал с символизмом Создателя, особенно это заметно в традиции джайнизма. Свастика изображалась на стопе или груди Будды (неподвижная сердцевина колеса Становления); она также была эмблемой Христа в раннехристианских катакомбных церквях; символом ведических и индуистских богов (Агни, Брахмы, Сурии, Вишну, Шивы,

Итак, в данном случае верное архетипически понимание термина не соответствует массовому сознанию, следующему официальной пропаганде. Т.е. выбор стоит так: либо понимать верно, либо — как все².

Искусственная перверсия значения термина. Пример: «атеизм». Слово греческого происхождения (αθεον — безбожие). Приставка «α-» обозначает отсутствие, «θεος» — «бог». По своей семантике слово обозначает «отсутствие бога», соотносительно к мировоззрению — невведение бога в картину мира. Однако наблюдается явная тенденция со стороны верующих передергивать «неверие в бога» в пользу «веры в отсутствие бога», что автоматически низводит атеизм до такого же проявления веры, как религия³.

Искусственное сужение/расширение понимания термина. Пример: «эксплуатация», «наука». В первом случае во времена социализма официально считалось, что при капитализме происходит эксплуатация человека человеком, а при социализме — наоборот что её вообще нет. Т.е. социалистическая эксплуатация (субботники, воскресники, летние лагеря труда в колхозах, осенние отработки студентов в тех же колхозах и т.п.) — это якобы не эксплуатация. Во втором случае в настоящее время широко практикуется использование термина «наука» шарлатанами, организующими «академии альтернативных наук» и т.п. Яркой иллюстрацией могут служить представители «научного креационизма».

Примечание: в редких случаях искусственное расширение значения термина не приводит к недоразумениям. К примеру, «идиот» и «дебил» изначально являлись чисто научными терминами (аналогично «могон» в англ. яз.), но достаточно быстро приобрели более широкое применение. Впрочем, здесь есть существенная особенность: при de jure расширении значения de facto значение термина не менялось.

Приобретение термином нового значения при сохранении старого. Классическими примерами являются глаголы hack (ранее — «рубить» и т.п., а сейчас обозначает и то, от чего хакеры и получили свое название) в английском языке и «трахнуть» в русском.

Изначальная искусственная перверсия термина. Пример: «сатанизм». Термин как таковой возник практически в XX веке, а широкое распространение получил в конце 60-х благодаря А.Ш. ЛаВею. До этого повсеместно использовался термин «дьяволопоклонник» в различных вариантах (англ. — devil worshipper). По семантике «сатанизм» обозначает не более, чем «имеющий отношение к Сатане» без конкретизации понимания образа

Ганеши); в Древней Греции — Зевса, Гелиоса, Геры и Артемиды; в санскритских культурах — Тора (его молот иногда изображали в виде свастики с двумя зигзагообразными молниями). Крылатый диск на свастике был символом солнечной энергии в Египте и Вавилоне. Свастика нашла широкое применение во многих регионах. Ее наносили на священные объекты и на предметы быта, при этом ее значение могло быть самым разнообразным. Кроме присущей свастике энергии вращения, использовалась и другая графическая символика этого знака: загнутые концы образуют квадрат, окружающий статический центр. В символике североамериканских индейцев свастика была связана со священным числом четыре, четырьмя богами ветров, четырьмя временами года; в Китае — с четырьмя сторонами света [...]. В масонской традиции ее использовали в качестве символа, отводящего беду и зло. Свастика была также секретным знаком гностиков и хеев. Как эмблема "арийской" расовой чистоты свастика стала использоваться перед Первой мировой войной членами антисемитских социалистических группировок в Германии и Австрии. Гитлер, великолепно владевший искусством манипуляции массовым сознанием, использовал присущий этому символу динамизм для нужд своей партии и в августе 1920 г. поместил свастику на нацистских знаменах, присвоив тем самым ее призывную силу. "Эффект был как от разорвавшейся бомбы", — писал Гитлер позднее.

¹ В России, Европе и т.п., где свастику считают исключительно символом фашизма.

² Приходилось слышать мнения «значит, теперь значение термина другое!». Позволим себе заметить, что такой «контраргумент» говорит исключительно об незнании оппонентом свойств коллективного бессознательного, имеющего весьма большую, условно говоря, инерционность. Изменение подсознательного восприятия древнейшего символа за несколько десятков лет — это даже не смешно, хотя конечно, следует учитывать культурозависимость восприятия.

³ Это связано с особенностью мышления верующих — они крайне редко способны понять, как можно ни во что не верить.

такового¹. Однако, христианские² церковники объявили (есть у них такая привычка) единственностью своей трактовки образа Сатаны, и, соответственно, термина «сатанизм». Церковные измышления, как не трудно догадаться, имеют крайне мало общего с пониманием Сатаны сатанистами (даже теми, кто верит в Сатану как в демона, противостоящего богу). Кто-то хорошо сказал: «Если сатанизм — это поклонение Сатане, то дебилизм — это поклонение дебилам». Таким образом, термин уже в момент своего возникновения понимается *большинством* искаженно.

Использование общеупотребительного слова в другом ключе. Пример: «воля» в философских трудах А. Шопенгауэра.

Использование слова в общеупотребительном значении, когда слово также имеет специальное. Пример: идет милиционер мимо физфака МГУ, на ступенях лежит в ноль пьяный студент, рядом валяется учебник. Милиционер поднимает его и читает: «Лан-да-у, Лив-шиц... Те-о-ри-я по-ля... У, нализался, агроном проклятый!».

Таким образом, словарные статьи никак не могут являться критерием правильности понимания термина. Более того, часто по идеологическим соображениям в словарные статьи вводятся *нарочитые* искажения значений.

Следует обратить внимание и на то, что популярные энциклопедии, к которым по своей сути относятся и толковые словари, ориентированы не на полноту изложения, а на *популярную* на время издания трактовку терминов. Чтобы получить профессиональные знания о предмете исследования, надо читать не словари, а монографии, которые сложно понять без предварительной подготовки. Изучение же предмета надо начинать отнюдь не с популярных (предназначенных для народа³) словарей. Rem tene, verba sequentur.

Понимание же семантики слов логичнее основывать на их происхождении, архетипическом значении etc., а не на последних веяниях идеологии, отраженной в товарах народного потребления, сколь энциклопедичными они не назывались бы на обложке. Слова и мышление тесно взаимосвязаны⁴, поэтому, играя трактовками слов, можно манипулировать сознанием⁵. Некоторым образом мы сами так и поступаем в этой работе, акцентируя написание «чел-овечество», вводя далее термин «сапиенс», используя «аристократизм» только в одном из двух значений, причем в давно забытом и т.д.

Вы имеете полное право не читать дальше и пойти учить Ожёгова наизусть.

¹ Позволим себе нескромность и на правах саморекламы порекомендуем к прочтению нашу первую книгу «Princeps Omnium».

² Вообще-то, Сатана встречается и в Торе, но иудеи куда менее назойливы в пропаганде своей религии, а, главное, согласно их пониманию, Сатана не является противником бога, поэтому для иудея само слово «сатанизм» звучит странно в рамках национальной культуры.

³ Народ на латыни пишется как «populis». Интересно, случайным ли совпадением является созвучие с «popular» (опустошать, разорять, разрушать, отнимать, лишать, увечить), или же это отражает тенденции, проявляемые этим самым народом, если его оставить без присмотра?

⁴ Классическим примером является наличие множества слов для обозначений разных видов снега у северных народов.

⁵ Ещё один пример: наши разведчики, но — их шпионы.

Человек — это звучит гордо?

Человеку, который все называет своими именами,
лучше на улице не показываться — его избьют как
врага общества.

Д.Савил, маркиз Галифакс

Удались от людей, только правду одну говорящий,
Ибо правда твоя для внимающих — желчи не
слаще.

Аль-Маарри

Звучит-то «человек», допустим, гордо. А вот как выглядит и что из себя представляет? Для начала логично привести конвенциональное определение человека. Для этой цели вполне подойдут две цитируемые ниже словарные статьи¹, первая — из толкового словаря Ожегова, вторая — из универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия.

ЧЕЛОВЕК, а, в знач. мн. употр. люди, ей (человеки устар. и шутл.; косв. п. человек, человеками и т.д. только в сочетании с количественными словами; зват. п. человек в обращении устар. и шутл.), м.

1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Ч. разумный (в зоологической систематике: вид в отряде приматов; спец.). Первобытный ч. (исторический предок современного человека). Биологическая природа человека. Духовный мир человека. Я ч., и ничто человеческое мне не чуждо (афоризм). Ч. это звучит гордо (афоризм). Рабочий ч. Ученый ч. Честный ч. Пять человек. Ч. с большой буквы (высоких моральных достоинств). Молодой ч. (о юноше, молодом мужчине, обычно в обращении). Будь человеком! (веди себя по-человечески; разг.). Вот ч.! (о том, кто вызывает удивление теми или иными своими качествами, поступками; разг.). Все мы люди, все человеки (никто не лишен человеческих слабостей; шутл.).

2. В России при крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга.

уменьш. человек, чка, м. (к 1 знач.).

унич. человекешка, и, м. (к 1 знач.).

прил. человеческий, ая, ое (к 1 знач.) и человекий, ья, ье (к 1 знач.; разг.)

Итак, к делу здесь относится лишь *«Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда»*, а также обратите внимание на то, что «Человек с большой буквы» — это именно носитель *"больших моральных достоинств"*. Смотрим второе определение:

ЧЕЛОВЕК, общественное существо, обладающее сознанием, разумом, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. Человек возник на Земле в ходе длительного и неравномерного эволюционного процесса антропогенеза, многие этапы которого до конца не ясны. Полагают, что 8-5 млн. лет назад африканские обезьяны разделились на 2 ветви: одна привела к

¹ В intro мы наглядно показали ненадежность словарей в плане истинного толкования значений слов, но здесь нам требуется именно *общепринятое* определение.

человекообразным обезьянам (шимпанзе и др.), другая к первым гоминидам (австралопитекам, обладавшим двуногой походкой). Вероятно, ок. 2 млн. лет назад австралопитеки дали начало роду «человек» (Homo)¹, первым представителем которого многие ученые считают «человека умелого» (Homo habilis) его ископаемые остатки находят вместе с древнейшими каменными орудиями (т.н. олдувайская культура). Ок. 1,6-1,5 млн. лет назад этот вид сменился в Вост. Африке «человеком прямоходящим» (Homo erectus). Различные по особенностям морфологии и степени развития представители этого вида (архантропы, палеоантропы) начали расселяться из тропической Африки по всему континенту, а также в Европе и Азии. По поводу времени, места возникновения и непосредственных предков человека современного вида человека разумного (Homo sapiens) в науке нет единого мнения. Согласно одной гипотезе, он возник в Африке ок. 200 тыс. лет назад и затем повсюду вытеснил более древних людей; согласно другой формирование «человека разумного» (т.н. сапиентация) происходило постепенно в разных частях планеты. Ок. 40 тыс. лет назад, на рубеже верхнего палеолита, «человек разумный» становится единственным представителем семейства гоминидов и заселяет практически всю Землю.

Как биологический вид человек имеет множество общих признаков с млекопитающими, прежде всего приматами². Специфические особенности человека, резко выделяющие его из мира животных: прямохождение, высокое развитие головного мозга, мышление и членораздельная речь. Человек познает и изменяет мир и самого себя, творит культуру и собственную историю. Сущность человека, его происхождение и назначение, место человека в мире были и остаются центральными проблемами философии, религии, науки и искусства.

Здесь важным является *«общественное существо, обладающее сознанием, разумом, субъект общественно-исторической деятельности и культуры»*, а также последний абзац.

Проведем критический анализ признаков, по которым обычно отделяют человека от животных. Для начала перечислим эти характерные признаки человека, приведенные в конвенциональных определениях, и подробно разберём их:

1. мышление;
2. речь;
3. способность создавать орудия и пользоваться ими;
4. Человек с большой буквы — тот, кто обладает моральными достоинствами;
5. общественное существо;
6. сознание;
7. разум;
8. субъект общественно-исторической деятельности и культуры;
9. прямохождение;
10. высокое развитие головного мозга;
11. познает и изменяет мир и самого себя;
12. творит культуру и собственную историю;
13. центральная проблема философии, религии и искусства.

¹ Есть версия, что австралопитеки были не предками человека, а параллельной тупиковой ветвью. В контексте главы это несущественно.

² Обратите внимание на типично чел-овеческую манию величия: по прочтении фразы складывается впечатление, что человек на млекопитающих похож, но к ним не относится ☺

Часть пунктов можно отсеять сразу. Так, 8, 12 и 13 пункты являются антропоцентрическими и представляют не взгляд на проблему снаружи, а внутреннее субъективное мнение определяемого же объекта, что некорректно для определения. Пункт 3, именно в такой формулировке, не является прерогативой человека¹: к примеру, есть порода дятлов, которая для извлечения личинок из-под коры использует колючки, оторванные от растений — чем не орудие труда? Еще красноречивее дятлов пример приматов: человекообразные обезьяны широко используют палки, а ловля термитов на тростинку вообще является шедевром обезьяньей мудрости — палочку *специально готовят*, очищают, потом вводят в термитник, термиты впиваются в нее и их вытаскивают. Шимпанзе разбивают камнями твердые орехи. Брем описывал, как во время путешествия с герцогом Кобург-Готским в Абиссинии павианы напали на отряд, сбрасывая с горы множество камней, причем действовали при этом *слаженно*. Таким образом, отличие отнюдь не качественное, как хотелось бы антропоцентристам, а всего лишь количественное.

Общественность (п.5) как признак — это даже не смешно: вспомните муравьев, пчел и термитов. Если же это относить к общению, то пункт дублирует разум и т.п. (при этом многие животные имеют иерархическую структуру стаи или группы).

Речь (п.2), как и создание орудий труда, имеет лишь количественную, а не качественную разницу², так как системы сигналов и т.п. давно обнаружены у множества видов животных³. Цитируем Ч. Дарвина, «Происхождение человека и половой подбор»:

«...ни один филолог не думает в настоящее время, что какой бы то ни было язык был выдуман сознательно, но все принимают, что каждый развивался медленно и бессознательно шаг за шагом. Звуки, издаваемые птицами, представляют во многих отношениях близкую аналогию с речью, потому что все члены одного вида издают одни и те же звуки для выражения своих ощущений⁴; далее, все виды, обладающие способностью петь, начинают интенсивно практиковаться в этом искусстве, но настоящие песни и призывные голоса перенимаются от родителей и воспитателей. Последнего рода звуки, как показал Дэнс Баррингтон, "так же мало врожденны, как и речь у человека". Первые попытки петь "могут быть сравнены с неумелыми попытками лепечущего ребенка". Молодые самцы учатся в течение десяти или одиннадцати месяцев. В их первых пробах едва ли можно открыть зачатки будущей песни; но по мере возраста они приближаются к ней и выучиваются ей вполне. Птицы, выучившиеся песням другого вида, как, например,

¹ В антропологии принято различать праорудийную деятельность, использование в качестве орудий подручных средств, иногда с обработкой их при помощи органов тела (зубов, ногтей и т.д.), и производственную деятельность — преднамеренное изготовление орудий с помощью других орудий. Первый вид деятельности признается за высшими животными. Но у современных животных даже праорудийная деятельность не шибко бросается в глаза. Однако, в процессе антропогенеза, постепенного выделения человека из среды приматов, именно переход к производственной деятельности принято считать границей.

² Можно, конечно, разделить орудийную деятельность и производственную, но разве все люди создают себе орудия производства? Иногда пытаются ввести критерий сохранения орудий труда для последующего использования, но и здесь отмечены случаи обезьян, имевших любимые камни, палки и т.п.

³ Разумеется, можно говорить, что у животных не язык, а лишь система сигналов. Но ведь когда-то у наших предков было тоже самое, и указать четкую границу, с которой начинается именно язык, затруднительно. То, что люди используют более сложные системы сигналов, говорит об их разумности лишь косвенно. Скажем, хорошо известен пример обучения молодых шимпанзе языку жестов. Если кто-то хочет возразить на основании того, что их этому учили, то мы ждем примера, когда человеческий ребенок научился говорить самостоятельно.

⁴ Точнее говорить не о речи, а об сигнальной системе — звуки нечленораздельны. С другой стороны, а откуда мы можем точно знать, как эти звуки воспринимаются птицами? Да и систему сигналом вполне можно назвать праречью.

канарейки, выведенные в Тироле, учат им своих птенцов и таким образом передают их по наследству».

Более того — о речи как таковой в качестве отличительного признака человека говорить вообще некорректно.

Во-первых, речь может служить прежде всего признаком общения с себе подобными — не будь человек стадным животным, не было бы смысла обмениваться сигналами, и речь просто не возникла бы. С другой стороны, любая группа совместно живущих животных постоянно обменивается сигналами, достаточно сложными и всегда — уникальными. Понятие «членораздельность» в этом смысле не критично, поскольку вытекает только из строения голосового аппарата. Но и членораздельность — не уникальность, а скорее вынужденная мера, обусловленная довольно узким диапазоном звукового восприятия приматов. Летучие мыши генерируют более 500 различных уникальных сигналов, и такого «алфавита» им вполне достаточно для жизни, поэтому у них просто отсутствует эволюционное усложнение сигналов.

Как способ общения речь не относится к собственно человеку, а лишь является признаком стадного животного. Речь для конкретного субъекта существует постольку, поскольку она существует для других особей. Все остальное вытекает из физических особенностей каналов приема-передачи информации.

Вывод: речь — признак стадного животного.

Прямохождение как признак человека тоже кажется странным, так как это всего лишь естественная поза для соответствующего биологического строения организма.

Вертикальное расположение туловища обусловлено только эволюционно-приспособительными факторами животных с довольно большой массой, проводящих какую-то часть времени на деревьях (в связи с вертикальным расположением стволов последних). Ведь прямохождение на горизонтальной поверхности — эволюционный минус, т.к. переносит нагрузку тела с четырех конечностей на две, снижая тем самым устойчивость и скорость передвижения животного¹. В ветвях же всё логично: центр тяжести приближен к стволу, верхние конечности способны выполнять хватательную функцию, а нижние — пружинящую и толчковую.

Для тех же дельфинов способность к плаванию ведь не является признаком высокого развития относительно других морских животных?

Изменение мира и себя (п.11) в той или иной степени свойственно всем без исключения живым существам, поэтому тоже не является принципиальным отличием. Правда, по этому пункту могут быть возражения; однако, любая бактерия изменяет мир продуктами своей жизнедеятельности, а если переформулировать тезис как «осознанно изменяет», то опять приходим к обсуждаемому вопросу — все ли люди делают это *осознанно*? Изменение себя, казалось бы, не характерно для животных, но, опять же, смотря что под этим понимать. Та же дрессировка — как понимать ее в этом аспекте? «Вот смотри, Чита, сейчас я нажму на рычажок три раза, зажжется лампочка и тот тип в белом халате сразу принесет нам по банану». И во многом ли отличается стандартное поведение представителей чел-овечества от результатов дрессировки с детства?

Не стоит чрезмерно «социализировать» способность самоизменения — таким путем любое живое существо повышает свой уровень выживания в среде, будь это изменение цвета хамелеона или изменение политической ориентации бывшего коммуниста.

«Человек гордится тем, что он единственное животное, которое может изменить свою природу, однако, когда он пытается сделать это, его называют обманщиком». — А.Ш.ЛаВей

Пункт 10, **высокое развитие головного мозга**, практически дублирует развитие сознания, мышления, разума и т.п.

¹ Умолчим про остеохондроз.

Итак, у нас осталось лишь наличие сознания, мышления и разума, а также моральные качества¹. При этом мышление является либо синонимом сознания и разума в разных трактовках, либо подмножеством (условно) таковых. Запомните из списка «моральные качества» и вынужденно опять займемся цитированием определений.

СОЗНАНИЕ, одно из основных понятий философии, социологии и психологии, обозначающее человеческую способность² идеального воспроизведения действительности в мышлении. Сознание — высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью³, идеальная сторона целеполагающей деятельности. Выступает в двух формах: индивидуальной (личной) и общественной.

Сознание является субъективной формой жизнедеятельности в объективной реальности, в его основе — способность *отличать* себя от своей собственной жизнедеятельности.

ПСИХИКА — свойство высокоорганизованной материи субъективно отражать объективную реальность. Необходимым свойством такого субъективного отражения является его активность. Одной из возможных форм психического отражения является *сознание*.

РАССУДОК И РАЗУМ, соотносительные понятия философии; у Канта рассудок — способность образования понятий, суждений, правил; разум — способность образования метафизических идей. Диалектика рассудка и разума развита Гегелем: рассудок как низшая способность к абстрактно-аналитическому расчленению является предварительным условием высшего, "разумного", конкретно-диалектического понимания. *Рассудок нередко понимают как способность оперировать готовым знанием, разум как творчество нового знания.*

Формально можно записать следующим образом:

РАССУДОК = познание (анализ).

РАЗУМ = познание (анализ) + творчество (синтез).

РАЗУМ, ум, способность понимания и осмысления. В ряде философских течений высшее начало и сущность (панлогизм), основа познания и поведения людей (рационализм). Своеобразный культ разума характерен для эпохи Просвещения.

МЫШЛЕНИЕ — процесс моделирования неслучайных отношений окружающего мира на основе аксиоматических положений.

Перед тем, как окончательно погрязнуть в жонглировании терминами, напомним еще один, имеющий непосредственное отношение к делу: *психика*. Надеемся, мало кто будет спорить, что именно уровень сложности (и специфичность) психики, а не просто ее

¹ При этом есть эксперименты, показывающие наличие у животных некоей «морали»: скажем, если крысы видели, что, когда они дотрагиваются до кормушки, других крыс бьет током, то большинство подопытных животных отказывалось от пищи. Чем вам не мораль? Но ладно, пусть здесь и в подобных случаях (скажем, среди дельфинов взаимопомощь весьма распространена), будут сложные инстинкты, а у чел-овечества — мораль. Для него же хуже.

² То есть, по этому определению, сознание является неотъемлемым и эксклюзивным свойством человека. Весьма странное заявление.

³ Не можем не поправить это словарное определение: «сознание связано с речью» в данном случае некорректно, так как в контексте определения наоборот — речь является следствием сознания. Разумеется, на сознание можно влиять вербальным внушением, но это уже совсем другая история.

наличие, является признаком, выделяющим человека из звериной среды¹, хотя по существующему законодательству человеком являются и те, чья психика находится на уровне растения (это признается медицинской патологией, но толку-то...). Этот вопрос будет разобран чуть позже, а пока отметим, что сознание, несмотря на энциклопедическое определение, приведенное выше (см. также сноску №1 на стр.12), не является эксклюзивной способностью человека, а присуще значительному количеству животных видов.

Разумеется, при рассмотрении этого вопроса возникает затруднение — невозможно судить со стороны, что происходит в восприятии животного. Тем не менее, хотя с высокой степенью достоверности можно допустить, что животные не мучаются над философскими проблемами бытия и т.п., любому хозяину собаки известно, что его пес видит сны. А что это, если не самосознание в какой-то степени: ведь для видения снов нужно воображение и память. С другой стороны, «Блюхнер замечает², что изнуренная работой жена грубого австралийского дикаря, которая не знает никаких абстрактных выражений и не может считать дальше четырех, едва ли напрягает свое самосознание или размышляет о смысле своего существования». Впрочем, эту сентенцию корректнее относить не столько к «дикарям», сколько вообще к субъектам с низким уровнем личностного развития, независимо от гражданства, в том числе и ко многим жителям «цивилизованных стран»; столь низкое мнение о «дикарях» было в те времена характерным предубеждением.

«У нас вошло в привычку насмехаться над каждым, кто превозносит первобытное состояние и противопоставляет его цивилизации. Хотелось бы мне, однако, послушать, что можно возразить на такое, например, соображение: еще никто не видел у дикарей, во-первых, умалишенных, во-вторых, самоубийц, в-третьих, людей, которые пожелали бы приобщиться к цивилизованной жизни, тогда как многие европейцы в Капской колонии и обоих Америках, пожив среди дикарей и возвратясь к своим соотечественникам, вскоре вновь уходили в леса. Попробуйте-ка без лишних слов и софизмов опровергнуть меня!» — Н. Шамфор

Впервые концепцию разума как метафизического термина в философию ввел Анаксагор в V веке до нашей эры. Он определял разум (*νοῦς*) как бесконечную, самоуправляемую, ни с чем не смешанную субстанцию, источник движения, необходимую часть всего живого, имеющую сходные свойства у животных и человека. Различие человека от прочих животных именно в *строении* психики (здесь можно понимать этот термин как совокупность способов мышления индивида).

Однако возникает сложность и с этим термином. Психика очень часто характеризуется путем перечисления отдельных видов психических процессов. Во многих словарях и учебниках психика определяется указанием на наши ощущения, эмоции, желания, память, мышление и т.п.³ Такое суммарное определение психики путем разложения ее на составляющие процессы исходит из распространенного представления о том, что часть всегда проще целого. Стоит, однако, обратиться к объяснению любого из этих определяющих психику явлений, как обнаруживается, что восприятия, чувства, мысли характеризуются «психическими процессами», т.е. они требуют для своего понимания представления о том, что такое психика. Получается замкнутый круг, на наличие которого редко кто обращает внимание. Но в *данном* контексте нас вполне устраивает определение психики человека как совокупности всех процессов, имеющих

¹ Именно признаком, а не определяющим критерием, иначе, если появится иное существо, но тоже со сложной психикой, придется признать его человеком

² Цитата по Ч. Дарвину, *ibid.*

³ Иллюстрация к сказанному выше: животные обладают ощущениями, желаниями, эмоциями, памятью и (в разной степени развитым) мышлением.

отношение к отображению реальности каким-либо способом¹. По отношению к животным, к примеру, существует такая наука, как зоопсихология.

Другим популярным способом «понимания» психики является определение её как функции мозга или нервной системы, т.е. увязывание её с конкретным физиологическим органом, который, в отличие от психики, можно воспринимать в виде определенной вещи. Однако, как нетрудно догадаться, это никак не приближает нас к ответу на вопрос, что такое психика как «вещь в себе»: несмотря на обоснованность связи психики с нервной системой достоверными физиологическими исследованиями, определение такого рода ничего не раскрывает нам в природе самой психики. Кроме того, неотъемлемыми от психики являются, помимо нервной системы, самые разные органы организма, в особенности — гормональные железы и множество самых различных рецепторов. Можно сказать, что «органом психики» является не только мозг, а организм как единое целое. В связи с этим можно вспомнить работы Вильгельма Райха по телесно-ориентированной психологии, наглядно демонстрирующие связь психических процессов с мышечной деятельностью², не говоря уж о железах внутренней секреции.

К вышесказанному следует добавить практикуемое в философии разделение сознания (мышления) на разум и рассудок. К приведенному на стр.16 словарному определению добавим рассуждения А. Шопенгауэра на тему *principium rationis sufficientis cognoscendi*: «Все животные обладают умом³, т.е. инстинктивно упорядочивают ощущения в пространстве и времени и руководствуются законом причинности⁴, но ни одно из них, за исключением человека⁵, не обладает *разумом*, т.е. способностью из конкретных единичных представлений вырабатывать понятия — *представления, отвлеченные от представлений*, не представимые, но мыслимые и символически обозначаемые словами».

Иногда можно встретить аргументацию, исходящую из высоко абстрактных понятий, к примеру — красоты. Однако и в этом случае у человека нет естественной монополии на эти чувства. Достаточно вспомнить птиц, у многих видов которых успешность брачного ухаживания зависит от красоты оперения или гармонии призывной песни. Возражение «животные не любят красивые пейзажи и не получают наслаждения от утонченных музыкальных произведений» не валидно⁶, так как находят удовольствие в

¹ Написать «имеющих отношение к сознанию» было бы некорректно (см. определения выше), сознание — всего лишь одна из форм психической деятельности. Возможно субъективное отражение действительности при отсутствии сознания. Классический пример — сон. Да и большинство индивидуумов, составляющих плебс, вполне бессознательно в повседневной деятельности. В целом вопрос достаточно сложен, и часто психологи специально оговаривают понимание термина: к примеру, Юнг в работе «AION» пишет: «Я ... предлагаю пользоваться термином "психическое" только в тех случаях, когда засвидетельствовано присутствие воли, способной модифицировать рефлексы либо инстинкты». Все эти сложности связаны исключительно с тем, что подавляющее большинство психологов не находит в себе сил (разума?) признать, что ψυχή — это *метафизическое* понятие.

² В качестве примера: попробуйте улыбнуться, когда у вас возникает чувство раздражения (именно улыбнуться, а не оскалиться, изображая пантомиму «людоед перед завтраком»). Раздражение уйдет на задний план. Таким образом можно регулировать даже многие физиологические реакции: скажем, позывы к рвоте при обонянии тошнотворного запаха ликвидируются тем же методом. Попробуйте смеяться и блевать одновременно — не получится ☺

³ Здесь эквивалентно рассудку в вышеприведенном определении. Вообще, мы считаем, что критерием сознания можно считать способность психики меняться на основе опыта. Таким образом, высшие классы животных обладают сознанием.

⁴ Разумеется, неосознанно.

⁵ Как видите, великий философ тоже считает, что человек — лишь один из видов животных. Вообще, стремление выделить человека как нечто совершенно отличное от остального мира явно отдает манией величия. А также свидетельствует о подсознательном нежелании развиваться дальше — зачем, если и так венец творения (природы)?

⁶ Б. Сергеев, «Как мозг учился думать»: «Какую бы оценку не получали произведения обезьян, несомненно, что для них создание "картин" — настоящий творческий процесс. В этом легко убедиться, понаблюдав, как сосредоточенно трудится шимпанзе над созданием своего произведения. Обычно ни лакомство, ни

подобных занятиях далеко не все представители человечества, а лишь те, которые обладают соответствующим уровнем развития и вкусом, при котором нравятся именно эти направления творчества.

Вообще критерием сознания можно считать способность психики меняться в результате взаимодействия с объективной реальностью (внешней средой). Таким образом, высшие классы животных обладают сознанием.

Человека всё же достаточно легко отличить от современных животных. Из критериев существенными являются настоящая (осмысленная) речь (язык) и производственная деятельность. Настоящая речь представляет собой следствие разума. Она отличается от природных звуков данного вида, каким является, например, смех. Поэтому она неодинакова у всех представителей данного вида; напротив, в разных популяциях развивается собственный язык. Производственная же деятельность заключается в изготовлении орудий в несколько технологических операций и с использованием для этого других орудий. Аналог такого рода деятельности у других животных обнаружить трудно¹. Этот достаточно качественный скачок обусловлен количественными характеристиками разума.

Но если в современности всё очевидно, то на протяжении антропогенеза четкую границу можно провести только благодаря дискретности палеонтологических находок, между датировками которых не одна тысяча лет. В общем же принципиальные различия представляются довольно расплывчатыми. В итоге можно признать человека «продвинутым» животным. Но даже эта продвинутость относительна, для иллюстрации чего достаточно поставить в один ряд кольчатого червя, орангутана и человека; и тогда перед лицом червя разница между человеком и обезьяной покажется несущественной.

Да и что считать главным признаком животного? Главную биологическую основу, семантически — корень «жив»? Ведь даже если бы человек станет сапиенсом на 100%, он не перестанет быть животным. Так же, как не перестанет быть обычным физическим телом².

Но и здесь есть свои затруднения (и даже не в том, что растения тоже живые), в самом понятии «жизни». Кто сможет аргументированно обосновать, живые вирусы или нет, разбив в пух и прах тезисы придерживающихся противоположной точки зрения?

Существует только один признак жизни на планете Земля, который и вошел в универсальное ее определение: «Жизнь — способ существования белковых тел». Остальные признаки жизни — способность к развитию (эволюции), обмен веществ с окружающей средой, раздражимость, способность к размножению, росту, развитию, активной регуляции своего состава и функций, к различным формам движения, приспособляемость к условиям среды и т.п. — не обладают квантором всеобщности либо относятся не только к тому, что принято считать «живым». Рассуждения на эту тему столь подробны только для наглядности как демонстрация тезиса о том, что вряд ли возможно

интересная игрушка не способны отвлечь четверорукого художника от его картины. Если процесс рисования прерывают, отбирая от обезьяны незаконченную работу, она злится, а когда через час или два разрешают продолжать работу, начинает с того же самого места, над которым трудилась, когда ее прервали. ... Для Пи-У не было большего удовольствия, чем обнаружить утром... свои вчерашние картины. Она часами могла рассматривать их с разных позиций, осторожно дотрагиваясь пальцами до особенно удавшихся штрихов. Собственные картины вызывали у Пи-У вполне определенные ассоциации. Одни изображения она лизала, другие нюхала, третьи — нежно гладила».

¹ В качестве примера примитивной деятельности: шимпанзе используют для разбивания орехов не просто первые попавшиеся камни, а специально их подбирают, причем как «молот», так и «наковальню», хранят их и обучат малышей как поиску подходящих, так и их использованию.

² Очень вероятно, что в далеком будущем станет возможным перенос сознания на другой материальный носитель. Но заниматься настолько далекими футурологическими прогнозами не входит ни в цель этой книги, ни в наше хобби.

абсолютно чёткое, однозначное и корректное определение таких многовариантных понятий, как «жизнь», «разум», «человек»¹.

Более того, существуют явные тенденции к тому, что сам «глобальный признак» — белковый носитель жизни — во вполне обозримом будущем может быть поставлен под сомнение; но, как уже писалось, это выходит за рамки данной работы.

На основании вышесказанного можно вывести такое определение: разумность — это способность к синтетическому мышлению² (которое само по себе требует оперирования абстрактными категориями, т.е. невозможно без абстрактных, неовеществлённых образов).

Сделаем попытку оценить долю сапиенсов среди людей на основании этого определения. Подавляющее большинство представителей людского рода эксплуатируют накопленный опыт (т.е. пользуются вещественными категориями, прекрасно обходясь тем, что было «пощупано или рассказано»), не внося в него *ничего* нового. В массе своей люди *не являются* сапиенсами. Сапиенсы среди них встречаются, но довольно редко. Основой обучения для человека, как и для высших животных, является *подражание* себе подобным. Конечно, человек способен подражать очень сложным действиям, недоступным другим животным, но по сути — это все равно *подражание*. Человек, подражая, учится читать; подражая, водит машину; подражая, ведет себя в обществе³. Подражая, человек создает себе напуск разумности, на самом деле использует лишь арсенал с детства отпечатанных в сознании и подсознании клише. Он даже может, подражая, работать на компьютере, и даже — подражая — писать программы... Ну и, конечно — подражая (или отрепетировав дома перед зеркалом) — общаться с другими людьми, иногда — достаточно долго и успешно. И даже считаться при этом «экспертам по общению» или вообще психотерапевтом.

Известен феномен «маугли», т.е. людей, выросших вне человеческого общества, который доказывает, что человек даже не догадывается взять в руки палку, если никто не подаст ему пример. После этого проникаешься уважением к, казалось бы, самому незначительному открытию типа этой самой заостренной палки. Ведь даже этого открытия не сделало бы большинство тех, кто носит костюмы, ездит на автомобилях, читает газеты, пользуется компьютером. Представители чел-овечества способны многому подражать, но беспомощны при попытке сделать шаг *без примера*. Для этого нужен *сапиенс*! Уникальность и редкость малейшего открытия можно показать на примере американских коренных цивилизаций: они использовали правильную двадцатеричную систему счисления, ввели понятие нуля, возможно, раньше, чем в Старом свете, до XII века их календарь был точнейшим в мире⁴. Но при этом среди них не нашлось сапиенса, который бы придумал колесо — на всем континенте! Малейшим шажком в развитии цивилизации чел-овечество обязано сапиенсам среди них. Остальные чел-овеческие экземпляры с точки зрения развития цивилизации — быдло, услуга или паразиты. И, что самое забавное или страшное — смотря с какой позиции рассматривать проблему — то, что относительное количество паразитов все растёт. Когда-то стройное, вполне здоровое и мускулистое тело языческой цивилизации превратилось в современное чел-овечество, что с сохранением наблюдаемых тенденций в ближайшем будущем неизбежно приведет к

¹ Обратите внимание, что таковые определения вызывают затруднение исключительно у высокоинтеллектуальных личностей. Не отягощенная излишками разума категория населения все это «интуитивно понимает при помощи здравого смысла». Как метко выразился К. Юнг: «нормальный человек "знает, что думает"».

² Конкретная реализация — дискурс, инсайт, интуиция — вторична. Впрочем, развитому разуму присущи все перечисленные категории.

³ Есть даже специальные «правила этикета», которым *рекомендуется* подражать, чтобы быть «приличным человеком».

⁴ Потом их обошел Омар Хайям (Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури), чей календарь до сих пор самый точный из когда-либо используемых; на третьем месте — Григорианский.

тому, что «тело цивилизации» будет обрюзгим и жирным из-за никому не нужных клеток, разъедаемым раковыми опухолями (религия, гуманизм etc.), работающими лишь на своё размножение и не заботящихся об организме в целом; и к тому же набитым всевозможными паразитами, которых из-за гуманизма и милосердия будут считать нужным кормить и помогать им размножаться.

Итак, получаем, что в определение человека входят как общие с прочими животными особенности, так и некие отличные, не обнаруживаемые в столь развитом виде у других животных¹. Точно также можно найти различия у человека и разумного существа как общего термина (в значении, объясненном ранее). Составим простейшую таблицу, рассмотрев несколько важных параметров.

Таблица 1 Сравнение животного, человека и сапиенса

	Животное ²	Человек	Сапиенс
Рассудок, сознание	наличествует	наличествует	наличествует
Разум	отсутствует	наличествует ³	наличествует
Мотивация действий	инстинкты, чувства	инстинкты, чувства, эмоции, которые в данном случае выступают вторичными мотивами, разум в достаточно равной степени	разум с учетом чувств и инстинктов
Эмоции	присутствуют	присутствуют	не определено (конечно — присутствуют ⁴ , но уже не являются мотивациями)
Потребность в саморазвитии	отсутствует, как и все иные осознанные (не инстинктивные) потребности	отсутствует, она подменена потребностью в самоустройстве ⁵ .	присутствует и осознается
Отношение к соотв. общности	на уровне инстинктов	на уровне традиций, обычаев, законов, рассудка, частично — разума	решается только разумом, анализом ситуации и синтезом возможных моделей (прогнозирование)
Отношение к другим	на уровне инстинктов и приобретенных рефлексов	на уровне традиций, обычаев, законов, личных отношений (эмоции) ⁶ , частично — разума	решается только разумом, анализом ситуации и моделированием возможных исходов и результатов отношения
Отношение к размножению	на уровне инстинктов	на уровне инстинктов, за редким исключением осознанного подхода ⁷ .	решается только разумом, анализом ситуации и т.д.

И так далее — можно продолжать до бесконечности. Давайте разберем приведенную таблицу подробнее, но предварительно необходимо сделать два замечания.

¹ Проводились опыты с шимпанзе, которые показали возможность научить разговаривать их на языке глухонемых, причем с элементами творческого применения известных слов, что предполагает наличие некоей разумности. Также проводились удачные опыты по обучению тех же шимпанзе абстрактному счету. Не будем делать из этого камня преткновения: пусть некоторые представители животных могут иметь способность к обладанию разумом, принципиально это ни на что не влияет.

² Рассматриваем высших животных, а не кольчатых червей, кишечнополостных и т.п..

³ Хотя у всех ли абсолютно — вопрос философский...

⁴ И это не факт. Будут ли эмоции у роботов, оснащенных искусственным интеллектом?

⁵ Отличается тем, что существует принципиальная возможность её исчезновения по достижении каких-то внешних условий. Потребность в саморазвитии, напротив, «ненасытна» и непрекращаема.

⁶ Часто — на уровне рассудка (пример — так называемые «бытовые корыстные отношения»).

⁷ Причём осознание, как правило, вторично, и во многом зависит от существующих традиций или предрассудков.

Во-первых, напомним, что в данной книге следует разделять термины «чел-овечество» и «человечество», и в «чел-овечество» *не входят* лучшие представители человечества, которые явно выделяются из основной массы. Скажем, нельзя использовать в ответ на тезис «люди испытывают страдания от отрицательных эмоций» как контраргумент «а вот Гаутама не испытывал отрицательных эмоций — так что не говорите про *все* человечество!», поскольку Будда никак не относится к «чел-овечеству», в отличие от многих своих последователей (точнее — тех, кто себя ими называет), особенно европейского и американского образца¹. Изобретать же новые термины постоянно не имеет смысла, поскольку все равно восприятие через слова — ограниченное восприятие. Не может быть книг «Гармонизация себя за пять минут» или «Познание мира для чайников». Используя столь примитивные средства, как слова, мы можем лишь попытаться выбить читателя из привычного ему видения реальности, чтобы он смог (если у него будет такое Желание² и если он потенциально *может* это сделать) разогнать иллюзии форм и увидеть явления мира без наносных украшений.

Это тоже не наша мысль — еще древним было известно, что Дао не передается словами³.

Во-вторых, не следует понимать «разумное существо» (в дальнейшем — везде «сапиенс» для сокращения текста) как нечто *противоположное* человеку⁴. Более того, качества, которые *принято называть* «нечеловеческими», как раз свойственны *только* людям. Вот назовите хоть одного зверя, который «со звериной жестокостью» будет убивать другого зверя своей породы без какой-либо объективной причины⁵. Скажем, из-за религиозных взглядов?

Так же не следует понимать таблицу так, что человек противопоставляется животному. Человек полностью подпадает под определение животного как живое существо, обладающее способностью двигаться и чувствовать etc. Таблица иллюстрирует, какие параметры выделяют человека из животной среды. Эти параметры не являются определяющими для животных, поэтому они не отличают человека от животных, а выделяют его из их среды.

Сапиенс имеет⁶ с человеком некие общие черты, но имеет и принципиальные отличия, которые позволяют выделить отдельный вид. Точнее, совокупность видов, а еще точнее — отсутствие видовой принадлежности, так как для сапиенса материальная форма носителя его разума не является существенным фактором. К сапиенсам можно будет относить и киборгов в будущем, и разумных существ, не принадлежащих к роду Номо, если таковые будут обнаружены, и искусственные интеллекты, достигшие соответствующей степени развития. Сапиенс — это *надвидовое* понятие аналогично тому, как величайшие ученые являются наднациональным, мировым достоянием.

Итак, вернемся к таблице «Сравнение животного, человека и сапиенса» на стр.21. Пункт «рассудок» приведён для иллюстрации возможности общей черты для всех трех

¹ См. далее сноску 3 на стр.37

² В значении слова, применяемым Алистером Кроули. Видите, как все сложно с передачей смысла словами?..

³ Вспомните окончание нашей первой книги «Principes Omnium»: «Дао, тонкую реальность вселенной, невозможно описать. То, что можно описать словами, — это всего лишь умственная концепция» — Дао Дэ Цзин, перевод Ни Хуацина.

⁴ Такое восприятие встречается достаточно часто в связи с особенностью чел-овеческого мышления, кратко сформулированного в евангелиях от Матфея 12:30 и от Луки 11:23: «Кто не со мной, тот против меня».

⁵ Впрочем, отдельные случаи бывают. Так, голуби заклеывают более слабых особей, даже если они ничем не угрожают и пищи, воды и т.п. достаточно. Символ мира, как-никак...

⁶ In abstracto может и не иметь — мы не отрицаем возможности внеземного разума, хотя и не разделяем энтузиазма уфологов. Правильнее здесь было бы говорить Номо Sapiens (человек разумный), но тогда получится неблагозвучная тавтология.

типов обладающих сознанием существ¹. Вторая строка таблицы заполнена в соответствии с определением разума и рассудка, принятыми в книге, и комментарии не требуются.

А вот третью строку уже можно и пояснить: животные при своей жизни мотивируются исключительно инстинктами (которые могут быть очень сложными) и информацией, поступающей от их органов чувств, которая обрабатывается рассудком. Сюда же входит и дрессировка как комплекс условных рефлексов, а также привязанность к хозяину у некоторых видов животных и т.д. У людей мотивации могут отличаться, но при этом остаются многие инстинкты, наличествующие также у животных, при этом не относящиеся непосредственно к жизнедеятельности (дыхание и т.д.): инстинкт размножения, родительский, стадный и т.п. Они *могут* быть выключены, но это считается «нечеловечным»² (обратите внимание!), а многие считают, что этого вообще не может быть³ (в том числе и многие психологи). Кроме того, люди подвержены воздействию на свои поступки чувств и эмоций: к примеру, общеизвестен термин «состояние аффекта», когда *неумение* справиться со своей психикой почему-то является *оправданием* поступка. Однако, условно говоря, в спокойном состоянии некоторые люди начинают и прислушиваться к голосу разума. Что характерно для чел-овечества, так это разумные действия в мелочах и при значительном времени размышления, между тем как неразумные поступки, приводящие далеко не к мелким последствиям, совершаются либо вообще не думая (тупое следование инстинктам или «так принято», что отличается не принципиально), либо в состоянии неадекватности и эмоционального возбуждения. Разумеется, люди стоят на этой шкале «эмоции-разум» не в одной точке, но чем более индивидуум ближе к стандарту чел-овечности, тем более его поступки базируются на эмоциях. Проявления эмоций считаются типично человеческой чертой, причем чуть ли не определяющей как главное отличие о животных с точки зрения обывателя (про разум, что характерно, редко кто заговаривает, кроме ученых). При этом, чем менее рассудочно человек поступает в так называемых этических ситуациях, тем более «человечным» его считают:

«Люди кончали жизнь самоубийством из-за того, что не могли удовлетворить свою любовную страсть, жажду власти, славы или мести. ... Именно эти, не обусловленные инстинктами, страсти волнуют человека, зажигают его, делают жизнь полноценной; как сказал однажды Гольбах, французский философ-просветитель: "Человек, лишенный желаний и страстей, перестает быть человеком". Их влияние и роль тем и обусловлены, что без них человек перестает быть человеком. (Разумеется, это положение Гольбаха следует понимать в контексте философского мышления его эпохи. В

¹ Мы не будем заниматься буквоедством, рассуждая, обладают ли растения или низшие животные сознанием и можно ли относить искусственный интеллект к существам.

² В. Гужов, «Люди и нелюди»: «Когда чье-то поведение вызывает особенное возмущение у людей — может выскочить фраза: "Да ты не человек! Да ты нелюдь какой-то"... в большинстве случаев все-таки возмущение вызвало сугубо людское поведение (мотивировки действий сугубо человеческие), но тем не менее встречается немало количество персон, не обладающих полным набором людских качеств, или в недостаточной степени социально запрограммированных — вот их-то можно определенно называть "нелюдьми". В отличие от людей, эти последние подчас не чувствуют себя комфортно в обществе людей, не разделяют их интересов, не считают нормальный людской "набор интересов" заслуживающим так часто демонстрируемого и навязываемого средствами социального программирования самопожертвования... и довольно часто сами от этого страдают: "Да у меня все не как у людей! Да почему у всех все нормально, а у меня все сикось-накось?...". Вот все нормально учатся, нормально создают нормальную семью, имеют постоянную работу и... и *довольны* всем этим, а тут общенормальные *ценности* не вызывают бурной тяги к их достижению. ... Однако вместо всей этой волокиты с выстраиванием комплексов с последующим героическим перестраиванием их в другие комплексы, чтоб избавиться от дискомфорта, производимого внешним давлением и внутренним сопротивлением реальности, бывает достаточно *просто признать* этот *факт!* Мол да, я не такой, каким меня хотят видеть. Не хуже, не лучше, просто не такой».

³ С аргументацией по типу «Этого не может быть, поскольку не может быть никогда».

философии буддизма или у Спинозы мы находим совершенно иные рассуждения о страстях: с их точки зрения, дефиниция Гольбаха имеют отношение к большинству людей, хотя она в действительности диаметрально противоположна тому, что они считают целью человеческого развития¹ — Э. Фромм, «Анатомия человеческой деструктивности», введение.

Для сапиенса же единственной мотивацией считается именно разум. Впрочем, эта фраза является весьма относительной. Более адекватным соответствием реальности является тезис «Любая мотивация иррациональна (или, что корректнее, подсознательна)». Дискурсивное мышление не предоставляет собственных мотивов, его функции заключаются лишь в реализации таковых, а также арбитраже между конфликтующими мотивами. Проявления разума четко прослеживаются в приоритете ментальных мотивов над витальными и в анализе окружающей среды (в широком понимании слова, а не только физическом), а также аппроксимации тенденций её изменения таким образом, чтобы максимально предотвратить переоценку осуществленного мотива в худшую сторону. Другими словами: решение принимается после всестороннего осмысления, и коррекция его реализации либо отказ от таковой возможны лишь при обнаружении неизвестных ранее данных, существенно меняющих общую картину.

Универсальной мотивацией живого существа является мотивация *достижения* — достижения предмета или состояния, который(ое) выступает смыслом деятельности. У животных (т.е. уже достаточно сложных живых существ — и человек тут, естественно, не исключение) мотив действительно *неосознан* — т.е. представлен в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями (например, ожидание достижения данного предмета), либо отрицательными (они связаны с «неполнотой» настоящего положения). Назначение эмоций — создавать тревожность или комфортность, и это, конечно, состояния, не требующие осознания.

А вот для *осознания* мотива, т.е. для включения этих переживаний в осознанную категориальную систему, требуется особая работа. Но, обратите внимание — эта работа совсем не обязательна, не обусловлена «первичными» мотивами — все животные мотивации прекрасно работают и *без* осознания. Более сложные мотивации (их еще называют чел-овеческими *желаниями*) — это всего лишь субъективные характеристики мотивационного процесса, в которой ключевым переживанием субъекта выступает его целеориентированность. Но они в основном исходят из тех же животных мотиваций, приобретая «социальную» расцветку (порой весьма вычурную) — на этапе осознания, причем очень часто это осознание является лишь механизмом психологической защиты — рационализацией..

С мотивациями *разумного* существа (сапиенса) дело обстоит несколько иначе. Точнее, с теми мотивациями, из которых вытекают отличия в его смысле деятельности. У сапиенса² конечно, имеют место и все те мотивы, которые характерны для любых животных — ведь они направлены на сохранение жизни. Но у разумного существа кардинально меняется *стратегия достижения* — начиная от выбора тех желаний, которые выступают смыслом деятельности, и заканчивая формированием *намерений* — т.е. мотивационной основы деятельности, связанной с *сознательным выбором* определенной цели. Обобщая, можно сформулировать так: у разумного существа далеко не все желания перерастают в намерения. И, несколько забегая вперед — далеко не все намерения реализуются. Между появлением намерения и его реализацией лежит *анализ возможных затрат на реализацию и последствий, связанных с успешной или безуспешной*

¹ Риторический вопрос: интересно, почему те же буддисты, на практике занимаясь именно отходом от чел-овеческих страстей, желаний и прочего «человеческого, слишком человеческого», прекрасно понимая при этом, что их Путь отнюдь не предназначен для всего чел-овечества в целом, всё равно продолжают относить себя к *людям*?

² С человеческим телом-носителем в данном контексте. Футуризмом мы страдать не будем.

реализацией. Т.е. потребности разумного существа реализуются под постоянным и продуктивным личностным самоконтролем. Структура деятельности, в которой реализуется намерение, характеризуется тем, что её цель достаточно отдалена и непосредственное удовлетворение потребности невозможно, а требуется достижение каких-либо промежуточных целей, которые сами по себе не имеют побудительной силы. И чем более развит разум, тем более отдаленное намерение он способен реализовать.

Что же касается возражения оппонентов «как же вы называете себя разумными, если признаете, что ваши мотивации не строго рациональны?», то можно, хотя и не строго научно, выразиться таким образом: сапиенс — это такое существо, у которого разум строит а priori строго приоритетно относительно всего остального. Можно даже сказать, что это — врожденный инстинкт. Если для животного главнейшими инстинктами являются самосохранение и продолжение рода¹, то для сапиенса — развитие разума².

Это не обозначает, что у сапиенса не может быть инстинктов или эмоций, но он четко осознает их наличие и держит их проявления под контролем либо исключает вообще³. Скажем, для сапиенсов в человеческом теле носитель имеет встроенный инстинкт размножения, который сапиенс контролирует *практически полностью*, в отличие от человека. Т.е., например, у сапиенса не будет комплексов на почве сексуальной неудовлетворенности, одновременно не будет и заикленности на сексе. Вообще говоря, человеческое тело как животное нуждается в регулярном сексе, поэтому предоставить ему эту возможность целесообразно, но *без* чел-овеческих заморочек на эту тему. Если нет возможности достигнуть этого без побочных эффектов, то сапиенс не будет делать себе кучи проблем, следуя примитивному животному инстинкту. С рождением детей ситуация еще более показательна: сапиенс не будет размножаться *только* потому, что он *может* это делать физиологически. Для этого должна быть веская причина, а не наоборот, как практикуется у чел-овечества: *отказ* от деторождения исключительно по серьезным противопоказаниям, да и то далеко не всегда⁴.

Отдельно следует сказать об положительных и отрицательных эмоциях: если для носителя разума отрицательные эмоции однозначно вредны⁵, то положительные — весьма

¹ Иногда можно слышать, что инстинкт продолжения рода — это частная форма инстинкта самосохранения. Весьма странное утверждение: каким образом существование индивидуума зависит от наличия у него детей? Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в разделе «Необходимое отступление» главы об евгенике.

² Самосохранение входит в инстинкт развития разума естественным образом: если индивидуум погибнет, то разум прекратит развитие. А вот продолжение рода для развития собственного разума вовсе не обязательно.

Можно попробовать подойти с другой стороны: самосохранение является первичной целью, а развитие разума помогает увеличить «КПД самосохранения». Этот тезис легко опровергается тем, что сапиенс не согласится провести неразумную жизнь (перестать изобретать, творить, мыслить критически и т.д. — словом, вести существование обычного обывателя); первичным является именно разумность, а не животное существование. Скажем, за какую сумму вы бы согласились на лоботомию?

³ Обратите внимание, что держать под контролем не значит «подавлять». Часто люди пытаются «сохранить лицо», оставаясь внешне спокойными, а внутри кипят негодованием. К чему это в конце концов приводит, объяснить может любой первокурсник психологического факультета.

⁴ «Из тех случаев, о которых мне известно — а в храм часто приходят женщины от врачей и говорят: "Мне рожать нельзя, потому что я умру", я не знаю ни одного действительно окончившегося смертью. Врачи обычно просто предполагают, но жизнью и смертью распоряжается не врач, а Бог. И Господь всегда может дать силы просящему. Но допустим, что женщине действительно грозит смерть. Хорошо и благородно, когда взрослый человек, защищая жизнь другого, отдает свою. Мы обычно прославляем таких людей как героев, во время войны таковым дают ордена. Это, собственно, и есть человеческий поступок». — протоиерей Д. Смирнов, «Трудные вопросы».

Дополнительное примечание: обратите внимание на «я не знаю, что от родов кто-то реально умирает».

⁵ Помимо всего прочего, это связано с тревогой — состоянием, имеющим диффузный характер и уже *не имеющим* связи с конкретными событиями. Согласно существующим теориям тревога входит в комплекс причин практически любого патологического состояния, что связано с центральной регуляцией деятельности организма. При наличии тревоги на физиологическом уровне фиксируются учащение дыхания, усиление сердцебиения, увеличение кровотока, повышение артериального давления, возрастание общей возбудимости, снижение порога чувствительности и прочее — т.е. перманентная перегрузка организма.

полезны (по крайней мере это верно для разума в человеческом теле-носителе). Объясняется это очень просто: человек — это лишь один из видов животных, продукт биологической эволюции¹. А при отборе испытываемые эмоции могут служить индикатором жизнеспособности организма: те, кому, условно говоря, плохо — испытывают отрицательные эмоции, в отличие от более успешных особей. Это легко видеть даже визуально: люди, которые склонны переживать, горевать и т.д., выглядят *старше*, чем находящиеся в аналогичных условиях, но которые относятся к этим проблемам, если можно так выразиться, философски. То есть: именно преобладанием отрицательных эмоций запускается механизм старения. Существенно то, что к этому приводят не сами трудности как таковые, а именно эмоционально-негативное отношение к ним.

«19. *Зло*. Исследуйте жизнь лучших и плодотворнейших людей и народов и спросите себя, может ли дерево, которому суждено гордо прорасти ввысь, избежать дурной погоды и бурь, и не принадлежат ли неблагоприятные стечения обстоятельств и сопротивление извне, всякого рода ненависть, ревность, своекорыстие, недоверие, суровость, алчность и насилие к благоприятствующим обстоятельствам, без которых едва ли возможен большой рост даже в добродетели? Яд, от которого гибнет слабая натура, есть для сильного усиление — и он даже не называет его ядом». — Ф.Ницше, «Веселая наука»

Также весьма интересно проанализировать элементарные положительные и отрицательные эмоции. А. Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» свёл отрицательные эмоции к горю и скуке. Базовыми же положительными эмоциями психологи часто называли интерес и радость; при этом обе эти эмоции наиболее полно проявляются именно при *творческом труде* (труд — в широком смысле слова).

Современная же наука позволяет решить этот вопрос более чётко: материальным субстратом базальных эмоций является характерная картина электроэнцефалограммы, фиксируемая при их проявлении. Все остальные эмоции являются *сложными*, т.е. сконструированными из них: картина ЭЭГ сложных эмоций математически выводится из суперпозиции базальных эмоций.

Базальные эмоции — это эмоции минимального набора, на базе которых формируется все многообразие эмоциональных процессов и состояний. К подобным эмоциям относят эмоции радости, горя (печали), страха, гнева, удивления и отвращения. Именно они фиксируются при электрической стимуляции различных подкорковых зон мозга, т.е. они, кроме всего прочего, локализованы в 3D-структуре мозга. Кроме того, все базальные эмоции имеют нейрхимический субстрат, т.е. их вызывают определенные нейромедиаторы.

В свете всего написанного единственной элементарной положительной эмоцией можно считать базальную эмоцию **радости**. К ней примыкает эмоция **удивления**, которая, хоть и являясь элементарной, тем не менее может нести как позитивный, так и негативный окрас.

Еще одним важным нюансом является то, что чел-овечество преимущественно мотивируется получением удовольствия гедонического характера: еда, секс, покой (отсутствие необходимости напрягаться, в т.ч. думать), безопасность. Для сапиенса же

¹ Возможно, личность, перенесенная на неорганический носитель, не будет нуждаться даже в положительных эмоциях. Однако, во-первых, не очевидно, целесообразно ли избавлять от эмоций вообще — скажем, они, возникая подсознательно, служат индикатором правильности решения задач (в широком смысле и при адекватной логике); лишение же разума подсознания превратит сапиенса в арифмометр. Во-вторых, это вопрос слишком отдаленного будущего, чтобы обсуждать его в наше время, а словоблудием на пустом месте мы заниматься не собираемся.

мотивацией является саморазвитие, увеличение суммы знаний, получение информации и т.п. — именно это доставляет ему большее удовольствие.

Существует понятие «значимый мотив» — т.е. такой мотив, который с наибольшей вероятностью выльется в осознанное намерение и будет реализован через ту или иную стратегию достижения. Для разумного существа значимыми являются отнюдь не гедонические мотивы, хотя и они, естественно, вполне имеют место.

Для представителей чел-овечества, в зависимости от развития разума, гедонические удовольствия могут быть сиюминутными или интегральными на протяжении жизни. Многим для счастья вполне достаточно сесть на иглу или глушить водку. Кажется, вполне подошла бы и лоботомия, тогда поводов для несчастья будет куда меньше¹, но их сдерживает страх. Как писал Ницше:

«Где начинается добро. Там, где слабое зрение не способно уже разглядеть злое влечение, как таковое, из-за его рафинированности, человек полагает царство добра, и ощущение того, что отныне он пребывает в царстве добра, приводит все его влечения, до этого спугиваемые и ограничиваемые злым влечением, в возбуждение, которое переживается как чувство уверенности, удовольствия, благосклонности. Итак: чем тупее глаз, тем шире простирается добро! Отсюда вечная веселость народа и детей! Отсюда угрюмость и родственная нечистой совести тоска великих мыслителей!»

Стремление к получению гедонического удовольствия как доминирующая мотивация неизбежно приводит к деградации разума², так как при этом постепенно средства для достижения цели становятся самоцелью и к ним возникает наркотическая зависимость, выражается ли это в наркотиках непосредственно, чувственных удовольствиях, компьютерных играх или гораздо более примитивных забавах³. Простое стремление к удовольствию не обуславливает столь изощренного способа достижения, как развитие разума.

Из этого логически выводится следующая строка таблицы: у животных нет стремления к саморазвитию, поскольку у них отсутствует разум для видения себя со стороны и мышления категориями сравнения, у человека потребность к саморазвитию зависит от его «относительной разумности», у сапиенса эта потребность является инстинктом⁴, причем самым мощным из нефизиологических.

Аналогично заполнены и оставшиеся графы таблицы, предназначенные для более полной иллюстрации сходства и различий.

Объективности ради следует заметить, что in abstracto «измерительные шкалы» разумности и человечности являются независимыми, они как бы лежат в разных плоскостях, но de facto однозначно наблюдается описанная выше корреляция. Дело в том, что на нашей планете сапиенсы встречаются только среди людей. И многие de jure люди никак не могут быть de facto отнесены к самостоятельно мыслящим. Как писал проф. К.М. Джод:

Человек есть не что иное, как:

¹ Вообще, достаточно ввести электроды в так называемый «центр удовольствия» в мозгу и жать на кнопку — логичное завершение развития последовательного гедониста. Операция не архисложная уже сейчас. Опыты на крысах показали, что животные даже забывали есть и пить — просто жали на педаль, умирая в экстазе...

² Конечно, удовольствия имеются в виду в банальном смысле, а не, например, удовольствия от развития разума. В этом случае, как и описано нами, удовольствие является следствием, подтверждением правильности поступка, а не самоцелью.

³ Интересный факт: при глубокой степени умственной недостаточности больные имеют тенденцию к повторяющимся бессмысленным действиям, от которых они получают удовольствие (по крайней мере, явно выражают неудовольствие, если им мешать).

⁴ Принципиально отличающимся от прочих инстинктов только тем, что он проявляется не ранее, чем субъект начинает осознавать свою разумность.

- жир, в достаточном количестве для семи кусков мыла;
- известь, в достаточном количестве, чтобы побелить один курятник;
- фосфор, в достаточном количестве, чтобы сделать 2200 спичек;
- железо, в достаточном количестве для одного гвоздя среднего размера;
- магний, в достаточном количестве для одной фотовспышки;
- сахар, в достаточном количестве для семи чашек чая;
- сера, в достаточном количестве, чтобы избавить одного пса от блох.

Итак, подведем некоторые итоги: человек полностью подходит под определение животного, коим и является. При этом не каждый человек подпадает под наше определение разумного существа (сапиенса). В свою очередь, понятие «сапиенс» не относится исключительно к биологическому виду «человек».

Лирическое дополнение

Я не могу следовать за Буддой — я должен быть
сам по себе светом.

Ошо

Многие выдающиеся из общей массы чел-овечества экземпляры испытывали неудобство от отождествления себя с этим «стадом зарвавшихся обезьян».

Я боюсь младенцев, я боюсь мертвецов.
Я ощупываю пальцами свое лицо.
И внутри у меня холодеет от жути:
Неужели я такой же, как все эти люди?!

В. Бутусов, И. Кормильцев

И это было на протяжении всей истории. Прежде чаще пытались отмежеваться от толпы тем, что старались лишить ее представителей звания человека. Стремилась поднять термин «человек» до значения, в котором мы употребляем слово «сапиенс». При этом критерием выводили разум и нравственность, что было для древних почти тождественно. По этому поводу можно привести ряд высказываний, но гораздо интереснее и красноречивее выходки Диогена Синопского по этому поводу, когда он днем со светильником «искал» человека на рыночной площади, или среди ночи громко кричал: «Люди!», — а собравшимся заявлял: «Что собрались, мерзавцы? Я звал людей!». Сюда же можно отнести и его ответ на вопрос, много ли в бане людей: «Народу — много, людей — нет».

Но это было безнадежно — заставить представителя толпы отказаться от именованья себя человеком¹. Тогда, видимо, и возникла идея о том, что быть человеком — это слишком мало для самоуважения.

Почти любой выдающийся человек хотя бы немного мизантроп. Взять, к примеру, признанных поэтов. Наверное, мы не ошибемся, сказав, что у большинства из них найдутся в адрес человечества плевки и признания такого рода:

---

¹ Проблема в общем виде выражается как «практически невозможно заставить представителя толпы *мыслить*». Поскольку толпа представляет собой в плане функционирования квинтэссенцию бессознательного, то для нее «общепринято» = «истинно».

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.

Константин Бальмонт

Пускай меня охватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад!
Хотя бы вдвое, против прежних дней,
Но только дальше, дальше от людей!

Михаил Лермонтов

Невольно сравниваю себя
И тех, кто со мною рядом.
Жизнь среди них такому, как я
Становится сущим адом!

Аль-Мутганабби

Вспоминается сентенция Николы Шамфора:

М* обвиняли в мизантропии. «Нет, — возразил он, — я не мизантроп, но когда-то боялся, что стану им, и потому, на свое счастье, принял нужные меры». — «Какие же?» — «Стал жить вдали от людей».

Сапиенс vs Человек

You are against the people, o my chosen!

Liber AL vel Legis 2:25

С тем, что не всякий, рожденный женщиной, может считать себя человеком, многие даже согласны, правда, делая оговорку о формальной принадлежности идиотов и т.д. к *биологическому* виду Homo. И часто приходится сталкиваться с точкой зрения такого рода: да, современный человек не достоин звания разумного, но почему не назвать тот идеал, к которому надо стремиться, Человеком-с-большой-буквы? Таким, каким человек должен стать?

А очень просто — дело в том, что Человек со сколь угодно большой буквы обладает чел-овеческими качествами. По определению. А именно эти качества и мешают дальнейшему прогрессу.

Этот вопрос, следует заметить, задают обычно люди с интеллектом, значительно превышающий средний, что иллюстрирует недостаточность простого наличия высокого интеллекта для дальнейшего развития. Как бы не тренировал человек ноги — для того, чтобы полететь, ему нужны крылья (или встроенный антиграв)...

Разберём вопрос подробнее. Во-первых, мы не считаем, что *все* должны развиваться в сторону от человеческого, но настаиваем на *своём* праве делать это¹. Во-вторых, даже если чЕЛОВЕК² (наблюдаемый вокруг как типичный представитель) каким-то образом и

---

¹ Очень хочется написать «Однако, мы считаем, что должно развиваться дальше от чел-овеческого». Но тут мы сами напоремся на один из наших же любимых вопросов: «А кому это должны?». Так что выскажемся иначе: с нашей точки зрения, путь приоритетного развития разума несовместим с чел-овеческими свойствами. На вопрос же «А почему надо развивать именно разум?» мы просто предлагаем сформулировать альтернативный путь развития для *разумного* существа.

² Не путать с андроидами из романа В. Шефнера «Лачуга должника».

станет Человеком — разумным, гармоничным, всесторонне развитым и т.д. — он всё равно останется *всего лишь человеком*, самым разумным, но всё же *животным*¹.

По мере развития сапиенс *вообще исключает* инстинкт сохранения вида. Сначала из программ поведения, следующих из разумности, а затем, по мере саморазвития — из генокода. Одним из определяющих признаков разумного существа является стремление к уменьшению (в идеале — к исключению) биологических программ, отрабатывающих инстинктивно, без осознания. Здесь нужно правильно понимать выражение «биологические программы» — это не последовательность биологических процессов, протекающих в живом организме (рост, синтез, преобразование энергии, функционирование органов и пр.), а *последовательность действий индивида*, обусловленная принадлежностью его к конкретному виду. Самый наглядный пример: инстинкт сохранения вида — выражающийся, например, повышенной заботой о потомстве, даже в ущерб *собственному* существованию.

Представители чел-овечества по своей глубинной сути не приспособлены к тому, чтобы ставить свои интересы выше общественных. Это идет ещё со времен первобытнообщинного строя, если не раньше — тогда мамонта можно было забить только совместно, а боязнь при этом погибнуть вполне компенсировалась перспективой помереть с голоду при отказе от риска². В древней истории человек также практически не представлял себя сначала вне рода, затем — вне общины, в которой он жил. Недаром одним из распространенных и тяжелейших наказаний в то время было изгнание, а ответственность часто была коллективной³, не говоря уже о практике объективного вменения. Лишь очень постепенно в массовом сознании начала появляться идея, что каждый человек — *индивидуум* (что отнюдь не обозначает автоматически *личности*, достойной называться таковой). Но менталитет обывателей это затронуло весьма мало, создав разве что шизофреническое раздвоение⁴: осознанно индивид теперь стремится грести под себя, а вслух заявляет о своем альтруизме и стремлении помочь ближнему.

Множество философов приходили к выводу о существовании в человеке некоего изначального свойства, заставлявшего во все времена «бороться со злом» (разумеется, критерии зла очень даже менялись), причем даже в безнадежной ситуации, жертвуя своей жизнью и т.д.⁵

«Почему, вследствие какого умственного или чувственного процесса человек сплошь да рядом в силу каких-то соображений, называемых нами "нравственными", отказывается от того, что несомненно должно доставить ему удовольствие. Почему он часто переносит всякого рода лишения, лишь бы не

¹ Может возникнуть вопрос: а как же ЛаВей, который писал о том, что человек — всего лишь один из видов животного? Но этот тезис лишь подтверждает наши выкладки — не забывайте, что дедушка Шандор писал для *людей*, чел-баранов, в попытке хоть как-то заставить их посмотреть на себя и ужаснуться своей сущности, сподвигнуться к *отходу* от чел-овеческого. То, что человек является животным — это не идеал, а констатация факта, *отправная точка* для работы над собой.

² Разумеется, во времена первобытно-общинного строя никто не сопоставлял отчет о продовольственной программе на ближайшую зиму с статистическими данными о производственном травматизме во время охоты на мамонтов. Люди тогда были еще более стадными животными, чем сейчас, и не задумывались над своими инстинктами.

³ Пример: децимация в римских легионах.

⁴ Что забавно: упомянутое шизоидное восприятие мира нашло свое отражение в философии, именуясь в ней диалектикой. Впрочем, вопросу чел-овеческой философии будет посвящена отдельная глава.

⁵ "Априорно данная борьба со злом" — это всегда *идеологическая* составляющая любой философской концепции видения мира. Именно потому, что невозможна внеобщественная трактовка таких понятий, как "добро" и "зло". Кто бы и что бы не писал по поводу этих категорий, он всегда примеряет их не только на себя, но и на других — самый частый глагол (обозначение действия), применяемый в сочетании с этими категориями — *"творить"*. Но так как устройство общества непрерывно меняется, меняется и смысл категорий "добро" и "зло". А вне общества эти категории полностью утрачивают моральный смысл, и могут приобретать лишь признаки конечных границ целесообразности — но для этой цели уже давно существуют другие дефиниции — "целесообразно" и "не целесообразно", в простейших случаях — "полезно" и "вредно".

изменить сложившемуся в нем нравственному идеалу?» — П.А. Кропоткин, "Этика", т.1.

Сюда же относится знаменитый категорический императив Канта. Но наиболее чётко об отношениях человека с моралью сказано у Ницше: «мораль — это важничанье человека перед природой». Действительно, мораль — это не более чем попытка рационализации стадного инстинкта. Причем сложилась практика связывать с моралью только альтруистическую составляющую этого механизма. Однако имеются примеры такой рационализации совсем другого характера. Так, у стадных животных (к которым можно смело отнести и человека) существует инстинктивный запрет на каннибализм. И этот инстинкт человек успешно преодолел в трудные дни начала своей истории, о чем свидетельствуют повсеместно встречаемые человеческие останки, обработанные, как обычная дичь, а также такого рода практика, сохранившаяся у некоторых народов. Но в основном в этом вопросе мораль сделала откат.

Некоторые исследователи¹ отмечали, что человеческое общество можно рассматривать как единый организм, единую личность и применять к ней законы психологии. Но гораздо меньшее количество мыслителей открыто заявляли о том, что «Коллективный разум всегда слабее разума индивидов, составляющих коллектив. Поэтому, в частности, на уровне наций мы имеем дело с малыми детьми, а на уровне человечества — с абсолютным кретином» © Ю. Нестеренко. Это наблюдение легко проверить на практике, прислушавшись, к примеру, к разговорам в курительной комнате — если там беседуют несколько человек разного интеллектуального уровня, то разговор ведется так, чтобы был понятен *всем*, что автоматически приводит к общению на уровне *самого неразвитого* собеседника. *Senatores boni viri, senatus autem mala bestia.*

«Соедините 20 или 30 Гете, Кантов, Гельмгольцев, Ньютонов etc., и дайте им на обсуждение практические, современные вопросы; их споры, пожалуй, будут отличны от тех споров, которые ведутся на первых попавшихся собраниях (хотя я не утверждаю даже и этого), но что касается результатов этих споров, то я уверен, что они не будут отличаться от результатов, даваемых всяким другим собранием. Почему же? Потому, что каждое из 20 или 30 выбранных лиц, кроме личной оригинальности, отличающей его от других, обладает и наследственными, видовыми признаками², не отличающими его не только от его соседа по собранию, но даже и от всех снующих на улице прохожих. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными признаками, являющимися общими для всех, равными, положим, **x**, это количество увеличивается в вышеозначенных индивидах на другую величину³, различную у различных индивидов, которая поэтому должна быть для каждого из них названа иначе, например, **a, b, c, d** и пр. Предположив это, мы получим, что в собрании из 20 человек, хотя бы самых высоких гениев, будет **20x** и только **1a, 1b, 1c** и т.д. Ясно, что **20x** неизбежно победят отдельные **a, b, c**, т.е., что человеческая сущность победит личную индивидуальность, и что колпак рабочего совершенно покроем собою шляпу медика и философа» — М. Нордау, «В поисках за истиной».

Вернёмся же к той теме, которую временно отложили в сторону на стр.16: «Человек с большой буквы — тот, кто обладает моральными достоинствами». Выше мы показали, что ни один из общепринятых критериев отличия человека от других животных не является однозначным и представляет собой лишь количественное отличие. Однако

¹ Первым, пожалуй, эту идею выдвинул Огюст Конт; аналогичные мысли легко найти у Спенсера и Шопенгауэра.

² См. первые два абзаца этого подраздела (стр.29)

³ И относится, разумеется, к разным областям мышления.

«человек с большой буквы» должен представлять собой quintessentia человека обычного, соответственно, олицетворять качества, наиболее ценимые людьми. Так что же, как выясняется, так ценится чел-овечеством? Совсем не интеллект, не мудрость, не гармоничность и т.д. — а *моральные качества*. Подумайте сами: называли когда-либо «человеком с большой буквы» сколь угодно развитого индивидуума, если тот не обладал необходимыми с точки зрения окружающих моральными качествами? Никогда. А вот добродушного, приветливого, *сострадающего*, пусть и не слишком умного — вполне могут назвать. Особенно, если тот в обмен на это звание усердно и бескорыстно помогает что-либо делать. Человек с большой буквы — это не Homo Sapiens, а Homo Moralis.

Приведём еще одно словарное определение:

МОРАЛЬ (от лат. moralis нравственный),

1) нравственность, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простого обычая или традиции нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т. п. В отличие от права исполнение требований морали санкционируется лишь формами духовного воздействия (общественной оценки, одобрения или осуждения). Наряду с общечеловеческими элементами¹ мораль включает исторически преходящие нормы, принципы, идеалы. Мораль изучается специальной философской дисциплиной этикой.

2) Отдельное практическое нравственное наставление, нравоучение (мораль басни и т. п.).

Обратите внимание, что мораль является, во-первых, одним из основных способов регуляции поведения человека, а во-вторых, что она действует на основе *норм*. Напрашивающийся простейший логический вывод: чел-овеческое поведение регулируется в массах не разумом, а именно моралью. Кроме того, мораль стремится свести поведение к *норме*, которая вычисляется среднестатистически, и сохранить её неизменной² — и, соответственно, аморальным считается все то, что не соответствует мнению *большинства* представителей чел-овечества в рассматриваемом регионе. При этом даже в определении термина³ стоит честное признание о том, что моральные нормы всенепременно получают *идеологическое*⁴ обоснование. А нужно ли такое *естественным* феноменам? Разве требуется какое-либо *идеологическое* обоснование смене дня и ночи, тому, что человек ходит на двух ногах или тому, что он нуждается в еде и питье? Даже в области психики — зачем идеологически обосновывать инстинкты? Или даже такие явления, как любовь или дружба? Незачем (хотя с последними — пытались повернуть и такое). В таком обосновании нуждаются лишь *неестественные* тезисы, служащие не индивидууму, и даже не роду⁵, а какой-либо группе¹, захватившей власть и

¹ Обратите внимание: упоминаемые идейные обоснования находятся *уже в определении*, так как никаких «общечеловеческих элементов морали» не существует. Те, кто желает возразить, пусть предъявят этот самый элемент — такую моральную категорию, которая разделялась бы абсолютно всеми человеческими сообществами на протяжении исторического периода. Успехов!

² Сравните с принципом Deus в главе «Психологические корни архетипа» работы «Princeps Omnium».

³ Кстати, весьма расплывчатом. В самом деле, разве словосочетание «особая форма общественного сознания» содержит какую-либо осмысленную информацию? Отнюдь нет, это всего лишь демагогия, ставящая целью оказать на некую «особость» моральных отношений со стратегической целью в дальнейшем привести тезис «раз мораль имеет *особую* роль — то без нее никак не обойтись».

⁴ В данном контексте «идейное» = «идеологическое».

⁵ Есть инстинкты, которые направлены на пользу роду, но часто во вред человеку как индивиду — к примеру, инстинкт размножения. Однако такие инстинкты также не нуждаются в идеологическом обосновании, кроме форс-мажорных обстоятельств (запрет на аборты сразу после второй мировой войны в СССР для пополнения населения).

насаждающих собственную идеологию, которая обосновывает, почему наиболее «естественен» именно устраивающий их порядок вещей.

Есть еще одна грань морали, вытекающая из данного определения. Это — её *универсальность* в качестве оценочной шкалы. В естествознании единая универсальная оценочная шкала невозможна *в принципе*: нельзя оценивать при помощи единой мерки, скажем, массу, скорость, плотность и продолжительность. А в области общественных отношений такая оценка оказывается возможной — по моральной шкале. Но общественная оценка чего бы то ни было — это не констатация факта, как в естественных науках, а «руководство к действию». Объявить что-либо «аморальным» — будь то поступок, произведение искусства, научное открытие (не суть важно — мораль ведь «универсальна»!) — фактически обозначает лишение будущего: стагнацию, отрицание, препятствие развитию явления, объявленного *аморальным*. Вывод: оценка по моральным критериям делает невозможной (общественно «излишней») оценку по другим, *гораздо более конкретным* критериям. Это дает возможность группе, диктующей мораль, всунуть свой пятак в любую щель — и влиять на любую грань не только общественных отношений, но и вообще *любых* возможных отношений. Просто оценивая их «с моральной точки зрения»². С психологической точки зрения это можно назвать идеальным манипулированием, которому подвластно *всё*. Именно поэтому любой достаточно разумный индивидуум всегда *против* «моральной шкалы оценок», и это является отнюдь не «стремлением избежать моральной ответственности», как любят заявлять поборники нравственности, а всего лишь отрицание индивидом *любого* вида «единых мерок» как абсолютно *бессмысленного и некорректного* понятия.

«Таким образом, когда, касаясь какого-либо вопроса, говорят: большинство — такого-то мнения, то этим указывают на явление, которое должно быть, собственно говоря, выражено следующим образом: *мнение X. внушено большинству*. Это значит, что мнение данного лица (сегодня это — оратор, завтра — журналист и т.д.) имеет в себе столько силы, что обратило на себя внимание толпы гораздо больше, чем какое-нибудь другое явление. "Иметь только внушенные идеи и считать их самопроизвольными — вот, — говорит Тард, — иллюзия, свойственная сомнамбулисту и человеку, рассматриваемому, как социальная единица".» — С. Сигеле, «Преступная толпа».

О роли морали в обществе, причинах и последствиях ее возникновения можно написать многотомную монографию, но всё сведется к тому, что мораль, аллегорически говоря — это костыль для тех, кто не умеет ходить самостоятельно. При этом, что небезынтересно, здоровому костыли ходить не помогают, а мешают.

И лживы десять заповедей ветхих,
И насквозь лживы кодексы морали —
Куда честнее просто прутья клетки,
Прожектор с вышки, пальцы на гашетке.
Но Слов дурман всегда был нужен Стали.

В. Рыбаков

Примечание 2014 г.: не забывают, что здесь говорится о сапиенсах, а не о чел-овечестве, которое не может существовать без морали в принципе. Точно так же, говоря о излишестве морали для сапиенса, нельзя говорить о вседозволенности и проч.; говоря о стагнации развития социума моралью — о том, что мораль бнадо разрушать и

¹ Не обязательно персонализировано фиксированной. Может быть просто идеологическая группа с переменным личностным составом, хорошим примером является любая политическая партия.

² Нельзя не вспомнить о наших «любимых» комитетах по биоэтике, общественно-религиозных организациях и т.п.

приветствовать аморальное. Модификация таких институтов общества должна проходить лишь с учётом полезности для общества в целом. Так, если разумный понимает недопустимость предательства, то для чел-овека пусть будет такой моральный запрет, а разрушать мораль, делая предательство нормой — недопустимо. Пример из другой области: сапиенс возражает против гей-парадов и гомосексуальных браков, педофилии и проч. отнюдь не по моральным причинам, а поскольку понимает вредность для развития человечества в социальном и психологическом плане.

Мы не будем здесь продобно раскрывать тему морали — все интересующиеся этим вопросом могут самостоятельно прочесть Ницше, с чьей трактовкой этой темы мы согласны¹. Приведем три цитаты великого философа:

«**Моды в морали.** — Как меняются моральные суждения! Величайшие светила античной нравственности, например, Эпиктет, ничего не знали о так прославляемой теперь заботе о других, жизни для других; мы, с точки зрения своей теперешней моральной моды, назвали бы их прямо безнравственными, так как они всеми силами боролись за свое ego и против сочувствия другим, их страданиям и их нравственным порокам. Может быть, они ответили бы нам: "Если вы сами обладаете чем-нибудь мучительным и отвратительным, то считайте, по крайней мере, других лучшими, чем вы сами! И вы поступите хорошо!"».

«Ах, как же удобно вы пристроились! У вас есть закон и дурной глаз на того, кто только в *помыслах* обращен против закона. Мы же свободны — что знаете вы об ответственности в отношении самого себя!».

«Во все времена хотели "исправлять" людей — это прежде всего называлось моралью. Но за одним и тем же словом скрывались самые разнообразные тенденции. Как *укрощение* зверя человека, так и *расположение* известной породы человека называется "улучшением": только эти зоологические термины выражают реальности, — конечно, такие реальности, о которых типичный "исправитель", жрец, ничего не знает, — ничего не хочет знать... Называть укрощение животного его "улучшением" — это звучит для нашего уха почти как шутка. Кто знает, что происходит в зверинцах, тот сомневается в том, чтобы зверя там "улучшали". Его ослабляют, делают менее вредным, он становится благодаря депрессивному эффекту страха, боли, ранам, голоду *болезненным* зверем. — Не иначе обстоит дело и с укрощенным человеком, которого "исправил" жрец. В начале Средних веков, когда церковь действительно была прежде всего зверинцем, всюду охотились за прекраснейшими экземплярами "белокурых бестий", — "исправляли", например, знатных германцев. Но как выглядел затем "исправленный", завлеченный в монастырь германец? Как карикатура на человека, как выродок: он сделался "грешником", он сидел в клетке, его заперли в круг сплошных ужасных понятий... И вот он лежал там больной, жалкий, озлобленный на самого себя; полный ненависти к позывам к жизни, полный подозрений ко всему, что было еще сильным и счастливым. Словом, "христианин"... Говоря физиологически: в борьбе со зверем разрушение его здоровья *может* быть единственным средством сделать его слабым. Это поняла церковь: она *испортила* человека, она ослабила его, — но она заявила претензию на то, что "исправила" его...».

И ещё одна цитата, на этот раз — Л. Шестов, «Апофеоз беспочвенности»:

¹ Разумеется, это не обозначает, что Ницше раскрыл тему исчерпывающе, но к сути морали после Ницше добавить нечего, остается лишь исследовать отдельные аспекты её эволюции и проявления в социуме. Дополнительно рекомендуется Шопенгауэр, «Афоризмы житейской мудрости».

«Нравственные люди — самые мстительные люди, и свою нравственность они употребляют как лучшее и наиболее утонченное орудие мести. Они не удовлетворяются тем, что просто презирают и осуждают своих ближних, они хотят, чтобы их осуждение было всеобщим и обязательным, то есть чтобы вместе с ними все люди восстали на осужденного ими, чтобы даже собственная совесть осужденного была на их стороне. Только тогда они чувствуют себя вполне удовлетворенными и успокаиваются. Кроме нравственности, ничто в мире не может привести к столь блестящим результатам».

Если с западной, европейской¹ моралью все ясно, то восточная обладает некоторыми особенностями. Самое главное отличие — восточная философия не оперирует понятиями добра и зла как базовыми и прочими *argumentis ad hominem*².

«Суждения добра и зла есть болезни разума. Пока эти болезни не покинули разум, что бы вы не делали, не является добром» — Yagui Minenori

«Небо и Земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам жить их собственной жизнью» — Дао Дэ Цзин

Таким образом, восточная мудрость не стоит на позиции идеалистического антропоцентризма, особенно это относится к даосам и дзен-буддистам³. Примечательно, что даже в вульгарной, т.е. народной форме, благодаря некоторым изящным решениям, буддизм дает неплохое воспитание. Например, по антропоцентризму он бьет идеей реинкарнации.

Однако именно в восточной философии легко продемонстрировать чел-овеческое отношение к идеям гениев: во что превращают эти идеи обычные люди, пытаясь им следовать. К примеру, изначальное понятие кармы является не более чем специфическим наименованием причинно-следственного закона⁴: каждое действие вызывает последствия. Однако, философское понимание данного вопроса (вспомните знаменитую притчу про «флаг колышется») не доступна большинству населения, а «приобщиться к мудрости» желают чуть ли не все поголовно. Желательно — не особо напрягая при этом мозги.

«Однажды Мопертюн, развалившись в кресле и позевывая, сказал: "С каким удовольствием я занялся бы сейчас решением красивой и не очень трудной задачи!" В этих словах — весь человек». — Н. Шамфор.

Отсюда и идет общепринятое восприятие кармы как «механизма воздаяния», практически аналогичного религиозной концепции суда после смерти — от древнеегипетского взвешивания сердца, отягощенного грехами, до христианского представления о рае и аде.

¹ Америка, как вы знаете, заселена переселенцами из Европы.

² Впрочем, это слишком категорично. В том же конфуцианстве человеколюбие — одно из основных понятий, хотя оно и понимается совсем не по западному образцу. На Востоке на сапиенсов исторически меньше охотились, чем в иудео-христианских и мусульманских странах, поэтому культура и идеология элитарного разума звучит там громче. Разумеется, восточный образ мышления обладает своими недостатками, но это другой вопрос.

³ Следует заметить, что в современном обществе появилось много гибридов, которые объединяют восточную и западную культуры, при этом отбрасывая достоинства и лелея недостатки. Так, многие современные виды «буддизма» представляют собой настоящую религию: появляется поклонение, обожествление Будды, догматика (включая «добро/зло») и т.д. «Буддисты учат следующему: "Не делать зла / Творить добро / Очищать ум» — из книги Клайва Эррикера «Буддизм». Про Блаватскую и т.п., которые объединяют кривое понимание ламаизма с баптизмом, даже говорить не стоит. Пользуясь случаем, рекомендуем на тему теософии книгу В. Соловьева «Современная жрица Изиды».

⁴ Понятие причинности, кстати говоря, — чисто человеческое понятие, проистекающее из «элементарного бытового опыта». Но сколько раз человек накалывался, попадая в элементарную ловушку, вытекающую из того же прошлого опыта! — *Post hoc non est propter hoc*.

При этом даже у весьма продвинутых буддистов и т.п. имеется стремление *не брать ответственность на себя*, занимая выжидательную позицию. Всё отличие лишь в том, что христианин скажет: «это грешно», псевдобуддист: «этим я испорчу карму», а более образованный буддист сформулирует причины своего недеяния обтекаемо, к примеру, как «это не соответствует гармонии мира в данный момент». И даже честно при этом скажет, что он не в состоянии полностью постичь эту самую мировую гармонию (логично, кстати), из чего следует однозначный с его точки зрения вывод: лучше перестраховаться и вообще не предпринимать ничего, принципиально изменяющего привычный порядок вещей, так как можно нарушить Гармонию Вселенной, а это — крайне не изящный поступок.

Казалось бы, общая концепция того же даосизма вполне логична и целесообразна, её можно выразить приблизительно как «живи полноценной жизнью здесь и сейчас, не лезь куда не надо, пока ситуация не созрела, и не упускай момента, когда требуется». При этом выбор действия не основывается на самонадеянном «я хочу», а на «сейчас именно это гармонично». Но всё дело в том, что идеи, высказываемые в этой книге, гармонично было осуществлять *намного ранее*. Сейчас это *уже* не гармонично, но ещё не поздно. А потом — будет все равно не гармонично, но меры придется принимать вынужденно, когда значительную часть населения будут составлять мутанты-дубоцефалы...

Стратегия *выжидания* совсем не оптимальна в качестве стратегии *достижения*, хотя тактика недеяния *иногда* может быть вполне оправданной. Для *развития* же чего бы то ни было приходится именно, условно говоря, лезть туда, куда «не надо» с точки зрения среднего человека, более того — делать это *с риском* для себя. И дело вовсе не в пафосе «Кто не рискует — тот не пьет шампанского» (в конце концов, те, кто не рискует, пьют водку на могилах тех, кто хотел пить шампанское), а в элементарной необходимости *развиваться*, что неизбежно связано с проникновением в *неизвестное*. Интересно, что неизвестное по-разному воспринимается разными индивидуумами: если для развитого Человека это понятие нуминозно, а для сапиенса — привлекательно и не вызывает опасений, то для человека толпы неизвестность однозначно ассоциируется с опасностью. Вспомните хотя бы древнекитайское проклятие: «Чтоб тебе жить в век перемен!»

Выжидание же «вселенная сама разберется, что для нее гармонично, а мы будем созерцать» крайне напоминает старый анекдот «Как я тебе на молитвы не отвечал?! А кто и пожарников посылал, и лодку?!».

Человек в философии

Все вопросы сводятся к вопросу: «Кто я?» Все ответы к: «А хрен его знает». ©

Философская антропология занимает в мировой философии приблизительно то же место, как и в среднем образовании написание сочинений на тему «Как я провёл лето». Практически каждый сколь-либо значительный философ писал работу по этому вопросу. Тем не менее, невзирая на качество и количество написанного, общий смысл этих работ превосходно выражается эпитафией к данному разделу.

Если попытаться классифицировать подход к данной теме, то можно выделить три группы философов, предоставляющих иллюзию решения данной проблемы: эссенциалисты, экзистенциалисты и футуристы, а также отдельную категорию, которая придерживается мнения об абсурдности самого требования однозначной антропологии как философской концепции и, следовательно, считает эту проблему не имеющей решения¹.

¹ Также существуют направления в философии, относящиеся к идеализму, которые вообще не занимаются данной проблемой.

Эссенциализм пытается создать общую модель человека, содержащую *essentia homini*. Недостаток этого подхода выражается в том, что он, образно говоря, пытается создать модель абсолютно сферического человека в вакууме. Несмотря на то, что, в отличие от основателей направления, современные эссенциалисты согласны с тем, что человеческие способности (свойства) развиваются, они продолжают считать, что есть нечто, остающееся неизменным; это нечто и составляет сущность человека¹.

С экзистенциализмом ситуация сложнее, так как по каким-то нам неясным причинам этот ярлык очень любят употреблять невпопад практически к любому философу, который признает индивидуальность восприятия бытия. Кроме того, практически любое современное философское течение в той или иной мере включает некоторые черты экзистенциализма.

Футуристы считают, что человек непрерывно развивается и в будущем будет значительно отличаться от современного. Это направление получило развитие во второй половине XIX века, исходя из качественного скачка научного и технического прогресса. Можно сказать, что футуризм идеалистичен, поскольку не учитывает особенности чел-овеческой психики, глубинные принципы которой остаются практически неизменными с каменного века. Иногда футуристы элементарно скатываются до *веры* в развитие человека, и философский взгляд приобретает явные религиозные черты. К примеру, К. Лоренц² в книге «Так называемое зло» пишет (особо интересные места здесь выделены курсивом):

«Новые жизненные условия современного человечества, бесспорно, заставляют искать новые механизмы, препятствующие агрессивности всех против всех. Именно отсюда выводится естественное, чуть ли не природой заложенное требование *братской любви человека ко всем людям*. Это требование не ново, *разумом мы понимаем его необходимость*, сердцем мы ощущаем его красоту, но все же мы не в силах выполнить его, так уж устроен человек. Он может испытывать полноценное чувство любви и дружбы только к отдельным людям, и самая сильная и добрая воля тут ничего не может изменить! И все же *великий конструктор*³ может это. Я *верю*, что он это сделает, ибо я *верю* в мощь человеческого разума, я *верю* в силу естественного отбора, и я *верю*, что разумная селекция совершается разумом».

Неразрешимость проблемы философской антропологии утверждается чаще не «чистыми» философами, а философами-литераторами, которые стоят на позиции уникальности, неповторимости человека и постоянного противоречия его самому себе. Утрированно этот подход можно разделить на два вида: кондово-материалистически-предопределенный и кондово-духовный, в которых человек постулируется как следствие случайности развития материи (и только) или каприза некоей «духовной сущности» соответственно, и не более того.

Интерес представляет изначальная абсурдность вопроса антропологии в философии. Что есть философия? Это познание от общего к частному⁴, в отличие от науки, которая

¹ Можно предвидеть, что некоторые читатели могут приписать нам именно эссенциализм, поскольку мы утверждаем, что чел-овечество имеет некоторые общие черты, которые и составляют его сущность. Однако, это неверно, так как мы признаем отличие отдельных Людей от общей чел-овеческой массы (см. стр.22); таким образом, мы выделяем как общий параметр не человеческие, а *чел-овеческие* черты.

² Строго говоря, Конрад Лоренц — не философ, а представитель социальной психологии, но в качестве иллюстрации типичного мышления футуристов, идеализирующих человека, он подходит очень хорошо.

³ «Великим конструктором» Лоренц именуется естественный отбор и изменчивость по Дарвину. Осталось написать с большой буквы — и будет имя собственное некоего бога, которому Лоренц и поклоняется...

⁴ Мы говорим о той части философии, которую можно назвать познанием, а не о графоманах и спекулянтах от болтологии, чье число отнюдь не уменьшается, и которые попадают на глаза куда чаще. Это про них сказано: «Философия — громадная абстрактная скульптура из рельсов, загромаждающая жилую комнату и не дающая открыть дверь в туалет». — С. Тиунов.

познает от частного к общему. Таким образом, философия исходит из абстрактного понятия смысла феномена, а факты для нее служат средством верификации метафизической концепции.

На эту тему хорошо сказал Л. Витгенштейн («Логико-философский трактат»):

1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей.

2.1. Мы создаем для себя образы фактов.

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

2.224. Из образа самого по себе нельзя узнать, истинен он или ложен.

2.225. Нет образа, истинного априори.

При этом вопрос субъективности восприятия стоит куда более остро, чем в науке, а смысл феномена познается исключительно в антропоцентричном личностном восприятии, поскольку для человека иное просто невозможно.

Здесь следует сделать очень важное замечание: субъект вполне способен воспринимать внешний мир, воспринимая (конечно, субъективно) его через воздействия на органы чувств. Но, каким бы детальным ни было это восприятие внешнего мира, оно не несет информации *о самом воспринимающем субъекте*. Субъект не принадлежит воспринимаемому миру, он выступает своеобразной *границей* воспринимаемого мира. Здесь уместна известная философская аналогия с глазом и полем зрения. Воспринимая зрительные образы через глаз, в действительности мы сами *не видим* этого глаза. И *ни из чего* в поле зрения нельзя заключить, что оно видится *глазом*. Выводом из всего этого может служить элементарная мысль — *субъективное восприятие окружающего мира не несет информации о воспринимающем субъекте*. Вследствие этого субъект должен вводить определённые *идеальные конструктивы*, призванные как-то вписать его в окружающий мир. Одним из таких конструктивов является понятие «смысл», а другим, гораздо более узким и куда более сомнительным — «смысл жизни».

«Я» со всеми смыслами, привязанными к этому «Я», выступает в философии благодаря тому, что «мир — есть мой мир». Философское «Я» есть не человек, человеческое тело и человеческая душа, о которой по инерции говорится в психологии взамен $\psi\omega\chi\eta$, а совершенно метафизический субъект — граница, а не часть мира. Но сколько людей трактуют это «Я» буквально, применяя к себе, к соседу, к неграм Поволжья... Именно — «как к человеку». Отсюда все многочисленные выводы о «неповторимости и уникальности» [каждого] человека, об «особой роли и особом значении» [каждого] человека. Хотя «неповторимым и уникальным» является только абсолютно метафизическое «Я», и его уникальность обусловлена именно тем, что с прекращением этого «Я» прекращается «мой мир», воспринимаемый посредством этого самого «Я». Прекращается безусловно, лишается *смысла*, как лишается смысла, например, понятие «площадь фигуры» с исчезновением её периметра. Из метафизического «Я», таким образом, не выводятся *никакие* психологические, социальные, да и вообще, реально-опытные следствия.

Смысл мира должен лежать *вне* его. В мире всё есть, как оно есть, и всё происходит так, как происходит. В нём нет *никакой* ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности для объектов, принадлежащих к этому миру. Поэтому не может быть высказан ответ на вопрос о смысле жизни. А для ответа, который не может быть высказан, не может быть высказан вопрос. Таким образом, загадки «смысла жизни» не существует.

Всё это корректно выводится логически из следующего положения: «*Если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить*»¹. Те, кто желает

¹ *Корректно* поставлен, разумеется.

размяться, могут проделать этот вывод самостоятельно, а тех, кто не хочет или не в состоянии, отошлем к Б. Расселу и Л. Витгенштейну.

Таким образом, любой феномен в философии рассматривается *исключительно* как имеющий смысл для человека (конкретного или какой-то группы; но при этом некоторые любят распространять свой смысл для общности всех). Ни один объект не имеет смысла «сам по себе»¹, непосредственно для *себя самого*, смысл — это исключительно *внешнее* понятие, применимое только по отношению к *другому* объекту, являющемуся внешним относительно определяемого. Именно поэтому один и тот же объект имеет разные смыслы для различных внешних объектов. Скажем, смысл существования некоего условного И.И. Иванова один — для его жены, другой — для его ребёнка, третий — для начальника по работе, четвертый — для подчиненного, пятый — для остановившего его инспектора дорожного движения et cetera. Смысл же существования упомянутого Иван Ивановича для него самого отсутствует по определению, он может лишь *придумывать* себе отдельные цели и объявлять их имеющими смысл не локально и временно, а глобально для всей его жизни.

Отношения же между человеком и социумом, человеком и другими людьми, человеком и познанием и т.д. давно исследуются социологами, психологами и другими специалистами. Таким образом, любая попытка философов подойти к проблеме человека неизбежно скатывается в ненаучную область, практически противопоставляя философскую антропологию научным исследованием феномена человека, что вызывает апелляции к понятиям морали, нравственности и тому подобным искусственным надстройкам; при этом дополнительно, не желая признавать то, что философия в данном случае малоприменима (как же, ведь «философия — мать всех наук!»²), некоторые философы претендуют на координацию действий ученых³, хотя и редко говорят об этом прямо.

«В сфере развития науки она [философская антропология] может прояснить, сравнить и скоординировать различные модели человека, некоторых основана работа отдельных дисциплин. ... Например, в проведении социологического исследования нужно руководствоваться не только нашим определением "социологического человека", но и понятием человека, где определено, какова моральная ответственность за поведение относительно наших коллег. В конце концов, нельзя определить долю морального греха⁴, просто исходя из нашего идеала человека и не принимая в расчет наши предположения о возможностях человека». — Х.П. Рикман, «Возможна ли философская антропология?».

И еще раз предоставим слово Витгенштейну: «Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано⁵, — следовательно, кроме *предложений естествознания*, т.е. того, что не имеет ничего общего

¹ Не путайте с Кантовской «вещью в себе» и т.п. — мы здесь говорим исключительно о *смысле* объекта.

² Попытки отдельных философов быть «строго научными» иногда просто поражают своей, гм, своеобразностью. Скажем, некий Ф.С. Ротшильд в книге «Концепция и методы» пишет следующее: «Молекулы ДНК являются представителями субъекта, протеины действуют как получатели сообщений от субъекта, а молекулы РНК выполняют роль условных знаков между отправителем и получателем». Г. Хенгстенберг, по чьей работе «К ревизии понятия человеческой природы» цитировался этот «биосемиотик», назвал обозначение ДНК в качестве «субъекта, в котором воплощена самость клетки», «некоторой переоценкой биологических явлений», хотя такой «творческий подход» заслуживает гораздо более резкого определения, так как не является ни научным, ни философским.

³ Приблизительно по такой «логике» организовываются комитеты по биоэтике и прочие организации, любящие руководить, не пущать и запрещать.

⁴ Очень нравится отсутствие сомнений в том, что эту самую долю надо определять. Надо, и все тут! Куда же без греха и морали?

⁵ Сказано так, чтобы имело смысл, а не «сказано вообще».

с философией». Но попробуйте даже заикнуться об этом большинству современных философов. Прекрасно восприняв и запомнив то, что «философия — мать всех наук», большинство из них категорически не соглашаются пользоваться методологией философии, ее базовым законом, являющимся также законом методологии мышления: «Только факты могут выражать смысл, класс имен этого делать не может».

В социально практическом применении, к примеру, это значит буквально следующее: сентенция «Человек — это звучит гордо» *не имеет смысла*. По причине того, что слово «человек» здесь выступает именно как наименование *класса особей*, имеющих определенные признаки.

Далее: слово «разумный» в наименовании «Человек Разумный» не имеет смысла в качестве факта наличия разума у какой-то конкретной особи данного вида. Это слово ничего не говорит о том, что какой-то конкретный человек обладает разумом, т.к. сочетание «Человек Разумный» *не констатирует факта*, оно только *называет умозрительную концепцию*.

Более того, притязания на целостность восприятия проблемы «что есть человек?» с философской точки зрения никак не обоснованы¹.

«С какой точки зрения вы рассматриваете человека? — с экономической? с социальной? с психологической? с религиозной? — вот, без сомнения, обычная реакция на вопрос о человеке. И если вы осмелитесь сказать "ни с одной из них", — вы будете подвергнуты остракизму. Отрицание любой "точки зрения" равносильно в глазах собеседника отказу от мышления вообще. ... Поэтому прежде всего приходится заниматься разъяснением "позиции", которую вы собираетесь защищать. Затем, когда "точка зрения" выделена и ограничения сделаны, обсуждение идет обычным порядком с обычными результатами: отшлифовывается еще одна точка зрения среди множества других, скопившихся в разбухшем шкафу истории». — Р.М. Цанер, «О подходе к философской антропологии»ю

Общий недостаток большинства философов — это отсутствие чёткого логического мышления и неспособность применить свои рассуждения к своим же выкладкам, слишком их увлекает полет мысли (в прочем, для некоторых — не полет, а судорожное переползание с места на место).

Можно согласиться с мыслью И. Канта, что любое достижение науки помогает человеку лучше познать себя, но это опять же сводится к существованию множества различных подходов к познанию человека, никак не стремящихся к объединению в единое целое. Как верно заметил Л. Фарре («Философская антропология»): «В философской антропологии исследование идет по кругу, и чем ближе исследователь подходит к объекту исследования, тем труднее ему кажется достижение центральной точки».

Для иллюстрации вышеприведенных мыслей возьмем европейскую² философскую мысль XIX-го века, в котором основали многие современные направления современной философии. Этот период удобен еще тем, что различные философские школы развивались параллельно, предоставляя наглядную картину временного среза философской мысли. В XX-м веке мы найдем практически лишь последователей великих мыслителей прошлого,

¹ Они *никак* не могут быть обоснованы, именно исходя из метафизичности понятия «человек», единственно корректной в философии (см. в тексте). Таким образом, при попытке решить проблему «что есть человек?» в метафизическом плане получим «абсолютно круглого человека в вакууме», а переходя с поля «философских образов» на поле *фактов*, получим столько определений человека, сколько существует (существовало и будет существовать) конкретных особей «человеческого рода».

² Восточная философия практически не занимается вопросами человека как такового, делая упор на познание бытия в целом. Действительно, если весь мир — иллюзия, то к чему говорить о двуногих прямоходящих частностях этой иллюзии отдельно?

развивающих их идеи, а также некоторые оригинальные направления мысли, не получившие широкого распространения; нас же интересуют именно те школы, которые получили достаточное распространение, — те, которые в достаточной степени соответствуют менталитету общества в целом. Кроме того, именно в XIX веке философия впервые начала рассматривать антропологию как отдельную часть философского знания; в этом же веке Ницше впервые в философии определил человека не как нечто сформировавшееся окончательно, а как существо, находящееся в процессе развития. В связи с этим Ницше иногда упрекают в том, что проблема взаимоотношений человека с человеком им практически не рассматривалась, а его работы практически привели к прерыванию традиций романтиков¹ и т.п. Мы же придерживаемся позиции, что упомянутая область относится скорее к прерогативе психологии, а не философии, поэтому такое обвинение беспочвенно.

В качестве вступления скажем несколько слов и о более ранних философах. Античные мыслители первыми сформировали представление о «человеке разумном», утверждая, что человеческое самосознание стоит превыше всей остальной природы. Эту концепцию четко и однозначно выдвинул Анаксагор, далее — Платон и Аристотель. Однако в связи с специфичностью мышления того времени «человек разумный» представлял собой скорее «человека социального». Подобное отношение продержалось, постепенно ослабевая, достаточно долго. Иллюстрация: во время эпохи Просвещения (XVIII век) также выдвигался идеал «человека разумного», осуществляющего свою внутреннюю свободу и т.п. Однако, если внимательно ознакомиться с трудами того времени, то становится очевидным, что просветители весьма скептически относились к способности народа саморазвиваться. Поэтому они делали ставку не на самосознание индивидуума, а на воспитательную роль государства, которое должно преобразовывать низы соответствующим образом.

Перейдя через промежуточный XIX век, философы XX века массово кинулись в другую крайность, придав понятию человеческой личности статус априорной наивысшей ценности (всячески стремясь при этом давать такие определения, которые именуют человеком практически всё, рожденное самкой Ното, независимо от личностных же качеств; впрочем, эту тему мы уже затрагивали).

Итак, XIX век представляет собой в плане антропологии наиболее наглядный пример философии без крайностей мышления, и именно поэтому мы взяли в качестве иллюстрации именно его.

Ведя разговор о философии XIX-го века, нельзя обойтись без упоминания Иммануила Канта. Мы не разделяем восторга многих философских и околофилософских кругов по поводу его трудов, в основном из-за введенного им категорического морального императива, что показывает его слабость как мыслителя², а также в связи с использованием им языка, который вряд ли кто назовет удобочитаемым. К сожалению, именно с подачи Канта у некоторых философов появилась мода писать тяжело и

---

¹ Мы не будем рассматривать философов-романтиков (Г. Вакенродер, Ф. Шлегель, С. Кольридж, И.В. Гете и др.). Романтики — они и в философии романтики... Даже Гегель, сам придерживаясь весьма надуманной позиции, высказался по их поводу следующим образом: «Несчастное сознание живет в страхе, боясь запятнать величие своего "внутреннего" поступками и наличным бытием. Чтобы сохранить чистоту своего сердца, оно избегает соприкосновения с действительностью, стремясь в своем своенравном бессилии отречься от самости, доведенной до крайней абстракции и сообщить себе "субстанциальность» — цит. по Р.М. Габитова, «Человек в философии романтизма».

² Категорический императив особо интересно смотрится, если его поставить рядом с другой фразой Канта: «Конечно, было бы слишком требовать от людей мудрости как идеи законосообразно полного практического применения разума». Таким образом, Кант практически дошел до предпосылки «мораль предназначена для неумеющих мыслить», но не только не сделал следующего логического шага, но напротив — в панике убежал от поиска ответа (или же, что вероятно, не смог принять его), постулировав мораль как нечто изначально сущее.

запутанно, маскируя словесной вязью отсутствие логики и оригинальности мыслей¹. Вспомним, что писал Шопенгауэр о Гегеле:

«Наглость и бесстыдство этого шарлатана, или, вернее — бесчестье его заключается в том, что он соединяет слова невозможным образом, т.е. они не только противоречат друг другу, но и лишены всякого смысла². ...Чтобы мистифицировать людей, для этого надо только говорить им то, чего они не понимают».

По этому поводу можно было бы посоветовать тем, кто боится захлебнуться в пене философских слов и обрывков мыслей, элементарный метод, известный уже достаточно давно. Для его применения нужна самая малость — быть не Homo, а именно Sapiens'ом. Это прагматический³ метод мышления, являющийся одновременно частью научного метода мышления. Вот что пишет на эту тему У. Джеймс:

«Прагматический метод — это прежде всего метод улаживания философских споров, которые без него могли бы тянуться без конца. Представляет ли собой мир единое или многое? — царит ли в нем свобода или необходимость? — лежит ли в основе его материальный принцип или духовный? Все это одинаково правомерные точки зрения на мир, — и споры о них бесконечны. Прагматический метод в подобных случаях пытается истолковать каждое мнение, указывая на его практические следствия. Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнение, а не другое? Если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения означают по существу одно и то же, и всякий дальнейший спор здесь бесполезен».

Кант в своем труде «Антропология с прагматической точки зрения» демонстрирует все описанные нами выше особенности чел-овеческого мышления в философии: возвышение человека а рiогi; нечеткое определение личности, позволяющее лавировать в широких пределах; непризнание за животными никакого права на мышление:

«§1. То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он *личность* ... Это справедливо даже тогда, когда человек еще не может произнести слово Я: ведь он все же имеет его в мысли⁴; и во всех языках, когда говорят от первого лица, *всегда* должно мыслить это Я...».

¹ Объективно говоря, его вина состоит не в изобретении своеобразного эпистолярного стиля — еще в XVIII веке Вовенарг критиковал эту манеру в «Размышлениях и максимах», а в XVI веке это делал Монтень в «Опытах». Кант просто наполнил ветром уже было обвисшее знамя средневековой схоластики, а его популярность логически привела к появлению последователей.

² «Сущность есть лишь чистое торжество и видимость в самой себе, равно как и отрицание, относимое к самому себе, или самоотрицание; она, следовательно, существенно содержит в себе определение различия» — Гегель, «Энциклопедия», §116. Кто-либо видит смысл? Ищите и обряцете :-)

³ Впервые он был введено в философию Чарльзом Пирсом в 1878 г. В статье под заглавием «Как сделать наши идеи ясными» Пирс указывал сперва, что наши убеждения (beliefs) суть фактически правила для действия; затем он говорил, что для того, чтобы выяснить смысл какого-нибудь утверждения, мы должны лишь определить тот способ действия (conduct), которое оно способно вызвать: в этом способе действия и заключается для нас все значение данного утверждения.

⁴ Забавно, что абзацем ниже Кант отмечает, что ребенок вначале говорит о себе в третьем лице, и лишь потом приходит к осознанию себя как индивидуума. Следовательно, ребенок до определенного возраста согласно написанному не является человеком. Интересно, Кант действительно так считал? Такие же представления бытовали и некоторых европейцев по отношению к «дикарям», в частности американским индейцам, на основании того, что при корявом переводе получалось, что они говорят о себе в третьем лице.

Между тем в цитируемой работе Кант все же сделал очень правильное наблюдение, с которым мы полностью согласны. Каждый, как нам кажется, хотя бы раз в жизни слышал, что «следует полагаться на здравый рассудок», который *in populo* принимается за разум как таковой.

«Обыденный и *здравый*¹ рассудок не притязает ни на остроумие, ни на пронизательность, представляющие собой некоторого рода роскошь ума, здравый же рассудок ограничивается насущными потребностями».

Не будем затрагивать труды Фихте, Шеллинга и Гегеля, поскольку те рассматривают человека практически исключительно в связи с категорией Абсолюта. Прочитируем по этому поводу слова А. Шопенгауэра:

«Слово *абсолют*, взятое само по себе, есть нечто совершенно бессмысленное. Ибо оно — прилагательное, т.е. обозначение предиката, а предикат должен относиться к какому-нибудь объекту. Но ведь закон основания, неоспоримый закон, гласит, что *каждый объект* находится в необходимой связи с каким-либо другим; предикат же — *абсолютное* не выражает ничего другого, кроме отрицания связи с чем бы то ни было; это противоречит всякому объекту, — следовательно, предикат этот не может быть высказан ни о каком объекте, ибо тем самым последний был бы уничтожен. Так как субъект не есть объект, т.е. он непознаваем, то ему нельзя приписывать никакого предиката, — значит, и предиката *абсолютного*.

Для чего же нужен этот самый абсолют? Для Фихте-Шеллинговой философии».

Таким образом, чтобы закончить с представителями классической немецкой философии, перейдем сразу к Фейрбаху. В плюс этому мыслителю можно поставить последовательный атеизм и материализм², в минус — то, что он не смог избежать вопроса нравственности, а достижение счастья связывал с «религией любви». Цитируем «Сущность христианства»:

«Каковы отличительные признаки истинно человеческого в человеке? Разум, воля и сердце. ... Разум, любовь и сила воли — это совершенства. ... Человек существует, чтобы познавать, любить и хотеть».

Как видите, в одну общую кучу перемешаны как разумные, так и неразумные мотивации, что иллюстрирует наш тезис «чел-овечество непременно содержит в себе неразумную составляющую, которую ценит обычно даже больше, чем разумную». При этом в один ряд поставлены разноплановые понятия цели (познавать) и отношения (любить, хотеть).

Марксизм практически не занимается философской антропологией, поскольку Маркс не противопоставляет индивидуум и общество, рассматривая личность исключительно в социальном аспекте:

«Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять "общество", как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни — *является* проявлением и утверждением

¹ Интересно выделение этого слова Кантом. Навевает на мысль, что роскошь ума — это отнюдь не здравый ум...

² Впрочем, в понимании общественной жизни Л. Фейрбах стоял скорее на идеалистической позиции, не учитывая историческое и социальное развитие человека.

общественной жизни. индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то различным...» — К. Маркс, «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

Интересно, что марксизм может быть отнесен к гуманистическим направлениям философии, так как Маркс придерживается позиции, что высшим существом, истиной и т.п. для человека является сам человек¹. Однако, этот пример наглядно показывает и пагубность гуманистической идеологии, так как на основе приведенной позиции можно сделать и такой вывод:

«Возвещая разложение существующего миропорядка, пролетариат раскрывает лишь тайну своего собственного бытия, ибо он и есть фактическое разложение этого миропорядка. Требуя отрицания частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возвело в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества. Пролетарий обладает по отношению к возникающему миру таким же правом, каким немецкий король обладает по отношению к уже возникшему миру, когда он называет народ своим народом...» — К. Маркс, Ф. Энгельс, «К критике гегелевской философии права».

Вот таким образом вполне гуманистическая позиция становится основой идеологии диктатуры пролетариата²... Вспомним, что по этому поводу писал Ницше («Человеческое, слишком человеческое»):

*«451. **Справедливость как партийный призывной клич.** Благородные (хотя и не очень проникательные) представители господствующего класса, конечно, могут дать себе обет: мы будем относиться к людям, как к равным, и даруем им равные права. В этом смысле возможен социалистический образ мыслей, основанный на справедливости; но, повторяю, лишь в пределах господствующего класса, который в этом случае посредством жертв и отречений осуществляет справедливость. Напротив, требование равенства прав, которое выставляется социалистами из угнетенной касты, вытекает отнюдь не из справедливости, а из алчности. — Когда зверю показывают вблизи кровавые куски мяса и снова отнимают их, пока он, наконец, не начинает реветь, — полагаете ли вы, что этот рев означает справедливость?»*

Представители позитивистского направления в философии не ставили задачу целостного представления человека, уделяя внимание созданию более глобальных с их точки зрения проектов: «положительной философии» (О. Конт), «новой этики» (Дж. Милль), исследования глобальной эволюции (Г. Спенсер³) и т.п. Однако философы

¹ Точки зрения, что учение Маркса гуманистично, придерживался и Эрих Фромм, который писал, что понятие человека у Маркса согласуется с позицией Гегеля, а этическая система во многом позаимствована у Спинозы.

² Строго последовательный и радикальный гуманизм неизбежно приводит к диктатуре низших слоев общества, так как любой чем-либо выделяющийся индивид является нарушением принципа всеобщего равенства, а задача «всем дорасти до высшего уровня» не решается принципиально; таким образом, остается лишь принижение выделяющихся до общей массы. На материале марксизма это наглядно демонстрируется тем, что в цитируемой в тексте работе Маркс и Энгельс еще отождествляют пролетариат с маргинальными слоями общества, в дальнейшем отношении к пролетариату преобразуется, и он преподносится, выражаясь языком СССР, как «класс-гегемон», на который должны равняться все остальные. К примеру, в «Немецкой идеологии» Маркс совершенно недвусмысленно критикует Штирнера за его отождествление пролетариата и люмпенов.

³ У Спенсера в его «Основаниях этики» есть прелюбопытнейшие этнографические наблюдения этических императивов у разных народов, наглядно демонстрирующих отсутствие некоей «общечеловеческой морали». Кроме того, хорошо показана разница между декларируемым и реально существующим: «...но что

этой школы сделали существенный вклад в развитие мировой мысли, внося в философию обширный естественнонаучный материал, что привело к четкой антирелигиозной позиции. Это привело к тому, что классическая философская антропология, рассматривающая человека в тварном мире с точки зрения теологии, безвозвратно канула в прошлое. Вместо неё открылась новая перспектива исследования бытия человека естественнонаучным путем.

Наиболее известен в области, сочетающей философию и естествознание, Чарльз Дарвин. Нельзя утверждать, что его работы были философскими в полной мере, в них куда больше от естествоиспытателя, чем от философа, но своим подходом эти труды неизбежно опровергали все теологические школы философии, за что церковники очень не любят Дарвина до сих пор. Тем не менее, местами у Дарвина встречаются замечания психологически-философского характера, вполне соотносящиеся с темой нашей работы. «Происхождение человека и половой подбор», глава «Сравнение между умственными способностями человека и низших животных»:

«Существует также, по-видимому, известное соотношение между низкой степенью ума и резким стремлением к образованию прочных, хотя бы и не наследуемых, привычек; ибо, как заметил мне один провинциальный врач, лица, до известной степени слабоумные, стараются во всем поступать согласно рутине или привычке и чувствуют себя более счастливыми, если встречают при этом одобрение от окружающих».

Сравните приведенную цитату с наиболее часто встречающейся мотивацией плебса: «Чтоб всё было, как у людей!» и аргументацией «Так принято».

Следующим направлением мысли XIX века является появление «философии жизни». К этой категории относятся весьма несхожие между собой философы, которых, однако, объединяет стремление разработать *собственную* онтологию в противовес ранее существующим системам, пафосно говоря — выявить реальные истоки бытия. Проблема антропологии в философии жизни ими не ставится вообще, но даже не занимаясь таковым вопросом намеренно, мыслители этого направления внесли значительный вклад в познание человека:

«...названные трактовки жизни носят надличностный, внеперсоналистский характер. Она толкуется... как метафизически-космический прогресс, жизненный прорыв, творческая эволюция, то есть онтологически. Все эти определения направлены на постижение бытия, а не человеческой природы. ...

Но вот парадокс. Именно эта онтологизация понятий, которые уже закрепились в философской антропологии (память, дух), придание им космически-обобщенного смысла обеспечивает мощный импульс философскому постижению человека. Осуществив головокружительный мираж в сторону от уникального живого существа, философы жизни вместе с тем содействовали раскрепощению философско-антропологической мысли, неизмеримо расширили общее представление о человеке как природном создании.

В рамках философии жизни возникло множество поразительных догадок, без которых трудно представить себе современную философскую антропологию: проблема нестойкости человеческой природы, мысль об ущербности человека как биологического существа, возможности нового типа чувственности, интуиция об неисчерпаемости психики, о культуре как

ещё более поучительно для нас, это тот факт, что там, где христианские добродетели не проповедовались, они обнаруживаются в более высокой степени, чем там, где их постоянно проповедуют и выставляют на вид».

антропологическом феномене и т.д.» — П.С. Гуревич, «Концепция человека в философии жизни».

Можно сказать, что философия жизни была душем Шарко, который протрезвил ледяной водой опьяненное человечество, имеющее диагноз: *megalomania* в тяжелой форме¹. Даже киники, презируя человечество и его представителей, тем не менее не возражали против пресуппозиции «человек — венец творения». Дарвин, разоблачив легенду о творении, заменил в сознании людей этот тезис на «человек — венец эволюции». И только философы жизни объявили, что человек не только не является «венцом» чего-либо, но и не представляет собой даже тупиковый путь развития. Чел-овечество постоянно *ухудшает* себя, кидаясь от одной химеры к другой, теряя последние остатки своей естественности...

Один из популяризаторов философии жизни Т. Лессинг² называл человека разновидностью хищной обезьяны, которая вообще свихнулась, помешавшись на так называемом «духе».

Родоначальником философии жизни *de facto* можно считать А. Шопенгауэра, обосновавшего примат воли как идеалистического понятия над разумом в онтологическом плане в своем труде «Мир как воля и представление». Он, а затем С. Кьеркегор и Ф. Ницше отбросили ветхую антологию, ведущую свое начало еще с античных времен, избавились от иллюзии «общечеловеческих ценностей»³, включая «духовные» (в частности — общепринятые прохристианские) и т.д.; одним словом, совершили революционный прорыв в философской мысли, решительно избавившись от устаревших представлений, которые считались непререкаемыми истинами. Устранение самого понятия нормы как общепринятого само по себе привело, выражаясь словами Ницше, к переоценке всех ценностей.

Общим для всех представителей философии жизни является также и представление об элитарности внутри общества, концепция *неравенства* людей в том или ином плане. При этом параметр сравнения может быть самым разнообразным: к примеру, у Кьеркегора элита составляется из реализовавших свою экзистенциальную свободу, причем путем христианства; мнение же Ницше о христианстве общеизвестно. Заслуживает упоминания концепция Анри Бергсона, который стоял на позиции элитарности *творчества*.

Итак, мы видим, что в XIX веке европейская философия испытала невиданный взлёт мысли, смело распрощавшись с мёртвым прошлым, мешающим прогрессу в широком понимании термина. К сожалению, мы не можем сказать такого о России⁴. Причина проста: подавляющее большинство русских мыслителей неизменно соотносили себя с

¹ Нашими бы устами да пиво с похмелья... Точнее будет так: философия жизни *дала возможность* протрезветь, но подавляющее большинство просто не способно на это физиологически, а многие способные просто не захотели этого делать. Пьяный всегда считает, что он счастливее трезвого, а психически больной придерживается точки зрения, что его реальность — самая истинная...

Вы хотите возмутиться — кто дал нам право судить других?

«Когда люди спрашивают меня: "Что дает вам право устанавливать стандарты для других?" мой ответ таков: "Если не я, то кто-нибудь другой, возможно, менее достойный, сделает это"» © А.Ш. ЛаВей

² Цит. по Гуревичу, *ibid.*

³ Кьеркегор, вообще говоря, не оспаривает принципы «высшего добра» и нравственного долга, но он придает им статус личностных, индивидуальных исканий, а не категорического императива.

⁴ Собственно говоря, никакой философии в России вообще не было по крайней мере до середины XVIII в. И даже тогда она была привнесена с Запада. О хоть как-то *самостоятельной* философской мысли в России можно говорить, лишь начиная с XIX в.

«традиционным православием»¹, что привело к тотальной религиозной окрашенности² всей русской философии.

«С введением христианства история России пошла по пути, в корне отличном от европейской. Суть всей истории Европы – это отрицание религии и борьба с ней. Передовым отрядом, конечно же, были интеллектуалы. Вся европейская философия – это антихристианская философия, все более-менее известные европейские философы никак не могут называться христианами (Во всяком случае, нет ни одного, кто когда-либо в своих трактатах не пнул бы официальную церковь). Здесь причина грандиозного европейского прогресса, и бесконечного преимущества европейской культуры над всеми другими. На Руси дело обстояло по-другому. Атеистов здесь никогда не было, но православная религия полностью отождествлялась с Московским государством. Отрицая институт православной церкви (но не Христа!), отрицали и государство. Именно поэтому русская интеллигенция³ – эта самая ничтожная часть биологического мира, в отличии от всех других интеллигенций, не имеет ни малейшего понятия о государстве, поэтому она и обречена быть последней всегда и везде». — М. de Budyon, «Падение России».

Следует заметить, что православие по сравнению с другими ветвями христианства (католики и протестанты) является *самым консервативным*. Если протестанты давно стремятся идти в ногу с развитием цивилизации, католики в последнее время тоже прогрессируют, то православные все делают с точностью наоборот — гордятся своей архаичностью. Возможно, с богословской точки зрения это и выглядит оправданно, но на прогрессе в области науки и культуры сказывается весьма плачевно. В самом деле, вспомните хотя бы одного православного монаха-ученого⁴ до рассматриваемого периода

¹ Следует отметить, что во второй половине XIX-го века в России широко распространилась мода на псевдоокультурные учения восточного плана, особенно это касается теософии. Но назвать теософов мыслителями или философами — клавиатура не нажимается...

² «Были времена, когда и в рамках религиозной философии можно было что-то сделать. Речь идет об эпохе средних веков. Первоначально разум был всецело подчинен вере. Существовала теология, но не было философии. По мере своего развития пробуждающийся разум ставил и философские проблемы. Переход от теологии к религиозной философии был, несомненно, шагом вперед. Но рано или поздно дальнейшее развертывание философской мысли в этой форме стало абсолютно невозможным. С возрождением науки и ее первыми успехами религиозная оболочка была сброшена и возникла светская философия, которая только и была способна к подлинному развитию. В России конца XIX — начала XX в. наблюдалось явление прямо противоположное. Была предпринята попытка в иную, чем средневековая эпоха, в эпоху расцвета науки и светской философии вернуться к религиозной философии, и тем самым не только вновь заковать давно уже освобожденную философскую мысль, но и отбросить все ее основные достижения. Все это нельзя охарактеризовать иначе, как огромный шаг назад, как явный регресс. И вполне понятно, что люди, вставшие на этот путь, обрекли себя на полное творческое бесплодие. Они не были способны решить ни одну из философских проблем, не были способны сделать даже малейший шаг вперед». — Ю.И. Семенов, «О русской религиозной философии конца XIX — начала XX века».

³ Превращение русских интеллигентов в сторонников религии шло бок о бок с эволюцией их политических взглядов (подобный процесс наблюдался не так давно по отношению к мыслям А. Меня). В 1909 году (надеюсь, что читатель не будет придирается к тому, что мы слегка выходим за рамки XIX-го века) были изданы знаменитые «Вехи». Эту книгу неоднократно пытались представить как сборник трудов мыслящих патриотов, но суть их метаний можно кратко выразить стихотворением А. Блока «Сытые»: «Тоскует сытость важных чрев: / Ведь опрокинуто корыто, / Встревожен их прогнивший хлев!».

⁴ Ученого-естественника, естественно. С гуманитариями проще: тот же Максим Грек (Михаил Триволис), Иван Федоров и т.п. Дело в том, что, строго говоря, гуманитарные науки к науке не относятся, поскольку предмет их изучения не фальсифицируем — см. К. Поппер, «Логика и рост научного знания». Вопрос можно переформулировать следующим образом: «Есть ли хоть один православный монах-ученый, к которому российская церковь не предъявляла претензии, а помогла в его трудах?» — и здесь ответ будет совсем однозначен.

(XIX век¹)? Сравните картины эпохи Возрождения и русскую иконопись с искусственным искажением форм, которое защищалось специальным каноном?² На Руси было практически только два вида живописи: ярмарочно-лубочная и иконопись. А что можно сказать по поводу русских скульпторов?

«... в этом наше коренное отличие в самом исходном пункте от латинского Запада. На первый взгляд, славянский язык церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции. ... Переводы, наводнившие древнерусскую письменность, конечно, произвели отбор самонужнейшего, практически ценного: проповеди жития святых, аскетика. ... На Западе даже в самые темные века его (VII-VIII) монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль...» — Г.П. Федотов, «О святости, интеллигенции и большевизме».

Напоминать дополнительно про то, что христианство на Руси первейшей задачей ставило подавление (и ассимиляцию, если это не удавалось) русской языческой культуры, нет особого смысла. Вообще говоря,

«Религиозная теология — не философия. В ней отсутствует главное в философии как именно мыслительного мировоззрения: полная свобода мысли, антидогматизм, антиавторитаризм. В религиозной теологии мировоззренческая мысль скована цепями догматики, авторитетом священного писания³, которое имеет якобы сверхъестественное происхождение, будучи письменной фиксацией истин, открытых через избранных для этого немногих людей всем остальным людям, богом, богооткровением.

Все это, конечно, весьма далеко от философии как свободного, исходящего лишь из собственной проблематики мышления о мире и о человеке... И в философии бывает теология, так, о боге размышляли и Ксенофан, и Платон, и Аристотель, и Зенон-стоик, и Эпикур, и Цицерон, и Плотин, но тогда, когда философы размышляли о боге, они размышляли о нем свободно, не будучи скованы никакими догматами, принимаемыми на слепую веру, как это имеет место во всякой религии, отдающей приоритет вере перед знанием. Философия же, если это действительно философия, а не ее эрзац и видимость, ничего на веру не принимает». — А. Чанышев, «Курс лекций по древней и средневековой философии».

---

¹ Да и в XX-м все христиане, с которым когда-либо обсуждался этот вопрос, припоминали лишь одного специалиста по гнойной хирургии: архиепископа Луку Войно-Ясенецкого. Но во время войны он служил хирургом, а отнюдь не монахом. Можно вспомнить Флоренского, который был математиком, но, во-первых, математика — это чисто абстрактный инструмент (язык) науки (а не собственно наука), во-вторых, напомним, а что он открыл принципиально нового в той же математике?

² Особенно забавно смотрится даже не искажение перспективы, форм и т.п., а каноническое изображение младенца Христа с пропорциями, близкими не к детскому телу, а к взрослому человеку (отношение размера телу к размеру головы). Получается эдакий микроцефал со скорбным взглядом...

1. ³ «Поставив на первой странице своего основного философского труда "Столп и утверждение истины" вопрос о природе истины, П.А. Флоренский на последней (489) странице подводит итог: "Итак, снова вопрошая себя, что есть Столп и Утверждение Истины, мы пробегаем мыслью ряд ответов, данных здесь. Столп истины — это Церковь, это достоверность, это духовный закон тождества, это подвиг, это Трипостасное единство, это свет Фаворский, это Дух святой, это целомудрие, это София, это Пречистая Дева, это дружба, это — паки Церковь! (П.А. Флоренский Столп и утверждение истины). Для того чтобы дать такой ответ, не нужно было исписывать 488 страниц. Это — не результат рассуждений, размышлений, тем более — исследований. Данный ответ был заранее известен автору, ибо диктовался принятыми им на веру религиозными убеждениями». — Ю.И. Семенов, *op.cit.*

Если вдумчиво читать философов России рассматриваемого периода, то становится очевидным, что все их казалось бы разнообразные труды сводятся к призывам «усовершенствования» себя либо путем аскетичного монашеского подвижничества, либо путем социальной активности с целью принципиального преобразования условий ареала обитания человека. В любом случае — это иллюзии, пассивные или активные соответственно. Эти стремления четко выражал Л. Толстой, сводя к вопросу «Как человеку самому быть лучше и как ему жить лучше?», что, как видно на примере того же Толстого, в сознании русской философствующей интеллигенции неразрывно связывалось с христианством. При этом достаточно широко использовался прием изначального убожества говорящего, априорно признающего свою немощь перед христианским богом и т.п., но при этом проповедующим от его имени (хорошо замаскированная гордыня, если подумать; в православии такое состояние именуется «прелестью»):

«Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской... Но никто не сказал вам об этом определительно. ... не так они говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим..., растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит». — С. Саровский¹, «О цели христианской жизни».

Очевидно, что интерес к «русской философии» был явно дутым, происходя их обычного ура-патриотизма «и мы можем не хуже!».

«Когда началась перестройка и в изобилии появились вначале обширные статьи, а затем и монографии, в которых пелась хвала этим философам, я стал внимательно перечитывать эти работы, чтобы выяснить, что же я не заметил, в чем же все-таки состоит их вклад в развитие философской мысли. Я узнал, что русские религиозные философы являются великими или даже величайшими, замечательными, гениальными мыслителями, которые на весь мир прославили русскую философскую мысль, что ими был внесен неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры, что ими были сделаны величайшие открытия, которые намного продвинули человеческую мысль, что их труды содержат величайшее, неоценимое духовное богатство, без приобщения к которому невозможно никакое дальнейшее развитие и т.д. и т.п. Единственное, о чем не сообщалось в этих трудах — что же именно открыли русские религиозные философы, что конкретно внесли они в развитие философии. О том, что они гении, утверждалось постоянно. Но ни одна из их гениальных мыслей почему-то никогда и нигде не приводилась». — Ю.И. Семенов, *op.cit.*

В заключение затронем последний вопрос, касающийся отечественной философии: достаточно часто, пытаясь разыскать в ней хоть что-то оригинальное и достойное внимания, упоминают изыскания на тему Софии — «премудрости божьей». Однако, введение женской сущности в понимание бога неоднократно предпринималось католиками (богородица и пр.) и гностиками (Мировая Душа, Вечная Женственность, причём именно под именем «Σοφία»); кроме того, это проблема *богословия*², а отнюдь не философии.

Пожалуй, единственным заслуживающим внимания русским философом XIX века является М.А. Бакунин, теоретик анархизма. Цель человечества Бакунин видит в достижении свободы, которая для него (мы с этим согласны) невозможна на иной базе, чем материализм и атеизм:

¹ Точнее: запись Н.А. Мотовиловым его бесед с Серафимом Саровским.

² Как мы видим, изыскания «русских философов» опять не представляют собой ничего, принципиально отличного от богословия.

«Бог существует, значит, человек — раб. Человек разумен, справедлив, свободен, — значит, бога нет». — М.А. Бакунин, «Федерализм, социализм и антитеологизм».

Рассуждения¹ Бакунина однозначно раскрывают роль средового фактора в становлении самости, проясняют необходимость поднятия общего уровня интеллектуального развития населения.

«...свобода — это не ограничение, а утверждение свободы всех. ... Возьмем, например, ум: он развивается в индивидуе только при помощи общества. Думать — это значит говорить, так как даже про себя мы думаем с помощью слов и фраз². Но говорить вы можете только с кем-то другим, а этот другой, когда вы думаете сами про себя, есть общество в целом, весь мир, и заметьте, чем этот другой разностороннее, умнее, образованнее, чем богаче язык, которым вы пользуетесь, когда вы думаете, тем больше совершенствуется ваша мысль. Поместите человека, обладающего самым великим умом³, со дня его рождения на необитаемый остров, и он останется на протяжении всей жизни животным. Поместите его туда же в возрасте 20 лет. Его ум, уже пробужденный, снова в конце концов ослабеет. Поместите его в общество идиотов или даже дикарей — будет то же самое. Сошлите его в захолустный городок к добропорядочным филистерам, к молодым бюрократам, любителям шведского пунша, и держу пари 100 против одного, что после многочисленных и бесполезных бунтов ум его окажется протухшим. Вы теперь наглядно видите, что самый великий гений нуждается в разуме всего мира, чтобы реализовать грандиозные возможности, которые в нем есть». — М.А. Бакунин, «Международное тайное общество освобождения человечества».

В современном обществе часто превозносится идея принципиального отсутствия возможности свободы в обществе, обосновывая тезис зависимостью каждого члена общества от государства и других людей (товаров и услуг, ими производимых). Этот, казалось бы, неразрешимый парадокс Бакунин разрубает с решимостью Александра Македонского, которому подсунули некондиционную упряжь:

«Наконец, свобода является истинной и полной только в целостной взаимосвязи каждого и всех. Нет изолированной свободы, она по своей природе взаимна и социальна. Для того, чтобы я был свободен, необходимо, чтобы мое право и моя человеческая сущность были признаны, чтобы их образ, если можно так выразиться, был отражением как в зеркале свободного сознания всех других. Я могу быть действительно свободным только среди

¹ Следует заметить, что анархизм отличался характерной особенностью смешения как здравых, так и весьма сомнительных идей. Однако, труды Бакунина — это отнюдь не поиски единственной жемчужины в куче навоза; жемчуга у него очень и очень много... а весь навоз идеалистический, и поэтому не особо портит атмосферу.

² Этот тезис Бакунина ошибочен: мыслить можно и образами, и вообще невербальными понятиями. У высокоразвитых сапиенсов (к которым мы скромно относим и себя) часто возникает противоположная проблема: вполне четкое и ясное понимание феномена сложно выразить словами, так как в языке нет таких понятий (поскольку разговорный язык создается народными массами, которые такими феноменами просто не интересуются и не в состоянии понять их; любые специалисты всегда используют множество терминов, незнакомых плебсу). Обратите внимание, насколько часто в философских трудах попадаются выделения курсивом, слова и фразы на латыни и т.п. — это ведь не для того, чтобы поиздеваться над читателем, а именно для расстановки акцентов и нюансов смысла, *eo ipso* помогая тем, кто потенциально в состоянии *понять* написанное.

³ По контексту — *потенциально* обладающим.

людей таких же свободных, как и я¹. Утверждение моего права за счет права раба или даже человека менее свободного, чем я, может и должно внушить мне сознание моей привилегии, а не сознание свободы². Но ничто так не противоречит свободе, как привилегия. И поскольку моя свобода, чтобы быть полной и действительной, должна отражаться в свободе всех, наличие хотя бы одного человека менее свободного, чем я, стесняет, уродует, ограничивает и отрицает мою свободу. Всякое посягательство на свободу отдельного индивида, а тем более нации, есть покушение на мое право и мое человеческое естество». — *ibid.*

Однако, несмотря на четкое и логическое изложение вполне здравых идей, у Бакунина происходит фетишизация пустого понятия. Все «священные» понятия, такие, как «свобода», «равенство» и т.д. не имеют номинального значения, но всегда сопряжены с издержками, т.е. за эту иллюзию приходится расплачиваться³. Можно говорить лишь о субъективном ощущении (даже не субъективном понятии) свободы, возникающем, когда собственная воля вписывается в возможности. И уже сама озабоченность свободой раскрывает отсутствие этого субъективного ощущения.

С одной стороны, *абсолютной* свободы нет вообще. Все феномены окружающего мира в той или иной мере ограничивают возможности реализации воли: пространство, время, законы природы, действия других субъектов.

Про свободу от действия физических законов мира заикаются редко (только идиоты да мистики, но и последние такое говорят, приспособившись к настроению и умственному развитию аудитории).

Но и в социальной области не легче. Как писал по этому поводу Д.Т. Судзуки: «Я живу социальной жизнью в группе, ограничивающей мою физическую и духовную свободу. Я не свободен даже в одиночестве, ведь многие импульсы и порывы собственного "я" мне неподконтрольны. Пока мы находимся в этом ограниченном жизненном мирке, бессмысленно говорить о свободе или волеизъявлении. Даже наши желания, по сути, нам не принадлежат».

И ещё: «Свобода — понятие субъективное, не имеющее объективного истолкования. Любая такая попытка ведет к противоречиям. Поэтому я и утверждаю, что рассуждать о свободе в рамках объективного мира ограничений по меньшей мере абсурдно».

С другой стороны, *можно* говорить, что свобода *абсолютна*. Закон мира таков, что любой может поступать так, как ему заблагорассудится или, по крайней мере, попытаться... Но у любого действующего лица ограничены возможности. Это объективные ограничения. Т.е. получается не «что хочу, то и делаю», а «что могу, то и делаю, если хочу». И такой свободы никто никогда не может лишиться (а вот человек сам себя — запросто). Для иллюстрации этого прекрасно подходит классический чаньский диалог:

«— Пожалуйста, укажи мне путь освобождения!

— Кто же и когда тебя поработил?».

У каждого действия есть последствия. И другие могут поступить с чем угодно так, как захотят, в том числе и с нами. И они наверняка этим воспользуются, если наши действия служат для них раздражителем. Кто разумен, тот это учитывает. Опять приходим к тому, что свободы все-таки нет. Т.е. есть, но в определенных рамках: «свободен как муха в чемодане».

¹ Именно этот тезис обосновывает наличие сайтов авторов в интернете и написание ими книг и статей: чем большую свободу и независимость обретают другие, тем более свободными становимся мы сами. И наоборот...

² Этот тезис наглядно иллюстрирует то, что *стремящимся к свободе не нужна власть*, если обладание таковой не является в обществе необходимым условием хоть какой-то степени свободы.

³ Эти понятия даже не метафизичны, как «человек», «жизнь», «бытие» и т.п., а именно *иллюзорны*.

Что же имеют в виду, когда говорят о свободе, её достижении, борьбе за неё? Существуют объективные и субъективные препятствия для реализации некоторых наших желаний.

Когда неустранимость этих препятствий осознается, это обычно приводит к отказу от желаний, мол, не очень-то и хотелось, «виноград зелен». Либо желания переносятся в область фантазий: хочется жить клёво и вечно? Именно этим и занимаются в раю!

Ну а когда препятствие выглядит устранимым, это провоцирует усилие к его устранению ради реализации того желания, которому оно препятствует. А для большей благовидности проведем эту операцию под знаменем борьбы за свободу — широко признанного фетиша.

Желания бывает разного рода — обладать что-то вещественным или иметь ту или иную возможность. Понятие «свобода», как правило, связывается с последними, но не строго. А вот понятие «равенство» прекрасно подходит и к тем и к другим. Поскольку желание — дело личное, то свобода — вещь субъективная.

Бывает, что свободу и ее отсутствие распространяют на феномены собственной психики субъекта: раб страстей, раб совести, невольник чести. Только последние два вида рабства приветствуются моралью, а соответствующие выражения служат, скорее, метафорами. А первое осуждается. Т.е. страсти воспринимаются препятствием на пути к какой-то цели — служению богу, например. В зависимости от того, какая цель, те или иные факторы воспринимаются, как оковы.

У каждого субъекта собственные рамки, в которых он ощущает себя свободным. Имеет значение, конечно, объем «свободного пространства», но даже при одинаковом объеме по-разному ориентированные субъекты воспринимают в качестве стесняющих разные факторы.

Понятие «свобода» применимо только в приложении к конкретным факторам. Например, когда говорится, что сатанизм — это свобода, подразумевается нечто более конкретное. А именно, что предрассудки морали, религии, клише официальной науки, интересы определенных категорий существ и т.д. не являются для сатанистов препятствиями при реализации потребности в развитии, творчестве, познании. Такие уж цели наиболее привлекательны. А у кого-то цели другие и разум воспринимается как препятствие на пути к «просветлению». И, соответственно, идущий по такому пути стремиться освободиться от разума, «опустошить» его, — и воспринимать мир «непосредственно», по наитию.

Применять же «свободу» в абсолютном смысле — это популизм и одна из методик манипуляции субъектами. Т.е. оно как раз тоже *подчиняет* этих субъектов *чужой воле*.

Вернемся к философу-анархисту.

Идеи Бакунина намного опередили свое время: за них, не говоря о ссылке, его два раза приговаривали к смертной казни. Приведем ещё одну длинную цитату из той же работы, которая, хотя и относится не к философии, а к социологии, наглядно демонстрирует то, что вызывало возмущение у царской охранки и что вызывает однозначную реакцию гуманистов современности, если высказывается кем-либо сейчас...

«Итак, речь идет о серьёзном равенстве в ином смысле, равенстве, основанном на чистой справедливости, которое требует такого политического и социального устройства общества, в котором самая широкая свобода предоставляется на деле и по праву всем и в котором каждый человек при своем появлении на свет мог бы найти равную возможность для своего развития и использовать все разнообразие качеств, способностей и сил, которыми его наделила природа. Это значит, что если я человек от природы глупый, но у меня богатые и привилегированные родители, то для того, чтобы я развил свой жалкий разум и начал собственную деятельность, я не должен

получить в социальном мире, в котором мы живем, ни средств, ни исходной точки выше той, которую имеете вы, одаренные большим разумом, чем я, но имеющие несчастных родителей, неграмотных и бедных. Справедливость требует, чтобы каждый был сыном своих дел; дети не должны наследовать от своих родителей ни в хорошем, ни в плохом, ни различия позора, ни различия богатства, ни различия бедности. Все нуждаются в одинаковом попечении в детстве и юношеском возрасте, в одинаковых средствах для своего воспитания и в равном образовании до совершеннолетия, до тех пор, пока каждый не начнет самостоятельно свою деятельность и не будет отвечать сам за себя; нужно, чтобы каждый или пользовался собственной энергией, своим умом, своим мужеством, или расплачивался за свои ошибки, — только тогда установится чистая справедливость...

*Человеческое общество*¹, которое при своем зарождении являлось естественным фактом, предшествовавшим свободе и пробуждению человеческой мысли, и позднее стало религиозным фактом, организованным по принципу божественного и человеческого авторитета, должно сегодня получить новый образ на основе свободы, которая отныне должна стать единственным образующим принципом его политической и экономической организации. *Порядок в обществе должен быть равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития*».

Читая эти строки, невольно ловишь себя на мысли, что Бакунин либо значительно опередил свое время, поторопившись родиться, либо был неисправимым романтиком, поскольку предоставление требуемого им народу *as is* в целом приведет к анархии не в его понимании, а в худшем смысле этого слова — неуправляемому буйству².

«Слишком большая свобода опасна для тех, кто не может справиться с ответственностью, сопровождающей независимость». — А.Ш. ЛаВей

Однако наш обзор философии XIX века не был бы полным, если бы мы не коснулись концепции сверхчеловека, которую понимают обычно крайне неадекватно, основываясь на чем угодно, кроме как на прочтении оригинальных текстов.

Сверхчеловек

Н-да, а кто-нибудь замечал, что точку отсчета в любой системе координат украшает этакий жирный наглый ноль?

С. Тиунов

Термин «сверхчеловек» был введен в употребление Фридрихом Ницше. Как нетрудно догадаться, понимание его значения «в общепринятом смысле» заставляет желать лучшего. Для иллюстрации, прежде чем мы перейдем к Ницше непосредственно,

¹ В лексике данной работы — чел-овеческое.

² Коротко: «Если бога нет — все позволено». Хотя логическая цепочка, которая делает из этого вывод «надо убивать, грабить и насиловать», верующими, продвигающими тезис о необходимости морали, тщательно скрывается. По крайней мере, авторы книги ни одного такого обоснования, пригодного для *разумного* существа, не видели. Все сводилось к «раз не запрещено, значит, так все (в лучшем случае — большинство) и будут поступать!». Термины «проекция» и «генерализация» отвечающие таким образом обычно слышат в первый раз.

проиллюстрируем стандартное чел-овеческое понимание проблемы сверхчеловека на примере Бхагавана Шри Раджниша (Ошо), используя мысли из его беседы №16¹.

Начало беседы вполне адекватно:

«Сверхчеловек — это неразрывная связь с понятием о старом человеке. Новый человек — это разрыв связи с понятием старого человека. Сверхчеловек — это тот, кто превосходит других, выше других, но все равно он принадлежит к миру старого человека. Он лучше, сильнее, могущественнее, разумнее; но разница состоит лишь в степени превосходства, больше или меньше».

Именно эта сентенция отражает недостаток концепции сверхчеловека — это хотя и сверх-, но, тем не менее, — *человек*. То есть — сверхчеловек всенепременно обладает чел-овеческими свойствами; между тем как мы стоим на позиции отхода от человеческого именно по причине всенепременного содержания в нем чел-овеческого. Этого и не понимают люди (чел-овеки).

Вернёмся же к Раджнишу, который демонстрирует все чел-овеческое понимание проблемы отхода от чел-овеческого:

«Я — не интеллектуал, не мыслитель. Я вижу вещи. Я — провидец. В моих глазах сверхчеловек и новый человек — полная противоположность друг другу».

Весьма характерен отказ от интеллекта и скромное провозглашение себя провидцем, а также извечное стремление представителей чел-овечества построить все миропонимание на дихотомиях (со всенепременным бросанием себя в одну из крайностей). Отойти от чел-овеческого можно многими способами, но они *различны*, а не противоположны друг другу; противоположна может быть только пара понятий, а не *множество*.

«Сверхчеловек» — это *количественная* характеристика — расширение ранжировки одного и того же человеческого ряда далее: после "очень", например, вводится еще и ранг «сверх», но в пределах одного и того же качества — чел(-?)овеческого качества. Основные признаки, типизирующие человека, изменяются только количественно, но прекрасно себе присутствуют и у человека с приставкой «сверх». Примерно так: «то же самое быдло, но сверхсильное», или «те же заморочки с моралью, но не рефлексировать очень долго»².

Далее у Ошо, как ни странно на первый взгляд, идут стандартные наезды в стиле «Что делал Адольф Гитлер? Он был восхищен идеей сверхчеловека. Эту идею он взял у Фридриха Ницше». Но, что характерно, этим охаивание идеи не заканчивается; а что еще более характерно — процесс дискредитации идет не развенчиванием идеи самой по себе, а облыжными обвинениями Ницше во всем, что только взбрдет в голову: в безнадежной влюбленности в жену Вагнера³; «Ницше никогда больше не пытался сблизиться с

¹ «Библия Раджниша», том 3, книга 2, глава «Сверхчеловек: фантазия для неполноценных». Ошо был выбран в качестве иллюстрации потому, что он специально затронул эту тему, а, кроме того, высказывал в своих трудах много вполне разумных мыслей — таким образом, мы приводим точку зрения на категорию сверхчеловека отнюдь не какого-то дегенерата, а очень умного, развитого и образованного человека; но — *человека*, и не более того. Мнение же множества обывателей "нацизм основан на нищезанстве" и т.п. рассматривать мы считаем крайне неуместным — это обозначает полное неуважение к интеллекту и образованию читателя.

² Просто наблюдение: в психологических тестах ответ «я рефлексировать незначительное время» считается признаком здоровой психики, а «я вообще не рефлексировать» засчитывается как незачёт по шкале валидности.

³ Причем, с какими живыми диалогами! Можно подумать, что Ошо стоял рядом: «Вы, должно быть, глупец!»; «Неужели вы полагаете, что я могу даже думать о вас?» и т.п.

женщиной»¹; в том, что тот очень хотел служить в армии, но никогда там не был²; «Ницше не был музыкантом»³ и т.п.⁴

Затем Ошо переходит к Гитлеру, который, по его мнению, также считал себя «сверхчеловеком», стиль «разоблачения» ничуть не меняется: «Интеллект у него вообще отсутствовал; он был полным идиотом. ... Он был трусом... Как только начинался бой, он сказывался больным». Разумеется, доказательств всему этому не приводится никаких⁵.

Третьей мишенью был выбран Шри Ауробиндо, который также уделял большое внимание идее сверхчеловеческого развития. По нему Ошо проехался особо ехидно, тыкая пальцем в то, что тот претендовал на физическое бессмертие, а после его смерти ученики всё еще ждут его воскрешения⁶.

Ссылаясь на выдуманные им же «факты» и априорно-негативное отношение к упомянутым лицам, Ошо делает вывод: «Идея сверхчеловека в основном кроется в чувстве неполноценности, в чувстве страха, в ощущении приближающейся смерти».

Логическую цепочку, которая привела Раджниша к такому странному выводу, он ненавязчиво опустил. Но она легко восстанавливается, если прочесть главу до конца:

«Новый человек — это очень обычный человек: ничего особого, никакого превосходства... Это так удовлетворяет — просто быть обычным человеком. ... Вы должны стать абсолютно простыми, обычными, без исключительных особенностей. ... Новый человек будет просто человеком. И я повторяю снова: я не принимаю ничего более высокого, чем человек. Я говорю об обычном простом человеке. Не существует ничего выше этого. Идея подняться выше этого вытекает из неполноценности».

Сравнивая эту главу с последующими («Священные писания — бред собачий», «Добрый пастырь — лучший друг палача», «Даже в аду нет неистовства, подобного христианскому презрению» и т.д.), поражаешься, насколько они отличаются от процитированной — тезисы аргументируются, кликушества не заметно... Логично предположить, что понятие сверхчеловека бьет по самому больному месту *человека*: если

¹ Хорошо же поставлена хроноразведка у Раджниша! Провидец же, как-никак :-)

² Читайте биографии, а не вымыслы. Даже после того, как Ницше освободили от военной службы из-за травмы при падении с лошади в марте 1868 (Фридрих был канониром 21-го конного подразделения полевой артиллерии), он еще раз пошел на фронт добровольцем во время франко-прусской войны 1870.

³ Список музыки Ницше, выложенной на сайте www.nietzsche.ru в mp3 с обещаниями дополнить до полного собрания: «Mein Platz vor der Tur», «Aus der Jugendzeit», «Da geht ein Bach», «Das zerbrochene Ringlein», «Wie sich Rebenranken schwingen», «Beschworung», «Nachklang einer Sylvesternacht», «Nachspiel», «Standchen», «Unendlich», «Verwelkt», «Ungewitter», «Gern und gerner», «Das Kind an die erloschene Kerze», «Es winkt und neigt sich», «Junge Fischerin», «Gebet an das Leben», «Manfred-Meditation».

⁴ Кстати, это все мелочи по сравнению с «критикой» Ницше М. Нордау в его «Вырождении»: «Если читать произведения Ницше..., то с первой до последней страницы получается впечатление, как будто слушаешь буйнопомешанного, изрыгающего оглушительный поток слов... Если этот бесконечный поток слов имеет какой-либо смысл, то в нем можно разве различить ряд повторяющихся галлюцинаций, вызываемых обманом чувств и болезненными органическими процессами. ... Но сначала нужно ознакомиться с манерой Ницше. Психиатр не найдет в ней ничего нового. Ему часто приходится читать подобные произведения, правда, по большей части не появляющиеся в печати, но он читает их не для своего удовольствия, а для того, чтобы поместить автора в больницу для умалишенных». — и в таком духе приблизительно тридцать страниц текста, сопровождаемых примерами якобы противоречий, высканных у Ницше, ясно показывающих, что Нордау *даже и не пытался понять* столь яростно критикуемого им философа.

⁵ И ещё раз: читайте биографии, а не вымыслы. Сначала в декабре 1914 г. Гитлер был награжден Железным Крестом 2-го класса, а затем, 4 августа 1918 г., — 1-го класса, за взятие в плен вражеского офицера с 15-ю солдатами.

⁶ Мы не приводим конкретных мыслей Ошо на тему Ауробиндо по причине того, что Ницше и Гитлера Раджниш обвинил не только предвзято, но и облыжно: любой, интересовавшийся их биографиями, найдет кучу откровенной лжи. Весьма возможно, что написанное про Ауробиндо тоже не отличается достоверностью. [Я читал, конечно, не все, что написал он и написано о нем, но претензий на личное бессмертие в физическом смысле не встречал. — Olegern].

человек достаточно развит, то он понимает, что ему никогда не подняться до уровня сверхчеловека. Стандартный вариант психологической защиты в этом случае — игнорирование «да нет и не может быть никаких сверхлюдей» с одновременной рационализацией «а нас и здесь неплохо кормят», в смысле — человеком быть хорошо! И прогрессировать не надо, забот меньше...

Разумеется, тех, кто развенчивает это самолюбование, ненавидят.

Кроме того, в психологии/психоанализе уже давно стало «общим местом» положение о том, что любой субъект, высказывающий глобализацию идей, «видит в целях себя» © В. Райх. Поэтому вышеприведенные фразы можно прочесть так: «И я повторяю снова: я не принимаю ничего более высокого, чем "я, любимый". Я говорю об обычном простом себе. Не существует ничего выше меня».

Но давайте будем последовательны в применении метода проекций. Далее там идет такое предложение:

«Идея подняться выше этого вытекает из моей неполноценности».

«495. Возмущающие в индивидуальном образе жизни. Все крайне индивидуальные мероприятия жизни возбуждают людей против того, кто к ним прибегает; они чувствуют, что необычайный образ жизни, которым пользуется для своего блага такой человек, унижает их, как обыденных существ». — Ф. Ницше, «Человеческое, слишком человеческое».

Психологический механизм провозглашения отсутствия необходимости дальнейшего развития наглядно иллюстрируется в необихевиоризме Б.Ф. Скиннера. Предоставим слово Э. Фромму, «Анатомия человеческой деструктивности»:

«Скиннер считает, что человек формируется под влиянием социума и что в "природе" человека нет ничего, что могло бы решительно помешать становлению мирного и справедливого общественного строя. ... Он апеллирует ко всем тем, кто верит, что такие возделенные социальные цели, как мир и равенство, являются не просто утопией, а что их можно воплотить в жизнь. ... В век кибернетики индивид все чаще становится объектом манипулирования. Его труд, потребление и свободное время — все находится под воздействием рекламы, идеологии и всего того, что Скиннер называет положительным стимулированием. Личность теряет свою активную ответственную роль в социальном процессе; человек становится совершенно конформным существом и привыкает к тому, что любое поведение, поступок, мысль и даже чувство, отклоняющиеся от стандарта, будет иметь для него отрицательные последствия; он результативен лишь в том, *что от него ожидают*. Если же он будет настаивать на своей уникальности, то в полицейском государстве он рискует потерять не только свободу, но и жизнь; в некоторых демократических странах он рискует своей карьерой, иногда — потерей работы, а важнее всего — он рискует оказаться в изоляции. Хотя большинство людей не осознают своего внутреннего дискомфорта, они все же испытывают неопределенное чувство страха перед жизнью, они боятся будущего, одиночества, тоски и бессмысленности своего существования. Они чувствуют, что их собственные идеалы не находят опоры в социальной реальности. Какое же огромное облегчение они должны испытать, узнав, что приспособление — это самая лучшая, самая прогрессивная и действенная форма жизни!».

Вот к этому и сводятся все протесты человека против сверхчеловека — к стремлению чувствовать себя сухо и комфортно в той грязной луже, где сейчас находится человечество, покрываясь болячками от несоблюдения гигиены, научившись получать удовольствие от этих болячек и даже находя в этих самых болячках смысл жизни. А как еще аллегорически представить себе гуманистические устремления разводить даунов,

имбецилов и т.п., как не стремление организма тщательно ухаживать за больными раковыми клетками? Здоровые, мол, и так обойдутся...

А вылезти из грязи на чистое и сухое место, содрать с себя заплесневевшие памперсы морали многовековой давности, отмыть с себя все наносное, сделать операцию по иссечению безнадежно больных кусков плоти — пусть больно, но зато инфекция не будет распространяться дальше! — это же надо *напрячься и что-то делать*...

А кроме того — это обозначает, что придется признать: до момента выхода из лужи человечество жило неправильно¹, и начать *думать*, а не жить по инерции... А это непривычно. Да и нет такой потребности.

Гораздо проще обливаться дезодорантами, чтобы не чувствовать своей вони; ввести моду на самые старые памперсы, чтобы чем они старше, тем солиднее выглядел их носитель; гордиться своими паразитами: «если бы тело было больное, то и само бы померло, а оно вон какое здоровое — и само живет, и солитеры, аскариды, вши и блохи на нем кормятся!»...

Любое действие должно быть достаточно мотивировано. А какие могут быть у нормального (среднестатистического) человека мотивы, побуждающие его отбросить мораль, например? Нереализованный мотив вызывает неудовлетворенность, но человечество очень даже удовлетворено своим положением «венца природы», о чем однозначно провозглашает в различных Декларациях и Манифестах. Попутно — это еще один показатель того, что те, кто не удовлетворен существующими человеческими признаками, имеют нереализованный мотив — мотив к развитию, изменению. И такие особи — уже не часть людского стада, зажавшегося и удовлетворенного...

Однако вернёмся к нашей теме.

Писать здесь о концепции сверхчеловека по Ницше глупо по двум причинам: во-первых, надо читать не «о Ницше», а самого Ницше; во-вторых, мы не хотим оскорблять читателя, косвенно выдвигая предположение, что он не читал великого философа.

Собственно говоря, в идее сверхчеловека есть лишь один, но очень существенный изъян: хотя и «сверх-«, но все равно — *человек*. Всё равно в нем остаются чел-овеческие черты, хотя, разумеется, они проявляются иначе; главным является то, что их набор *остается прежним*. Характерное наблюдение: все призывы Заратустры сводятся к работе на будущее *всего человечества*. Да, «человек — это то, что должно преодолеть»; но при этом преодоление происходит *во имя будущих поколений*.

Приоритет заботы о сохранении собственного биологического вида над личным самосохранением и развитием — это как раз чел-овеческое (более того — имеющее истинно *животные* корни, следствие видовой борьбы за существование. Но с появлением Разума становится актуальной совершенно другая борьба — борьба за сохранение Разума. Конкретного Разума, т.к. понятие «видовой разум» бессмысленно. Разум всегда индивидуален, конкретен и уникален), поскольку разумным поступком принести себя в жертву ради того, что сам никогда не увидишь, назвать нельзя².

Вот это принципиальное отличие мы решили осветить не в виде перечисления цитат Ницше с указаниями «вот тут и тут нам не нравится», это было бы слишком неизящно; на

¹ Самые ошибочные умозаключения людей суть следующее: вещь существует, следовательно, она имеет право на это. — Ф.Ницше

² Примечание: есть отдельные исключения, когда разумное существо может приносить себя в жертву, но делается это исключительно *ради себя*. К примеру, при нападении на страну целесообразно сражаться, хотя есть риск быть убитым, поскольку приспособливаться под оккупантов — значит потерять свое «Я», а сохранение физической оболочки ничего не значит по сравнению со смертью *личности* как таковой. Так что в аналогичных случаях *целесообразно, разумно и логично* поступать по древней пословице — *Caesarem decet stantem mori*.

столь высокохудожественное произведение, каким является «Так говорил Заратустра», и отвечать надо в соответствующей форме.

Монолог к Заратустре

Умеренность провозгласили добродетелью для того, чтобы обуздать честолюбие великих людей и утешить людей незначительных, обладающих лишь скромным достоянием и скромными достоинствами.

Ф. де Ларошфуко

Почему изменилось сердце твое, Заратустра? Зачем ты захотел освещать путь другим?

Ты говоришь Солнцу: «Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь! В течение десяти лет подымалось ты к моей пещере: ты пресытилось бы своим светом и этой дорогою, если б не было меня, моего орла и моей змеи».

Но разве не восходило Солнце миллиарды лет до этих десяти? Откуда у тебя такое сомнение, Заратустра? Не слишком ли много человеческого¹ осталось в тебе? Откуда у тебя возникли такие желания, мудрец? Тебе даже стали нужны руки, которые простирали бы к тебе поклоняющиеся; почему не собеседников, равных тебе, ищешь, но несешь свое знание всем людям, которые не способны его воспринять? Зачем, Заратустра, ты опять хочешь стать пустой чашей; стать *человеком*?

Что ты хочешь от спящих, Заратустра? От спящих, которые не хотят просыпаться и готовы убить каждого, кто хотя бы намекнет на то, что вся их жизнь — всего лишь сон? Ведь для того, чтобы проснуться — нужно *усилие*!

Да, ты прав, Заратустра — *бог мертв*. Но жива еще *вера*! Вера не только в бога; вера — это паутина, *связывающая умы*; это сеть оков, связывающая члены, которые предназначены быть свободными; и в эти оковы люди заковывают своих детей с самого рождения. Пока вера не последует в небытие вслед за богом, тщетна проповедь твоя, Заратустра!

Зачем ты хочешь влить в море сверхчеловека грязный поток человечества, Заратустра? Зря ты надеешься, что море от этого не станет нечистым; не видимая грязь, а незримая инфекция *веры* — болезнь человечества; и этот яд стремительно распространяется, оставаясь невидимым для носителя либо даже заставляя гордиться своим заражением как знаком отличия; и редко кто может сопротивляться этому яду.

Зачем ты хочешь заразить этим ядом сверхчеловека, Заратустра?

Почему ты говоришь, что любишь лишь тех, кто хочет своей гибели; кто живет для того, чтобы *потом* жил сверхчеловек? Разве не более достойно — *пытаться стать* сверхчеловеком? Даже если ищущий погибнет в этой битве с самим собою — он все равно послужит мостом к сверхчеловеку; но он умрет с мечом в руке, а не смиренно замурует себя в кладке моста.

Из какого материала лучше получится мост, Заратустра — из закаленной стали или мягкой бесформенной глины?

---

¹ Для сохранения художественности стиля в этой главе применяется написание «человечество», хотя по смыслу должно быть «чел-овечество».

Да, пришел ты, чтобы сманить свободных из стада; но почему ты при этом так презираешь их, раз думаешь, что их надо *сманивать*, что они не в состоянии уйти из стада без твоей помощи? Почему ты думаешь, что они последуют за тобой, если захотят следовать за собой — откуда у тебя *вера* в то, что есть только один Путь, ведущий из стада? Ты слеп, Заратустра: в тебе все еще слишком много от человека!

Бесполезно сманивать людей из одного стада в другое; надо сорвать с них человеческую кожу — и вместе с ней отпадет паутина веры, которая крепится к ней. Лишь те, которые переживут соприкосновение обнаженной внутренней сущности со Вселенной, будут достойными попутчиками тебе, Заратустра; даже если ваши Пути пойдут в разные стороны.

Не любовь к дальнему, а любовь *к себе* — вот главная любовь, Заратустра; ибо как может любить других тот, кто не любит сам себя? И не надо при этом приносить себя в жертву любви своей, как ты советуешь, Заратустра! Разве разумно целое приносить в жертву собственной части?

Ты мечтаешь о Ночи, Заратустра? Сетуешь на одиночество свое, ибо опоясан собственным светом? Так сорви с себя этот пояс; любуйся игрой света из Тьмы! Почему ты даже не хочешь попытаться добиться того, о чем мечтаешь, Заратустра? Не осталось ли в тебе слишком много человеческого?

И чем дольше живет человек в тебе — тем больше он становится *хозяином*. Если твой хозяин — *раб умершего бога*, то кто ты, Заратустра?

Ты хочешь видеть огненный столп на месте города; ты жаждешь *разрушить* скрижали, стать *созидающим*; но ты откладываешь это в далекое будущее, переминаясь с ноги на ногу в нерешительности, оправдываясь тем, что великий полдень еще не наступил. А когда он наступит, сумеешь ли ты поджечь *все* города, Заратустра? Не разрастутся ли они к тому времени настолько, что *не останется места огню*? "Где нельзя уже любить, там нужно — пройти мимо!", — говоришь ты. Но нельзя оставлять врага за спиной — и если нельзя уже любить, разожги костер всепоглощающего огня! — и это *всегда* будет ко времени.

Ты презираешь добрых, Заратустра? Так почему же ты так *добр* по отношению к себе, что еще не убил в себе *человека*?

Почему ты говоришь, что своими детьми надо искупать грехи отцов; что надо любить страну детей наших? Зачем относить к себе понятие греха? Даже тогда, когда бог еще был жив, человек взваливал на себя грех *добровольно*; зачем же делать это тогда, когда *бог умер*?

Как можно воспитывать детей, когда еще родители не воспитали *себя*?

«Что падает, нужно ещё толкнуть», — говоришь ты; но зачем при этом давать падающим размножиться? Их лавина при своем падении просто сметет молодые ростки сверхчеловека; все скатится вниз, и нечему будет возрождаться.

Много мудрости ты высказал, Заратустра, — но не смог прежде изжить всё человеческое в себе; не только сострадание к высшему человеку оставалось в тебе, Заратустра — сострадание *ко всему* человечеству спряталось под ним, испуская сладостный яд; *вера* осталась в тебе, Заратустра! Воистину, от избытка мудрости ты сам стал слепым ослом, Заратустра!

Не строй мосты другим, пророк, а воздвигни мост для себя и своих попутчиков! Вырви же из себя человеческое сердце и выбрось его туда же, где смердит труп дракона «я должен»! Сдери с себя заживо человеческую кожу — путь она останется висеть на липкой паутине веры, как опустевший кокон; умри — и родись заново, Заратустра!

Та της πολεως

Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»

Здесь не может быть не только рецептов, но даже и советов. Необходимо¹ отойти в сторону от человеческого — но в какую именно, каждый должен решать для себя сам. Необходимо убить человека в себе — но как именно, каждый должен решать для себя сам. Необходимо стать собой, перестав быть представителем чел-овечества — но...

.....
.....
... как именно, каждый должен решать для себя сам.

Мы позволим себе лишь привести один мудрый совет, пришедший из древности; но как вы его поймете — должны решать только вы сами.

«Если вы хотите обрести взгляд, соответствующий дхарме, то не поддавайтесь заблуждениям других. С чем бы вы ни столкнулись внутри или снаружи — убивайте это. Встретите будду — убивайте будду², встретите патриарха — убивайте патриарха, встретите архата — убивайте архата, встретите родителей — убивайте родителей, встретите родственников — убивайте родственников. Только тогда вы обретете освобождение от уз.

Если не дадите вещам связать себя, то пройдете насквозь, освободитесь от уз и обретете независимость.

В числе приходящих со всех десяти сторон обучаться постижению Дао еще не было такого, который бы пришел ко мне не зависимым от вещей. Но я здесь с самого начала бью его. Если [эта зависимость] исходит от рук, бью по рукам, если она исходит изо рта, бью по губам, если из глаз, бью по глазам.

Но еще не было ни одного, который бы пришел ко мне сам по себе освобожденный от уз. Все карабкаются вслед за бессмысленными выдумками людей древности».

Линь Цзи-Лу, «Записи бесед»

Убей человека, как только его встретишь — а себя ты встретишь первым!

¹ С нашей точки зрения; для того, чтобы стать расой сапиенсов. Для того, чтобы продолжать влачить чел-овеческое существование, ничего этого, разумеется, не требуется.

² Китайцы особенно остро чувствовали заключенную в этой притче хулу, ибо она направлена против этических основ конфуцианской сыновней почтительности. Позднее, в XII в. в связи с приведенной формулой говорили, что если бы Линь-цзи не был чаньским наставником, он мог бы стать главой банды.

Евгеника

Человек — мера всего, до чего же удобно! Раз меряют великаном, раз карликом.

— С.Е. Лец

«Медицинская генетика — трансформировавшаяся евгеника, точнее, евгеника, вынужденная трансформироваться в медицинскую генетику под давлением неблагоприятных социально-политических обстоятельств». — Adams M.B., *Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia: Prophets, Patrons, and the Dialectics of Discipline Building*; Indiana University Press, 1990¹.

Понятие «евгеника» ввел в 1883 г. пионер математической статистики Фрэнсис Гальтон² (1822–1911), применив идею отбора своего кузена Дарвина к человеку.

Независимо от Гальтона в России врач В.М. Флоринский пришел к той же идее — человечество должно улучшать свою «породу», постепенно становиться более разумным, талантливым и т.д. В 1866 году Флоринский опубликовал труд «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», в котором обосновал свое мнение.

Еще одним выражением дарвинизма в применении к социуму были идеи Герберта Спенсера (1820–1903), английского философа, ученого, друга и коллеги Ч. Дарвина. Спенсер в своем социальном дарвинизме исходил из тех же системных и буржуазных предпосылок, что и Мальтус или Адам Смит, но видел общество не как совокупность индивидов (жрущих и форнирующих³ у Мальтуса или покупающих и производящих у Адама Смита), а как цельный организм, в котором каждая группа несет какую-то необходимую функцию. Большая часть современной евгенической фразеологии изобретена Спенсером. Так, Спенсер первый написал о «выживании сильнейших» (survival of the fittest⁴) и об Универсальном Законе природы — существо, недостаточно энергичное для продолжения своего существования, должно умереть (the universal law of Nature — a law that a creature not energetic enough to maintain itself must die).

¹ Примечание: В российских библиотеках национального значения — Библиотеке РАН и Российской национальной библиотеке — указанной книги *нет* (данные на лето 2001).

² Аристократ по происхождению, Гальтон занялся изучением родословных прославленных аристократических семейств Англии. Его задача была ничуть не проще поисков философского камня — он пытался установить закономерности наследования таланта, интеллектуальной одаренности и физического совершенства. Гальтон считал, что если для получения новой породы необходим отбор лучших животных-производителей, то тех же результатов можно добиться и целенаправленным подбором семейных пар. Лучшие должны выбирать лучших, чтобы в результате рождались здоровые, красивые, одаренные дети. Гальтон предлагал создавать особые условия для «размножения генов» выдающихся людей из аристократических семей. Таково было начало евгеники.

³ Устаревший термин, употребляемый самим Мальтусом в его работе. То же, что и «совокупляющихся». См. основную книгу Мальтуса — «Опыт о законе народонаселения и его воздействии на будущее улучшение общества с замечаниями о построениях гг. Годвина, Кондорсе и других писателей». Более короткое оригинальное название — «An Essay on the Principle of Population». Центральный тезис работы: люди размножаются настолько быстро, что экономика за ними угнаться не может, поэтому рост населения следует ограничивать, как превентивно (поздние браки и воздержание как до, так и после вступления в брак — preventive check), так и поствентивно (высокая смертность, связанная с болезнями, войнами или голодом — positive check). Мы считаем, что куда разумнее регулировать рождаемость, а не вводить воздержание. Но не следует забывать, что книга была написано задолго до появления современных средств контрацепции.

⁴ Обратите внимание: fittest, а не strongest. Т.е. Спенсер пишет вовсе не только об физической силе, как пытаются исказить факты многие противники евгеники.

Примечание 2014 г.: здесь и далее аргументацию следует понимать именно в биологическом плане, вопрос либерального «социал-дарвинизма» — отдельный.

В 1904 году в Лондонском University College была основана кафедра евгеники, вслед за ней была основана Галтоновская Лаборатория Национальной Евгеники (1907). В 1910 году аналогичное учреждение — Eugenics Record Office — было основано в США.

В 1915–1916 годах в 25-ти американских штатах были приняты законы о принудительной стерилизации психически больных, преступников, наркоманов. Подобные законы существовали и в странах Скандинавии, и в Эстонии¹. В начале XX века мировое сообщество вплотную подошло к необходимости решать проблему размножения неполноценных, причем подход к решению был на удивление здравым и научным.

Однако затем всеобщая либерализация середины XX века быстренько объявила фашизмом всякое покушение на «всеобщую равенность», с евгеникой начинают бороться по всему миру, искусственное вмешательство в человеческие генные структуры запрещают в большинстве стран. Но и после войны евгенические исследования продолжались в Мировой Федерации Душевного Здоровья (вице-председателем которой, кстати, был Карл Густав Юнг).

Самым слабым местом евгеники считаются критерии оценки. Но любое общество обязательно имеет такие критерии, пропагандирует их и старается им следовать. Даже современное либеральное общество, рассматривая субъекта как своеобразную «совокупность прав» (гораздо меньше говоря об обязанностях) и ввиду равенности этих прав декларируя «всеобщую равенность индивидов», на практике давно выработало свой идеал человеческой натуры — своеобразную смесь либеральных и фундаментально-протестантских черт, то, что известно под именем «американизм» и что пропагандируется «американским образом жизни».

Как это часто бывает, идеи и методы, соответствующие какому-либо понятию, можно встретить гораздо раньше его сознательного применения и введения в обиход соответствующего термина. Греческое слово *εὐ-γενής* имеет несколько вариантов перевода, но все они сводятся к оттенкам «благородное происхождение, хорошая порода» — в общем, превосходное генетическое качество.

Обывательское рассмотрение евгеники в качестве ненаучной доктрины и реакционного общественного движения вылилось в массу терминов и названий, которыми пытались подменить слово «евгеника» — от «расовой гигиены» (*Rassenhygiene*) в Германии, до «гигиены детей младенческого возраста» (*puericulture*) во Франции. В советской России в конце 20-х гг. А.С. Серебровский предложил термин «антропогенетика» для того, чтобы отделить «собственно науку антропогенетику» от её применения («евгеника»).

В развитии евгеники мы выделяем три этапа:

1. Эпоха неосознанного применения принципов евгеники в доисторические времена. Это было распространено повсеместно и дотянуло почти до наших дней у народов, которые не успели стать цивилизованными и набраться соответствующих предрассудков.

2. Попытки сознательного применения принципов евгеники. Тут прежде всего вспоминается Спарта, Рейх и ряд менее известных примеров.

3. Эпоха использования для целей евгеники достижений генной инженерии. Это — будущее.

Поговорим об каждой из этих эпох подробнее.

---

¹ Подробнее см. стр.75 и далее.

1 этап

У каждого из нас столько прав, сколько мы позволяем себе иметь.

К. Максимов

В евгенике, как и в собственно эволюции, существуют три фактора: *наследственность, изменчивость и отбор*.

На первом, доисторическом этапе развития евгеники руководящим фактором выступал отбор. Помимо того, что чел-овеческие сообщества¹ ещё находились под неослабным контролем естественного отбора, последний был ещё усилен отбором искусственным. Обычай искусственного отбора был выработан, в свою очередь, гregarным отбором. То есть те сообщества, где приживалась традиция отсеивать низкокачественных особей, получали заметные преимущества перед остальными. И в итоге такой порядок установился в чел-овечестве повсеместно, так как сообщества, которые его не переняли, оказались неконкурентоспособными и сгинули.

Искусственный отбор управлял наследственностью, так как передавали свой генотип потомкам лишь выжившие в его условиях индивидуумы.

Рассмотрим механизмы искусственного отбора в доисторическое время.

Начиналось всё с рождения ребенка. Появившись на свет, новый человек попадал далеко не в тепличные условия. Напротив, часто новорожденного специально совали, например, в снег или холодную воду, чтобы с самого начала отсеять самые слабые и нежизнеспособные экземпляры. В других случаях неполноценность плода определяли сами. Инфацид, т.е. убийство нежелательных детей, был широко распространен у разных народов даже на высоком уровне культуры — например, в древней Элладе.

Для инфацида существует две причины. Первая — неполноценность младенца. Вторая — прихоть родителя. Обе они существовали и в доисторическое время. И даже при наличии издержек по второй причине первая делала роду большую услугу. А издержки второй причины частично компенсировались тем, что выброшенный по прихоти ребенок (детей чаще всего не убивали, а просто выбрасывали), мог быть подобран кем-либо, желающим взять его себе. Конечно, так спасались не все. Особенно не везло в этом плане девочкам. Ну а недоноски и младенцы с явными патологиями, естественно, никем не подбирались (первобытный человек располагал здоровым прагматизмом, иначе он бы не выжил в тех условиях).

С этой стороны совершенно несостоятельным выглядит следующий аргумент противников негативной евгеники, заявляющей, что необходимо препятствовать появлению детей у людей с умственными и физическими недостатками, у алкоголиков, наркоманов, преступников etc. Этот аргумент касается естественного эксперимента Спарты — она, мол, не дала ни одного выдающегося мыслителя, художника, артиста (об этом будет подробнее далее в этой же главе), но прославилась сильными и отважными воинами. Но любой отбор имеет *конкретную* цель — было бы глупо заявлять, что в баскетбольную команду не взяли ни одного отличного шахматиста...

Совершенно иная ситуация в настоящем времени, так как развитие медицины и засилье гуманизма приводит к тому, что в живых остаются те, кто *не приспособлен к самостоятельному существованию*.

«Ее зовут Лена Басова, — пояснили врачи, — раньше такие малыши умирали после рождения, теперь научились их выхаживать. Но у неё будет не

¹ Речь идет, разумеется, уже об неоантропах, а не о самых первых предках современного человека, поскольку применение понятия «общество» к таковым было бы некорректно.

жизнь, а растительное существование». — «АиФ–Москва», №2, 2001 г., статья «Отказники».

Кроме того, многие дети не доживали до юности, так как существование требовало колоссальных усилий. Все эти факторы, за исключением несчастных случаев, выбивали прежде всего наиболее слабых.

Но всё это относится к естественному отбору, а не к искусственному. Время последнего приходило, как правило, с наступлением юности, в ходе возрастных инициаций.

Возрастные инициации представляют собой систему обрядов, знаменующих переход юноши из ранга подростка в ранг взрослого мужчины. Только человек, прошедший посвятельные обряды, считался полноправным членом коллектива, взрослым мужчиной. Не прошедшие их рассматривались как мальчики независимо от возраста (и, соответственно, теряли право на заключение брака и продолжение рода¹).

Цикл обрядов включал в себя, как правило, следующие основные моменты:

1. Длительную изоляцию от женщин и детей, сближение с мужчинами. При этом иницируемые освобождались от детских привычек, им прививали сдержанность в проявлении чувств, особо необходимым считалось скрывать волнение, страх, удивление... Скрытность производила впечатление (она же прививалась как профилактическое средство против магии²).

Изоляция может быть пассивной, когда иницируемый затворяется в специальном месте, где происходило обучение и посвящение и соблюдал определенные обеты. Но гораздо эффективнее была активная изоляция, когда иницируемый предоставлялся сам себе и должен был «партизанить», т.е. избегать контактов с соплеменниками (под угрозой «незачёта»), обеспечивать себя всем самостоятельно, а иногда от него в это время требовалось добыть военный трофей. У ряда воинственных народов, например у горных папуасов восточной Новой Гвинеи, юноша не имел права вступать в брак, если не убивал ни одного врага. В таком случае, все помыслы, вся, если угодно, творческая фантазия юноши направлялась на то, как изыскать способ убить врага, а самому остаться невредимым. Задача убить льва при помощи только копья в одиночку, как практиковалось у масаев (Кения), также представляется незаурядной задачей.

2. Тренировка и развитие качеств, необходимых охотникам и воинам, наиболее сложными навыками в охоте, владении и изготовлении оружия и орудий труда, изучение территории и т.п. В итоге иницируемый, чтобы утвердить свой статус, должен был проявить себя как охотник, воин и т.д. — иначе говоря, продемонстрировать социуму свою квалификацию в области качеств, необходимых в то время.

3. Воспитание и проверка выносливости и самообладание перед лицом тягот, боли, страха и эмоций в виде особых пищевых запретов и разнообразных физических испытаний, иногда доходящих до настоящих пыток. Тут встречается и лишение сна, пищи, бичевание, кровопускание, нанесение ран, которые иногда специально обрабатывались для того, чтобы шрамы остались на всю жизнь, вырывание или опиливание зубов, обрезание, укусы ядовитых насекомых, удушение дымом, подвешивание при помощи крючьев, вонзаемых в тело, испытание огнем и т.д. Некоторые такие испытания могли привести и к летальному исходу.

При испытании болью в разных обществах требовался различный уровень самообладания: в одних случаях разрешалось вопить и плакать, в других давали

---

¹ Разумеется, для продолжения рода не обязательно вступать в брак, но не прошедшие инициации не котировались среди женщин вообще. Так что вероятность передачи генов в случае «провала экзамена» минимальна.

² Независимо от того, существуют ли реально явления магического характера, жизнь людей в те времена была прочно связана с магическими обрядами и это нельзя не учитывать.

прикусить кляп, в третьих истязания нужно было встретить хладнокровно, не подавая вида, что требовало огромной выдержки и силы воли. Суровость обрядов инициации зависела от воинственности того или иного общества.

Часто включались и испытания, проверяющие самообладание перед лицом страха. Молодые воины могли служить мишенью для стрел, копий, ножей, томагавков. Метавшие это оружие старались, чтобы оно попадало как можно ближе к телу испытуемого, который при этом старался, как говорится, и бровью не повести.

Иногда смелость нужно было демонстрировать в комплекте с ловкостью. Это могло быть, к примеру, парирование оружия. То, есть, как и в предыдущем случае, испытуемый служил мишенью, только целились уже не рядом, а непосредственно в него, и он должен был уворачиваться или отражать оружие. Это мог быть и поединок, как с человеком, так и со зверем.

Другим вариантом был прыжок со скалы в воду через прибрежные камни, как в Акапулько, или в воду, где кружились акулы, как в Микронезии, или с вышки, привязавшись за ноги к лиане так, чтобы она остановила падение как можно ближе к земле, как на о. Танна (Меланезия).

Иногда проверялась способность контролировать инстинкты.

Во время инициации начинается посвящение в религиозные тайны. Неофиты узнают, что многое в их прежних представлениях об устройстве мира ложно и лишь теперь им открывается знания, возвышающие их над непосвященными. Обратите внимание, что даже древние понимали элитарность многих областей знания и недопустимость распространения его среди всего населения оптом. И даже не потому, что, условно говоря, жалко, а потому, что тот, кто *не способен* воспринять знание по своим личным качествам, неизбежно *исказит* его¹, что при условии массовости ущербного восприятия приведет к деградации знания как такового.

Дайте суеверному человеку науку — он и ее превратит в суеверие. —

Б. Шоу

Инициации колдунов были гораздо суровее обычных и содержали больше психологических нюансов. От них требовалось преодоление суеверного страха, проявление самообладания, спокойствия, уверенности.

Обычно инициация символизирует смерть и возрождение в новом качестве. Поэтому часто разыгрывается убийство или поглощение иницируемого неким чудовищем, после чего он «воскресает», получает новое имя, статус и т.д. При этом физическое тело, разумеется, остается прежним, но меняется *психика* посвящаемого, и его вполне можно считать *другим* индивидуумом.

Мы не будем подробно задерживаться на этой стороне инициаций, так как в рамках данной работы нас интересуют не сакральные, а социальные функции этих обрядов². Социальное же значение обрядов инициации было таково: они закаляли тело и волю, подавляли деструктивные эмоции, развивали чувство собственного превосходства (заслуженного!), *исключали из сообщества слабых и малодушных*.

Слабаки либо умирали в ходе этих обрядов, либо вели себя в ходе их неподобающим образом и проваливали сей экзамен. В последнем случае, как уже упоминалось, они считались бесперспективными детьми, несмотря на возраст — париями. Тот, кто не доказал своей зрелости и полноценности, не достоин ни уважения, ни привилегий взрослого человека, *в том числе и сексуальной жизни*. Таким образом, они не оставляли потомства. В свою очередь, успешность прохождения обрядов инициации часто давало преимущества в выборе сексуального партнера. А если вследствие особенностей

¹ Самый банальный пример: приписывание сатанистам *поклонения* Дьяволу, что никак не вписывается в архетип (см. нашу предыдущую книгу «Principes Omnium»).

² Интересующихся мы отсылаем к этнографической литературе, например, к книге известного исследователя в этой области Мирча Элиаде «Тайные общества. Обряды инициации и посвящения»..

инфацида ощущался дефицит женщин, то конкуренция среди молодежи мужского пола еще сильнее обострялась.

Таким образом, в подобных обычаях заложен механизм селекции людей. Такие традиции на определенном этапе развития общества распространялись повсеместно, на всех континентах, о чем свидетельствуют исторические и этнографические данные. С точки зрения социогенеза это свидетельствует о том, что те сообщества, в которых не выработался такой комплекс мер улучшения породы, оказались неспособны конкурировать и были уничтожены.

С началом земледелия места под Солнцем стало больше и борьба за него притупилась. Вследствие этого люди перестали обременяться суровыми обычаями своих предшественников. Полезное влияние инфацида и обрядов инициации с высокими требованиями на чел-овечью породу было для тех людей неочевидно. Принципы евгеники, заложенные в них, применялись неосознанно. Если раньше нарушение установившейся традиции незамедлительно каралось реалиями той эпохи, то теперь люди вдруг обнаружили, что «боги смилостивились». Не осознавая последствия, точнее — вообще не обременяя себя мыслями о них, чел-овечество пошло по пути наименьшего сопротивления. Снизился тонус, но это уже не было губительно. Если в мире охотников каждый должен был быть инициативным и сильным, то теперь это требовалось лишь от ограниченного круга лидеров, остальные были рады променять заботы и опасности на монотонный труд и сытость. Началась психическая и биологическая деградация чел-овечества.

Разумеется, в настоящее время обряд инициации в виде бичевания или выбивания зубов выглядит смешно. Однако, кто мешает ввести подобное испытание на интеллект? Или хотя бы на сумму знаний — скажем, для того, чтобы иметь полные права гражданина, надо получить высшее образование¹. Интересно, что подобный подход наблюдался и в древнем мире: скажем, обряд инициации у иудеев (бар-мицва²) подразумевал, что иницируемый (13-летний подросток) читал вслух Тору. Т.е. он был обязан уметь читать к этому возрасту. В результате иудеи были поголовно грамотными

Поначалу очаги земледельческой культуры находились в окружении «диких земель», где жизнь охотников и скотоводов отчасти еще текла по старым законам. Временами они устраивали нашествия на богатые ухоженные земли и, как правило, без труда поработали изнеженных представителей городской цивилизации. Но затем победители смешивались, ассимилировались в более богатой культуре, теряли свой тонус³. Такими примерами кишит история: амореи, хетты, дорийцы, этруски, арийцы, германцы, гунны, авары, мадьяры, монголы, науа (это в Новом Свете, в Мексике)...

Всякая раса, беззаботно перемешивающая свою кровь с чужой, обречена погибнуть. — Дизраэли

Этот процесс повторялся волна за волной до тех пор, пока, с одной стороны, технологическое развитие не позволило окультурить большую часть земель, а с другой стороны, не предоставило надежную компенсацию физической силе варваров.

¹ Мы не рассматриваем сейчас выдачу дипломов за взятки и получение корочки, но не реальных знаний, а лишь выдвигаем абстрактное предположение о возможном критерии дифференциации.

² «Бар-мицва» (ударение на последнем слоге) — буквально переводится как «сын заповеди» («бар» с арамейского — «сын», а «мицва» с еврейского — «заповедь»). Сейчас слово «бар-мицва» обычно переводится как «совершеннолетний». Вообще, чаще всего под словом «бар-мицва» подразумевают обряд совершеннолетия мальчика (13 лет). Кроме того, в XX веке стали совершать обряд «бат-мицва» — обряд совершеннолетия девочки (12 лет) («бат» с еврейского — «дочь»). Обратите внимание: в слове «бар-мицва» первая часть арамейская, что говорит о позднем зарождении этого обряда. В Торе его нет.

³ Убедительная просьба не путать с «теорией пассионарности» Гумилева, которая элементарно является излишней, т.к. ничего не объясняет, лишь заменяя «мы не знаем в точности, почему так произошло» на «произошло вследствие изменения пассионарности».

К сожалению, этой компенсацией стало простое изменение соотношения численности и связанное с ним экономическое превосходство, а также использование продвинутой военной техники. В жертву этому был принесен собственный потенциал человеческого вида. Видимо, это было закономерно на определенном этапе. Теперь этот этап пора закрывать, пока он не привел к коллапсу.

Естественный отбор служит в процессе эволюции автопилотом. Едва обретя зачатки разума, человек отключил автопилот и находится теперь в свободном полете. Но судьба его зависит от того, научится ли он пилотировать самостоятельно, прежде чем произойдет крушение. Под «пилотированием» подразумевается взятие эволюции в свои руки, *сознательное* управление ее факторами.

Отступление по поводу геронтоцида и эвтаназии

Человек может жить как хочет. Но умирать он должен — как Человек, а не как животное.

Dominus

Мораль для врачей. Больной — паразит общества. В известном состоянии неприлично продолжать жить. Прозабание в трусливой зависимости от врачей и искусственных мер, после того как потерян смысл жизни, право на жизнь, должно бы вызывать глубокое презрение общества. Врачам же следовало бы быть посредниками в этом презрении, — не рецепты, а каждый день новая доза *отвращения* к своему пациенту... Создать новую ответственность, ответственность врача, для всех случаев, где высший интерес жизни, *восходящей* жизни, требует беспощадного подавления и устранения *вырождающейся* жизни — например, права на зачатие, для права быть рожденным, для права жить... Гордо умереть, если уже более нет возможности гордо жить. Смерть, выбранная добровольно, смерть вовремя, светлая и радостная, принимаемая среди детей и свидетелей: так что еще возможно действительное прощание, когда ещё *существует* тот, кто прощается, равным образом действительная оценка достигнутого и того, что желал, подведение *итога жизни* — все противоположное жалкой и ужасающей комедии, которую сделало из смертного часа христианство. [...] — Ф. Ницше, Сумерки идолов

Малодушие возвело в идеал «естественную» смерть. Несмотря на то, что ей порой предшествует весьма продолжительное ничтожное существование, когда единственный крючок, которым цепляются за жизнь — это страх; страх перед смертью. Инстинкт самосохранения у животных не имеет такой издержки, так как в природе до такой степени деградации дожить невозможно. У людей этот инстинкт дает такую вот накладку — трудно решиться умереть, даже когда жизнь не сулит ничего хорошего. В данном случае торжество инстинкта над разумом выглядит особо отталкивающе, особенно если видно, что разум неуклонно деградирует, впадая в старческий маразм.

О, как страшно смерть встречать
На постели, господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!

Денис Давыдов

Во многих обществах такая «естественная» смерть считалась позорной. Где-то старики уходили умирать сами, где-то дети убивали собственных родителей, когда те старели и жизнь им становится не в радость¹. Сын должен помочь отцу уйти из жизни. Настоящему мужчине, считали они, уготовано умереть насильственной смертью, лучше всего в бою². Если же ему с этим не повезло, сын должен прийти ему на помощь и убить. Это акт любви³.

«Однажды перед самым боем спартанский царь заметил в рядах своих воинов дряхлого восьмидесятилетнего старца и, видя его немощность, велел ему идти домой. "Государь, — сказал ему старый солдат, — ты отсылаешь меня умирать куда-то в другое место, а между тем, какое же для старого воина может быть другое более подходящее смертное ложе, как не поле битвы?"»⁴

Добровольный уход из жизни практиковался и в сообществах, находящихся на вершине культуры своего времени. Нередки были такие случаи в древней Греции. Законодатель Спарты, Ликург покончил с жизнью, когда счел, что добился всего, чего мог, и что дальнейшее жалкое существование может лишь испортить сделанное им. По легенде Диоген Синопский просто прекратил дышать силой воли, когда счел, что дальше жить ему не имеет смысла⁵. А на греческом острове Кеос добровольный уход из жизни вошел в обычай.

Есть меж кеосцев обычай прекрасный:
Плохо не должен тот жить, кто не живет хорошо!

Менандр

Такая точка зрения разделялась и некоторыми представителями тех культур, где общественность считает это неприемлемым. Примечателен пример Поля Лафарга и его жены Лауры, дочери Карла Маркса, которые приняли яд, как только им стукнуло 70 лет.

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд последние 16 лет жизни болел раком, и уйти из жизни достойно ему помог его ученик и друг доктор Макс Шур, сделав инъекцию морфия по предварительному договору.

При этом Фрейд пришел к такому решению не в момент, когда узнал о своей болезни, а заранее. Еще за четверть века до начала болезни он писал О. Пфистеру о своих размышлениях, что делать, «если ему откажут мысль и слово». Решение было принято еще в то время: «...я молю лишь об одном: не стать калекой, не допустить, чтобы телесные страдания парализовали волю. Как сказал Макбет, давайте же умрем во всеоружьи».

Особо впечатляет пример Михаила Врубеля, который, будучи слепым, беспомощным, живя под присмотром в больнице, простоял зимой ночь у распахнутого окна (оцените, насколько волевым было его решение), после чего умер от воспаления легких. Не пришлось бы ему так извращаться, если бы малодушное большинство не *приговаривало* к «естественной смерти» более сильных духом представителей рода человеческого. И американскому врачу Д. Кеворкяну, который помогал безнадежным уйти из жизни без лишних мучений себя и окружающих, несмотря на безумное общественное мнение, надо бы присудить премию за вклад в развитие этики; выдать Нобелевскую премию за гуманизм именно ему, а не какой-то хриstopоклоннице Терезе, лишь

¹ Обратите внимание, что страх перед смертью — это вовсе не то же самое, что желание продолжать жить. Жизнь и существование также не эквивалентны.

² Вспомните, что в Вальгаллу у викингов попадал лишь тот, кто умер в бою с мечом в руке.

³ Понятие «любовь» заслуживает отдельной главы. Здесь использовано значение без чел-овеческих искажений.

⁴ Цит. по «Всемирное остроумие», С.-Петербург, 1903

⁵ Диоген Лаэртский, VI, 76

увеличивающей поголовье чел-овечества сомнительного качества, и уж тем более не осуждать его в уголовном порядке.

В связи вышесказанного можно упомянуть и убийство стариков — тоже широко распространенная некогда традиция. За примерами мы отсылаем читателя опять же к этнографическим исследованиям. Например, к книгам Джеймса Фрэзера, что касается недавнего прошлого в некоторых местах нашей планеты. Или откройте, например, «Географию» Страбона, чтобы убедиться в широчайшем распространении сего обычая в древности.

Несмотря на выпученные от возмущения очи современных моралистов-гуманистов, мы находим этот порядок также весьма целесообразным. Такой подход не только полезен для общества, но и менее неприятен для уходящего, чем дряхлость¹.

Если бы мы посвятили этому отдельную статью, можно было бы взять в качестве эпиграфа строки Владимира Высоцкого:

Когда постарею,
Пойду к палачу —
Пусть вздернет на рею,
А я заплачú.

Кстати, редко кто задумывается, почему в человеческом обществе существует уважение к старости, принимая это как должное².

С началом образования вида *Homo Sapiens* и развитием членораздельной речи, отражающей абстрактные понятия, значительную роль в выживании племени стали играть не только физические качества, но и накапливаемый и передаваемый опыт. Объем знаний, умений и навыков, необходимых племени для выживания в борьбе с природой и врагами, неуклонно возрастал. Изготовление орудий труда, одежды, навыки добывания и поддержания огня, знание приемов охоты, сбора и хранения провизии, знание повадок животных — жертв и хищников, применение пищевых, целебных и ядовитых растений, знание расположения звезд для ориентации, умение лечить раны и болезни, строить жилье, ухаживать за младенцами и многое, многое другое. Весь этот поистине энциклопедический арсенал знаний, получаемый от предков и накапливаемый,

---

¹ Кажется, мы услышали хор возмущающихся: «Да как вы можете решать за других! Пусть сами решают!». Согласны, но лишь в том случае, когда решающий дееспособен — находится в здравом уме и твердой памяти. В большинстве же случаев за жизнь цепляются лишь жалкие остатки бывшего человека, все более теряющие разум. Высказываясь на подобную тему, проф. Е.К. Дулуман как-то процитировал роман «Жан Баруа» французского писателя Мартена Дю'Гара. Главный герой этого романа, Жан Баруа, в юности верил в бога. Включившись в общественную жизнь, в перипетии общественной идеологической борьбы Баруа отходит от религии, в его мировоззрении не остается места для веры в бога, он в конце концов становится воинствующим атеистом, издает журнал, смысл своей жизни видит в искоренении веры в бога своих соотечественников. Попав однажды в автомобильную аварию, он в страхе, ужасе и в беспамятстве восклицает знакомые ему из времен религиозного юношества обращения к богу, богородице... Обдумывая свое поведение в момент катастрофы, Жан пишет завещание примерно такого плана: «Я, Жан Баруа, в расцвете своих сил сорокалетнего мужчины, в здравом уме и полном спокойствии заявляю, что являюсь убежденным, последовательным, сознательным и знающим атеистом; считаю веру в бога заблуждением, плодом невежества, превратного воспитания и духовного насилия над личностью человека. ... Если же я когда-либо под влиянием болезни, старческого маразма или страха смерти, вопреки моим глубочайшим убеждениям, скажу, заявлю или скажут и заявят от моего имени, что я отрекаюсь от атеизма и начинаю верить в бога, загробную жизнь, то это уже буду не я. Это будет другой человек, сломленный физически и духовно. Это будет физический и духовный калека. То уже буду не я, а моя развалина. Я, Жан Баруа, с таким человеком ничего общего не имею. Того, сломленного и униженного Жана Баруа вы не слушайте, его словам не внимайте так же, как вы, нормальные и здравомыслящие люди, не внимаете словам душевно больных или недоразвитых людей».

² Уважение стариков как хранителей опыта является легендой, возникшей еще тогда, в доисторическую давность. Практически весь необходимый опыт человек приобретал к зрелости. Истинная же причина этой традиции — расчет на соответствующее отношение в будущем по отношению к себе.

осваиваемый, проверяемый в жизни, при отсутствии письменности во всем своем объеме мог становиться достоянием лишь пожилых людей.

От этой малочисленной группы (в примитивных условиях люди редко доживали до старости) выживание племени зависело в не меньшей мере, а, очень вероятно, что и в большей, чем от молодых, но неопытных добытчиков. Поэтому у народов, не имевших письменности, старейшины пользовались очень большим авторитетом.

Однако уважение было не к старости, а именно к мудрости. Обратите внимание на среднюю продолжительность жизни в те времена — лет 30–40 максимум. Т.е. стариком по тем временам мог считаться тот, кому в наше время соответствует зрелый мужчина, полный сил и энергии. Успехи медицины привели к тому, что выживают те, кто однозначно умер бы гораздо раньше — и вот, задумайтесь над разумностью ситуации — уважение вызывает дряхлый маразматик, который уже не помнит, как его зовут. Более того — если семья, где он живет, придерживается традиций и т.д., так его ещё и считают главой семьи! В консервативных культурах он еще и будет командовать своим сыном, сохранившим, в отличие от него, разум, и который несколько веков назад считался бы мудрым долгожителем. А если ещё учесть, что наличие письменности нивелирует большинство «достоинств» старости, что современная жизнь требует непрерывного самосовершенствования, что знания 10-тилетней давности безнадежно устаревают в большинстве случаев...

Естественно, всегда можно усмотреть различные исключения, разумная и адекватная старость — в принципе не редкость. Но подобные случаи выступают, как исключения, только при посылке — «уважай стариков за возраст». Если принять посылку «уважай субъекта за мудрость», то исключения исчезнут. Мудрость — сочетание интеллекта и опыта, но такое сочетание при нынешнем темпе жизни давно не коррелирует напрямую с возрастом. Как оценить опыт, накопленный за 50 лет жизни в забитом селе и сравнить его с двухмесячным опытом пребывания в «горячей точке» или пятилетним обучением в университете? Выводом из всего этого может быть только одно — *старость сама по себе не имеет особой общественной ценности*. Ценность появляется только тогда, когда это — старость *разумного* существа. И, в случае какой-то личностной конкуренции, оцениваться будет не возраст, а именно степень разумности. И только при отсутствии различий в этой области будет играть роль большой опыт прожившего больше.

Почему же везде слышатся призывы уважать именно старость, а не мудрость? На подобную тему когда-то хорошо высказался Диоген, принимая участие в разговоре о том, почему люди так охотно помогают нищим и так неохотно философам: «Это потому, что каждый предвидит возможность самому стать убогим, калекой, пьяницей, но никто не думает, что он сделается философом».

II этап

Тот, кто нездоров и ущемлен физически и душевно, не имеет права увековечивать свое страдание в своих детях.

А. Гитлер, «Моя борьба»

Итак, отступление от принципов егеники было связано с тем, что применение их было неосознанным, диктуемым традицией, отобранной грегариным отбором, а обстоятельства, диктующие необходимость такой традиции, ослабли, и отступление от нее уже не приводило к немедленному разгрому.

Кроме того, развитие и усложнение общественных структур привело к более надежной защищенности его отдельных индивидов (от внешних природных эксцессов), и, соответственно, к увеличению продолжительности их жизни. В отапливаемом доме

сложней умереть, чем в холодной пещере. Физическая пассивность стариков перетекала в общественную активность, власть все более «старела», и, будучи не в состоянии управлять обществом физически (как в стае), стремилась к внедрению способов управления при помощи *морали*. Поэтому вполне естественно, что моральные нормы, прежде всего, защитили старческую слабость власть имущих. С другой стороны, ущербным людям управлять легче, поэтому вполне вероятно сознательное сохранение ущербных человеческих особей на ранних этапах становления моральных догм. Ведь главной задачей подобных особей (и их окружения) будет адаптация к жизни «здесь и сейчас», что просто исключает, например, борьбу за власть. «Не до жиру, быть бы живу».

Парадоксально, но власть никогда по крупному счету не заинтересована в обществе, здоровом во всех отношениях — ведь в таком обществе требования к власти значительно шире и разнообразней, чем в стране убогих и калек. Несколько исторических исключений только подтверждают это правило.

Одновременно с неосознанным отбором в обществе появляются попытки специального, осознанного селекционирования людей.

Самым ярким примером такого подхода служит Спарта.

Установление такого порядка в Спарте связано с именем Ликурга. Разные мнения относят эту личность то к области истории, то к области легенд. Отчасти это связано с тем, что в истории Спарты это имя появляется несколько раз в разное время. Но обычно считают, что «тот самый» Ликург жил во время первых Олимпийских игр (776 г. до н.э.) и приложил руку к их основанию, поддержав своим авторитетом.

Согласно Плутарху и другим античным историкам, Ликург был регентом при не достигшем совершеннолетия спартанском царе¹. Чтобы расчистить ему дорогу, Ликург добровольно отправился в изгнание, но вскоре вернулся, привезя с собой идею сделать из Спарты наилучшее государство. Вдохновили его на это обычаи о. Крит, как пишут Страбон, Плутарх и другие.

Собственно говоря, это были обычаи из разряда тех, что мы видели на предыдущем этапе. Их занесли туда племена дорийцев, к которым, правда, относились и сами спартанцы. Но, видимо, на Крите эти обычаи сохранились лучше, раз их пришлось оттуда экспортировать. Для Спарты это был не праздный эксперимент, так как это была сравнительно небольшая дорийская община среди автохтонного населения Пелопоннеса, и речь шла о её выживании.

В заведенных Ликургом порядках мы находим все прежние механизмы евгенического отбора, воскрешенные *сознательно*. Дополнительно к этому были реализовано ряд новых идей, касающихся селекции человека. Такие идеи, видимо, были навеяны практикой животноводства, и были неведомы в древнейшие времена чел-овечества.

Новорожденных в Спарте подвергали осмотру, и слабые и уродливые отправлялись в полет со скалы. «В их глазах», — пишет Плутарх, — «жизнь новорожденного была также бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при самом рождении, вследствие чего женщины для испытания новорожденного мыли его не в воде, а в крепком вине, — говорят, что эпилептики и вообще болезненные дети от крепкого вина погибают, здоровые становятся от него еще более крепкими и сильными».

Выдержавшие этот первый в жизни экзамен сразу попадали в условия, которые до сих пор называют «спартанскими». Их не пеленали, предоставляя полную свободу движения, не оберегали от холода, и вообще, обращались с младенцами так, как сейчас советуют Никитины. Даже в более поздние времена спартанские кормилицы пользовались

¹ Правильно говорить «βασιλεύς», но раз уж «царь» привычнее...

исключительной славой и те, кто хотел вырастить своих детей сильными, стремились заполучить их любыми средствами.

В дальнейшем маленьким спартанчикам также не приходилось расслабляться. И в свое время они подвергались тем испытаниям, которые происходят при инициациях.

Изоляция при инициации в Спарте имела активную форму, это называлось «κρυπτεία». Целый год подрастающий спартанец блуждал по горам и долам всей страны; скрываясь, сам добывал себе пищу и был постоянно начеку, дабы никто не мог его выследить и застать врасплох. При этом испытываемые еще охотились на илотов, т.е. покоренное население. Им вменялось в обязанность убивать наиболее сильных из них.

Из испытаний болью в Спарте практиковалось бичевание мальчиков перед алтарем Артемиды. При этом от них требовалось полное воздержание от криков во время порки, ибо самое незначительное выражение боли считалось для лакедемонянина позором. Они должны были переносить боль безропотно и красиво. Когда некоторые из секомых умирали под плетью, то эта смерть считалась почетной. Таким путем спартанское юношество приучалось к боли и терпеливому отношению к ранам.

Как видим, налицо весь арсенал первобытных обрядов инициации, обеспечивающий многоуровневый отсев слабых, в конечном счете — эволюционный отбор. Но, кроме этого, в Спарте входят в обиход механизмы управления наследственностью. Это делалось с помощью контроля над спариванием (гуманисты, видимо, тут же возмутились бы против зоологической терминологии). Некоторые видят в этом пережитки допатриархального группового брака, оставшегося далеко в прошлом. Как писал Фридрих Энгельс, у спартанцев «брачные отношения во многом еще более архаичны, чем даже те, которые изображены Гомером». Возможно, так это выглядит *внешне*, но теперь у такого подхода были совершенно иные причины и цели — смотреть на форму вместо сути давно уже стало специфической чел-овеческой особенностью.

Ликург придерживался мнения, что дети не составляют собственность отцов, и желал, чтобы они рождались не от всех без различия, а только от лучших. «Сук и кобыл случают только с лучшими псами и жеребцами и стараются добыть на то разрешение владельцев деньгами и хорошими словами; женщин же, напротив, охраняют в запертых помещениях и предлагают им, чтобы они рожали детей от своих мужей, как бы те ни были глупы, стары и хворы».

Как бы и что бы не писали современные и не очень гуманисты о «семейных узах», «счастье любви» и прочем, вопрос селекции партнеров постоянно поднимается на переломах истории: стремление создать «новое, совершенное общество» практически всегда сочетается со стремлением вывести более совершенную породу людей — членов этого общества. Классический пример — молодое Советское государство. Раз строится новое общество, то и люди, живущие в нем, должны быть совершенно иными — более сильными, активными и т.д. И вот в молодой Стране Советов в 1920-1921 годах создается Русское евгеническое общество. Общество выпускало специальное издание по евгенике — «Русский евгенический журнал». В нём печатались видные ученые-генетики того времени — Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, А.И. Филипченко. В журнале можно было найти исследования родословных известных дворянских семей, например, Аксаковых, Тургеневых. И первое время идеи евгеники находили сочувствие у идеологов молодого советского государства. А идеи были достаточно конкретны — А.С. Серебровский, например, предлагал для улучшения человеческого рода отделить деторождение от любви, практиковать искусственное осеменение. Но уже через 10-12 лет существования власти, каждый конкретный представитель которой явно не тянул на «идеального нового человека», эти идеи ученых начали вызывать резкую критику, и в 1929 году Русское евгеническое общество прекратило свое существование, и «Русский евгенический журнал» перестал выходить.

Женщине в Спарте не вменялась в обязанность супружеская верность. Засвидетельствовано, кроме того, многомужество и временный обмен женами. Несколько братьев могли иметь общую жену. Человек, которому нравилась жена его друга, мог просить его разрешения делить её с ним. С другой стороны, признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение, как выразился бы Бисмарк, здорового «жеребца»¹, даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Пожилому мужчине, имевшему молодую жену, бесспорно было целесообразно привести к ней бодрого молодого мужчину, который ему нравился и которого он считал дельным, и считать затем ребенка своим и воспитывать его. Особенно это было полезно в связи с тем, что совершеннолетие для мужчины в Спарте наступало в 30 лет и в брак он мог вступить не раньше того.

По причине вышесказанного нарушение супружеской верности, т.е. измена жены за спиной мужа, было неслыханным делом. Спартанцы потешались над представлениями своих соседей о целомудрии. На вопрос, какое наказание за прелюбодеяние ожидает в Спарте, отвечали, к примеру: «О! Виновный платит штраф в виде огромного быка, который сможет протянуть шею с вершин Тайгета, чтобы напиться воды в Эвроте». «Да разве бывают такие быки?» — поражался спрашивающий. «А разве бывает в Спарте прелюбодейство?» — разводил руками спартанец.

Подобные нравы самым благоприятным образом сказывались на положении женщин в спартанском обществе, которое было гораздо более почетным, чем у остальных греков. Женщинам в Спарте разрешалось свободно отлучаться из дому, проводить время как им вздумается. Это служило поводам для ревности в остальной Греции²: «Вы, спартанки, единственные женщины в мире, которые делают со своими мужьями все, что захотят!» «Да, но ведь мы одни и рожаем мужей», — ответила жена царя Леонида.

Такое положение с семейной жизнью вдохновило немало признанных умов античности. Его находили весьма полезным философы от киников³ до Платона. В своем «Государстве» Платон влагает в уста Сократа следующее рассуждение: «Все женщины должны быть общими всем мужчинам, ни одна не должна жить частно ни с одним. Общими должны быть и дети, так чтобы и дитя не знало своего родителя, и родитель — свое дитя...». «Надобно, чтобы отличные мужчины соединялись большею частью с отличными женщинами, а худшие, напротив, с худшими, и чтобы первые из них воспитывали детей, а последние — нет...»⁴.

Примечание 2014 года: разумеется, нельзя копировать подобные отношения в современность, поскольку люди сейчас куда более индивидуализированы; но с учётом того времени, когда люди практически не отделяли себя от общества, а отношение к женщинам зачастую было сравнимо с отношением к вещам, прогрессивность очевидна.

Ещё мы должны упомянуть о постоянных тренировках, которым подвергались спартанцы с самого раннего возраста. Каждые десять дней молодые спартанцы подвергались осмотру коллегией эфоров, и если чье-то тело заплывало жирком, тот подвергался порке, дабы не позорил своим видом Спарту.

¹ Опять у нас лезут фразы Энгельса

² В то время греческие женщины в основном были заперты в женской половине дома (γυναικίη) и целиком зависели от своих мужей.

³ В современной озвучке — циники. В оригинале слово греческое: κυνικός, которое римляне писали, естественно, как cinicus. А в средние века большинством голосов решили, что произносить латинское «сNе надо не как раньше (т.е. «к»), а вовсе даже «ц». Древние римляне ничего не сумели возразить на это, более того — их никто и не спрашивал. Интересно, что в буквальном переводе κυνικός означает «собачий». Это иллюстрирует отношение чел-овечества к тем, кто о них говорит правду.

⁴ Вообще-то, в те времена требовались рабы — поэтому и оставлен вариант «худшие с худшими». Разумеется, в современном обществе разумен вариант «лучшие с лучшими», а худшие должны оставаться без потомства. Впрочем, здесь есть куча нюансов, кого именно считать «худшим», но это уже совсем другая история.

Конечно, это не имело прямого влияния на генотип, но на общее здоровье нации — безусловно. Бесспорно также косвенное влияние путем общественного мнения — вряд ли молодой человек, которого привеселюдно регулярно пороли за несоответствующее физическое состояние, имел особый успех как потенциальный «отец семейства». И если физический неуспех был предопределен генетически (т.е. не устранялся соответствующими физическими тренировками), то социальное порицание, связанное с ним, практически исключало появление потомства у такого индивида.

Примечательно и то, что в Спарте в тренировках участвовали не только мужчины, но и женщины, «чтобы их будущие дети были крепкие телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и чтобы сами матери могли разрешиться от беременности».

Забота об улучшении потомства, как видно, была для Ликурга одной из важнейших и это отразилось на большинстве законов, введенных им в Спарте.

Спарта — это, несомненно, самый успешный опыт «человеководства» (о причинах падения этого государства мы расскажем далее, на стр.79). Но история сохранила и ряд более скромных попыток улучшения чел-овеческой породы.

В начале XIX века в юго-восточной Африке сколачивалась зулусская нация. «Король», чья это была затея, по имени Чака относился к селекции своих подданных очень серьезно. Он лично давал право вступать в брак. Эрнест Риттер, писавший его биографию по еще не остывшим следам, передает речь Чаки, объясняющую мотивы и цели такой политики: «Разве мы не отбираем быков на племя? Так неужели же мы станем менее тщательно отбирать отцов будущих детей страны зулусов? Впредь каждый мужчина должен будет доказать свою доблесть, прежде чем получит право жениться и стать отцом. Я не допущу, чтобы продолжение нашего рода зависело от непроверенных мужчин, которые могут оказаться плохими отцами». Вождь зулусов отмечал «патентом на размножение» как отдельных отличившихся, так и целые полки, а полки у него были не только мужские, но и женские. Можно считать недостатком его подхода то, что критерием была воинская доблесть, что оправдано не на все сто, но ничего лучшего по тем временам и для тех условий нельзя было придумать.

Можно сказать, что описанный выше случай является примером *поощрительных* евгенических методов, т.е. они поощряют распространение качественного генофонда. С другой стороны, существуют и *предупредительные* евгенические методы, направленные на пресечение распространения нежелательных генетических признаков.

Ещё в 1871 году сэр Чарльз Дарвин писал о последствиях современной медицины: слабые члены цивилизованного общества порождают себе подобных. Это, как утверждал Дарвин (и мы с этим согласны), крайне вредно для человеческого рода. Ни один другой вид не позволяет размножаться самым слабым своим членам:

«У дикарей слабые телом и духом быстро погибают, а те, кто выживает, обычно находятся в прекрасном состоянии здоровья. Мы же, люди цивилизованные, с другой стороны, делаем всё возможное, чтобы сдерживать процесс уничтожения; мы строим приюты для имбецилов, калек и больных, мы ввели законы для бедных, наши медики изо всех сил стараются спасти жизнь каждого до последней секунды. ... Всякий, имеющий хоть какое-то отношение к разведению домашних животных, подтвердит, что это губительно для человеческой расы. Удивительно, как быстро отсутствие ухода либо неправильный уход ведут к дегенерации домашних животных — и, исключая ситуацию с самим человеком, вряд ли кто-то позволит своим худшим особям размножаться».

В 1918г. Мэри Стопс (основательница Материнской Клиники Контроля над Рождаемостью) опубликовала книгу, посвященную теме контроля рождаемости, которую

посвятила «всем тем, кто хочет, чтобы наша раса росла в силе и красоте». Она писала: «низшие и худшие элементы общества производят неисчислимые десятки тысяч неполноценных младенцев, чем истощают ресурсы высших классов».

В книге на основе статистических данных было продемонстрировано, что малоимущие и низкообразованные классы размножаются гораздо более интенсивно, чем высшие слои общества — выводы можете сделать сами, а подробнее эта тема будет разобрана, когда речь пойдет о демографии.

Примечание 2014 года: здесь «малоимущность» — не моральная оценка, а фактологическое положение дел, имеющее место и в современности; понятно, что в обществе, устроенном сколь-либо разумно, «малоимущих» быть не должно (и вообще разница в доходах не может быть значительной, как в современном либеральном социуме).

В 20–30 гг. XX века в некоторых странах Европы: Германии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии, Эстонии были приняты законы о евгенической стерилизации. Ими предписывалась принудительная стерилизация душевнобольных, умственно отсталых, эпилептиков и некоторых иных групп населения с целью предотвращения передачи вредных генов наследственных отклонений и болезней. Некоторые политики, ученые и врачи в США добились принятия в ряде штатов аналогичного закона, известного под названием «Индианского» (от штата Индиана, в котором он впервые начал действовать в 1907 г.). К 1935 г. законы о принудительной стерилизации были приняты в 26-ти штатах США (еще в 10-ти ожидали принятия, и только 12 штатов этот закон отвергли). Некоторые уже были готовы распространить действие этих законов на бомжей и других лиц, склонным к антисоциальным действиям. Однако, эти законы применялись на практике очень вяло даже в нацистской Германии. После Второй Мировой войны, несмотря на то, что соответствующие законы ещё формально действовали, евгеническая стерилизация сошла на нет, прижатая «гуманистическими идеалами чел-овечества», которые начали широко распространяться, пользуясь дешевым контрастом по сравнению с нацистской Германией, ставшей универсальным пугалом¹.

По поводу «всплеска евгеники» в начале XX века нужно подчеркнуть главное — если в XVIII–XIX веках общественная евгеника была уделом единиц — Томас Мальтус («человек размножается постоянно, пока ему хватает пищи»), Чарльз Дарвин, Френсис Гелтон, Герберт Спенсер, — то в XX веке евгенические законы обсуждались и принимались на уровне обществ и государств. Социум в какой-то мере осознал необходимость очищения генофонда. Подобные законы вызвали резкое противодействие со стороны гуманистических сил. Но гуманизм и либерализм — отрицательные силы. В том смысле, что они не предлагают никаких новых ценностей, они возникли и действуют, как антипод евгенической политики — гуманистическая общественная система не может предложить никакой *конструктивной* критики евгеники и человеческого отбора, ограничиваясь отрицанием всех его положений.

«Нет, этот диалог с глухим надо прекращать. Тебе твердят, что в гуманизме самоценность жизни и человека принимается за аксиому, а ты талдычишь — докажи». — Ян Корчмарюк, fido.ru.anti-religion

¹ Многие «зверства нацистов» и т.д., инкриминируемые национал-социалистической Германии, являются исключительно пропагандой (хотя, разумеется, хватает и реальных фактов). Обсуждение этого не входит в тематику данной работы, но приведу лишь два характерных примера, показывающих квалифицированность общественного мнения: общепринятый термин «фашисты» *не относится* к Германии, более того — национал-социалисты достаточно презрительно относились к итальянским фашистам; после Нюрбергского процесса (кстати, весьма интересен вопрос законности этого процесса: как вам, к примеру, *официальная* позиция об отсутствии необходимости *доказывать обвинение*, если оно «базируется на общеизвестных фактах»?) была запрещена свастика как символ фашизма (!), несмотря на ее многотысячелетнюю историю в, мягко говоря, несколько другом качестве — см. стр. 9.

О нацистской Германии нужно говорить отдельно. Сразу оговоримся, что мы считаем царившую там расовую теорию большой глупостью, послужившей гнилым фундаментом для многих блестящих идей. Но в Германии нашлось место не только предупредительным, но и поощрительным методам евгеники. Скажем, мало кто знает, что в СС отбирали в том числе и по *интеллекту*¹. Почитайте выдержки из руководства «Расовая гигиена и демографическая политика в национал-социалистической Германии» Управления образования СС, заменяя «расу» на «полноценных людей»²:

«Образцом для отбора является человек нордическо-германского типа³, обладающий здоровой физической и умственно-душевной наследственностью».

«Супружеский выбор предков решает, быть ли потомкам здоровыми или больными, одаренными или ни к чему ни способными».

В 1935 г. рейхсфюрер СС основал общество «Родник жизни». Дома общества предоставляются в распоряжение всех расово и наследственно полноценных немцев, готовящихся стать матерью. Здесь они получают необходимую им помощь в полном объеме. При этом общество оказывало помощь и в рождении внебрачных (добрачных, как сказано в документе) детей при условии здоровой наследственности матери. Кстати говоря, любой немке со здоровой наследственностью разрешалось зачать ребенка от члена СС (как наиболее полноценного генетически, по мнению Рейха, слоя населения), если у нее возникало такое желание. Такой ребенок считался законнорожденным и получал все гражданские права.

7 ноября 1937 г. был издан еще один приказ: «Закон о заботе, о вдовах и сиротах», в котором гарантировалась защита и помощь вдовам и сиротам членов СС как элите генетической, а не генеалогической.

Что касается предупредительных евгенических мер, то процитируем «Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства» от 14 июля 1933 г.:

«1. Наследственно больные, в отношении которых дано медицинское заключение о высокой степени вероятности наличия у их потенциального потомства физических или душевных наследственных повреждений, могут быть подвержены хирургическому обеспложиванию (стерилизации).

2. Согласно закону, наследственно больным считается тот, кто страдает одним из следующих заболеваний: врожденное слабоумие⁴; шизофрения (нарушение связности психических процессов); душевное заболевание, характеризующееся полным распадом личности, притуплением чувств, отрешению от внешнего мира; циркулирующее помешательство; душевное заболевание, характеризующееся чередованием периодов крайней возбужденности и глубокой депрессии, наследственная падухая (эпилепсия), наследственные судороги, наследственная слепота, наследственная глухота, тяжелые физические уродства.

---

¹ В начале образования этой организации. К концу войны в войска СС набирали практически всех подряд: были даже дивизии СС, состоящие не из немцев.

² Тем более, что в контексте этого документа данные понятия являются синонимами.

³ Это к «расе». Замените на «с развитым разумом», к примеру.

⁴ Из энциклопедии по психиатрии Д. Еникеевой: «...в целом доля наследственно обусловленных форм среди всех случаев олигофрении составляет от 69.5% до 90%. Среди детей умственно отсталых лиц процент олигофрении существенно выше, чем среди детей от нормально развитых родителей. Если умственной отсталостью страдают оба родителя, то процент олигофрении у их детей составляет от 45.9% до 100%. Если же олигофренией болен один из родителей, то умственно отсталых детей у них от 33.3% до 58.1%. 36.1% больных олигофренией имеют одного или обоих умственно отсталых родителей. Риск рождения умственно отсталого ребенка при браке между двумя олигофрениками составляет 42.2%, при умственной отсталости одного из родителей — 19.9%, а при браке двух нормальных людей — всего 1.3%».

3. В дальнейшем стерилизации могут быть подвержены лица, страдающие тяжелой формой алкоголизма. Окончательное решение о применении стерилизации выносится судом охраны общественного здоровья».

Могут ли гуманисты, моралисты и прочие представители той же породы опровергнуть логичность и целесообразность этих действий, которые, кстати, почти дословно повторяют рекомендации Российского Бюро по евгенике Российской АН (Филиппченко, 20-е годы, Ленинград)?

Что интересно, эти же самые моралисты считают вполне если не гуманными, то целесообразными войны «за правое дело» (войны не будет; будет борьба за мир, да такая, что камня на камне не останется), которые, по словам некоторых из них, и служат *естественным* отбором. Но где тут естественность?! Здоровые призываются в армию, причем одновременно умные — в те виды войск, которые противником уничтожаются в первую очередь: ракетные, связь, ПВО и т.п., а больные (как физически, так и умственно) остаются в тылу как непригодные к мобилизации. Это было понятно, в отличие от моралистов, руководству СС, из той же «Расовой гигиены...»:

«Война не только уничтожает носителей лучшей наследственности, но, параллельно с этим, еще и сохраняет жизнь неполноценным».

Однако подавляющее большинство гуманистов и т.д. не одобряет войну куда меньше, чем эвтаназию неполноценных младенцев¹ и другие евгенические мероприятия. Этот, на первый взгляд, парадокс решается очень просто: на войне люди гибнут «сами по себе», а тут решение о жизни и смерти надо принимать *лично*. А взять на себя ответственность — задача не для гуманиста. Бездействие обычно *de jure* не считается преступлением, в отличие от действия, которое еще неизвестно как обернется².

¹ Суть евгеники всё же не только в работе ОТК в роддоме. Современная наука имеет гораздо больше возможностей для той же отбраковки, но на гораздо более раннем этапе. Скажем, синдром Дауна однозначно определяется на любой стадии, поскольку вызывается лишней хромосомой. Многие наследственные болезни так же возможно определить генетическим анализом. Но многие ли семейные пары считают необходимым произвести генетический анализ — кто у них может родиться и стоит ли рожать вообще? Более того, многие отклонения от нормы сейчас достаточно легко и с высокой степенью точности определяются УЗИ и т.д. Однако, большинство людей даже не планируют беременность заранее — когда получится, тогда получится....

² Встречаются случаи (и не так уж редко), когда разум пасует даже не перед этикой, а просто перед... да такого и слова нет! Случай, описанный отнюдь не в желтой прессе, прочитанный много лет назад:

Больной какой-то генетической болезнью лежал в больнице на где-то 10-й пластической операции. Название в памяти не отложилось, но суть такова: при полном сохранении умственных способностей — врожденная глухота и деформация костей черепа. Фото, приведенное в статье (после многочисленных операций) производит впечатление как бы полностью вылепленного лица, похожий вид кожи у заживших ожогов. Так вот, в этого пациента влюбилась медсестра и вышла за него замуж. И тут началось самое интересное: они решили завести ребенка, зная, что вероятность рождения с той же болезнью 50%. Родили. Попали в эти 50%. Не знаю, как для вас, а для нас как-то странно выглядит позиция «я рожу ребенка, и буду его очень любить, и я знаю, что он будет вынужден перенести множество операций и все равно никогда не будет здоров (в частности, не будет слышать)». Думаете, этим все ограничилось? Через некоторое время они родили ещё одного. Мотивация, описанная в статье, была приблизительно такой: одному первенцу будет сложно в жизни (обратите внимание, что многие пластические операции нельзя делать до тех пор, пока человек не перестает расти), а братик его поддержит. Вот такая история, проникнутая гуманизмом....

Еще одно отступление, на этот раз — в защиту Спарты

Люди хвалят и бранят чаще всего то, что принято хвалить или бранить.

Ф.Ларошфуко

Люди охотно верят тому, чему желают верить.

Цезарь

Относительно Спарты существует два живучих предубеждения. Первое — о тупости жителей Лакодемона. Второе — о жестокости их обычаев. В действительности же все обстояло несколько иначе, а такая дурная слава обязана своим происхождением традиционным противникам спартанцев, которые за словом в карман не лезли. Спарта была так не похожа на них, а в сторону иного всегда летят плевки.

Сначала поговорим о их предполагаемой тупости.

Когда один афинский ритор назвал спартанцев «неучами», Плистоанакт, сын Павсания, ответил: «Верно, только мы из греков не научились от вас ничему дурному».

С первого взгляда многие принимали за тупость неразговорчивость, так контрастирующую с болтливостью жителей Афин и берущих с них пример. Трёпа и демагогии в Спарте не любили, а обращали внимание на точность и ясность речи. Всяческие «златоусты» всегда обламывались в отношении спартанцев, так как те не давали себя заболтать. Даже послы в Спарте получали ответы: «Так и передай: ты едва смог завершить свою речь, а у нас едва хватило терпения ее выслушать!».

Кто-то в присутствии Агесилая похвалил ратора так, что «он умеет представить великим даже незначительное дело», но спартанский царь не разделил восторга: «я не считаю хорошим сапожником того, кто на мелкую ногу шьет огромный башмак». А когда некто порицал философа Гекатея за то, что он за званым обедом не проронил не слова, Архидам заметил: «Кто умеет говорить, умеет выбирать для этого время».

Вместо риторической аляпистости спартанцы выработали тот стиль, что получил название лаконичной речи, когда немного простых слов заключают в себе много глубокого смысла и которой восторгались с тех времен до наших. Мало кто сейчас вспомнит какой-нибудь пассаж из знаменитых «филиппик» Демосфена, в то время, как лаконичные фразы повторяет практически каждый в виде афоризмов.

«Верно выразился тот», — говорит Плутарх, — «кто сказал, что быть спартанцем — значит заниматься скорей философией, нежели гимнастикой».

Спартанским порядком восхищались многие авторы, даже принадлежащие к враждебному им лагерю: Плутарх, Страбон, Ксенофонт... У последнего (кстати, уроженца Афин и очевидца пелопонесской войны) Спарта вызывала сплошные восторги. (Он и сам был достоин уважения спартанцев. Чего стоит прорыв группы греческих наемников из глубины персидской территории под его командованием). Даже великий киник Диоген, язвивший по поводу всех и вся, удостоил Спарту парой лестных слов. Когда у него, возвращавшегося с Пелопонеса, спросили откуда он и куда, Диоген ответил: из андрона в гинекей, т.е. — из мужской части дома в женскую. А когда у него спросили, видел ли он где хороших людей, ответил: людей — нет, детей — в Лакодемоне. Даже у тех, кто явно не нахваливал Спарту, у того же Платона, она проглядывает, как прототип некоторых идей. Нравы элиты в его «идеальном государстве», похоже, срисованы с нравов Лакодемона. «Семейный кодекс» спартанцев также был им воспринят и развит.

Плутарх говорит и о музыкальности спартанцев. Для подтверждения он приводит слова известных поэтов о Спарте — Терпандрома: «Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза» и Пиндара: «Там хороводы ведет Муза и Красота». Он также

заявляет о тесной связи между музыкой и храбростью спартанцев и цитирует уже спартанского поэта: «Кифары звук мечу не станут уступать». Примечательно и то, что перед сражениями в числе своих покровителей спартанцы приносили жертву музам.

Конечно, прежде всего превосходство спартанцев заметно в военном приложении. Однако, и война — это ведь не только забава для тупых громил.

В ходе Пелопонесской войны почти не было фронтальных сражений «стенка на стенку». Это прежде всего была войной мозгов: многоходовых стратегических замыслов, дипломатической игры. И в этом Спарта взяла верх. При этом была продемонстрирована превосходная гибкость и обучаемость. Ранее абсолютно сухопутное государство к концу войны выигрывало морские сражения у самого морского до той поры Афинского Союза. И т.д., нам не хочется здесь пускаться в исторические подробности, приведем лишь несколько иллюстраций.

Пелопонесская война длилась тридцать лет. Столько потребовалось, чтобы у противников Спарты истощились все резервы. Фукидиду не простили неудач во Фракии, осудили и изгнали (вероятно, историк он был лучший, чем стратег). Ламах и Демосфен (не путать с оратором), погибли на Сицилии. Алкивиад несколько раз менял сторону из-за интриг и приносил успехи каждой, в результате — бросил это дело. Ксенофонт, открыто симпатизирующий спартанцам, тоже был изгнан и ушел наёмником к персидскому принцу. И кончились в Афинах герои, остались одни демагоги.

В Спарте было меньше народу, но они большего стоили. Единственный спартанец, Гилипп, ступил на землю Сицилии и организовал там разгром афинского корпуса.

Что касается заката Спарты, то он был исторически неизбежен. Масштабы мира изменились и спартанцы, чья численность колебалась от 20 до 5 тысяч, выронили его из рук. В 371-м году в битве при Левктрах больше половины спартанцев погибло. Весьма красноречиво было построение их противников. Греческая фаланга традиционно имела глубину 8 шеренг. Напротив собственно спартанцев Эпаминонд выставил отборный «Священный отряд» с глубиной построения — 50 шеренг! Это наглядная демонстрация того, как оценивали спартанцев. Обратите внимание: *отборный отряд*, но государства, не следовавшего эвгеническим принципам. Спарта пала потому, что она была *единственная* в своем роде. И ее просто задавили количеством, *не считаясь* с потерями. Нес Hercules contra plures.

Конечно, это не единственный фактор, приведший к тому, что Спарта прекратила свое существование. Но всё же она была на коне почти *четыреста* лет!

Другой причиной послужило размягчение нравов. Когда расширение театра военных действий разрушило «железный занавес», окружавший Спарту, открылись многие соблазны. В ходе Пелопонесской войны собственно спартанцы составляли спецназ и офицерский корпус и многие из них нашли весьма привлекательными власть, богатство и комфорт. А первым на это поддался еще царь Павсаний, командовавший объединенными сухопутными силами греков во время похода Ксеркса. Какой вывод из этого делаем мы? Выдающиеся качества должны оплачиваться по достоинству. Почему Ликург поставил своих сограждан в суровые условия и не давал послаблений? Потому что он *не рассчитывал на их разум*, у него в распоряжении был обычный *чел-овеческий* материал. Спартанцев, которые при всем своем уровне оставались людьми, держали в форме законы Ликурга. Сапиенс же держит себя в форме потому, что понимает необходимость этого, и ослабление хватки закона не приведет его к деградации. Посему, компаньонами нашей гипотетической аристократии могут быть только *действительно* разумные, и их не нужно держать в «чёрном теле» и заставлять жрать чёрную похлебку, чтобы не деградировали. В истории масса примеров достойных представителей человеческого рода, которым вся доступная роскошь не мешала быть «железными людьми»: Юлий Цезарь, Троян,

Чингисхан. Это примеры из области войны и политики. Примеров учёных, которым богатство не размягчило мозги, еще больше¹.

Теперь о жестокости. Традиционно против Спарты выдвигается обвинение в убийстве отбракованных младенцев. Однако при этом совершенно упускается из виду, что инфацид, т.е. убийство нежелательных новорожденных, был широко распространен в Греции в целом. Это было не только естественно с точки зрения тогдашней морали, но и необходимо с демографической точки зрения. Большинство полисов страдало от перенаселенности, сопровождаемой ростом нищеты и другими ее последствиями. Отчасти разряжающим обстановку клапаном была колонизация.

Повсеместно в греческом обществе отец решал, признавать ему ребенка или нет. Во втором случае его просто выбрасывали. Новорожденные девочки подвергались этой участи гораздо чаще, чем мальчики. «На основе письменных источников подсчитано, что в IV в. до н.э. в 61 афинской семье было 87 сыновей и 44 дочери. В 228-220 гг. до н.э. в 79 греческих семьях, переселившихся в Милет в Малой Азии и получивших там права гражданства, было 118 сыновей и 28 дочерей»². Аристотель, одобряя опыт Спарты, писал: «Пусть в силе будет тот закон, что ни одного калеки ребенка кормить не следует».

Философ Сенека (около 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.) утверждал: «Мы убиваем уродов и топим детей, которые рождаются на свет хилыми и обезображенными. Мы поступаем так не из-за гнева и досады, а руководствуясь правилами разума: отделять негодное от здорового».

Таким образом, во всех греческих обществах нежелательных детей убивали. В большей части из них это делалось по *прихоти* отца, который мог отвергнуть и вполне полноценного ребенка, а мог оставить и слабого. В Спарте же не могло быть и речи об убийстве здорового младенца любого пола. В отличие от остальной Греции к инфациду здесь подходили *разумно*, превращая его в искусственный отбор.

Что касается общей жестокости спартанцев, то для подобных утверждений также мало оснований. По свидетельству Плутарха, спартанцы никогда не устраивали побежденным кровавой бани, «по их мнению было низко, недостойно грека — рубить и убивать разбитых и отступающих. Их обычай был не только благороден и великодушен, но и *разумен*, так как их враги, зная, что они убивают только сопротивляющихся и шадят сдающихся, считали выгоднее бежать, нежели оказывать сопротивление».

И еще замечание по поводу жестокости к детям. Призывной возраст в нашей стране — 18–20 лет. Этот возраст совпадает с окончанием средней школы. Воин, призванный в регулярную армию, обязан выполнять долг, защищая свою страну в открытых военных действиях. Гуманисты никогда не отвечают на сакраментальный вопрос — готов ли вчерашний школьник участвовать в современной войне? Какие шансы выжить у 18-летнего подростка, не сдавшего нормы ГТО? Или собственная смерть — единственный метод «отдать долг обществу»? Сколько раз должна история ткнуть гуманистов мордой в дерьмо, чтобы общество перестало посылать вчерашних детей в Чечню и на Кавказ? В Спарте, по крайней мере, жестокость «здесь и сейчас» была отличным фактором выживания в последующих войнах, являвшихся нормой того общества.

Совершенно противоположным образом поступали традиционные критики Спарты, афиняне. В ходе пелопонесской войны они:

- Изгнали с родины всех жителей о. Эгина. Этот небольшой полис был старым соперником Афин, так как до того, как афиняне обратились к морю, самыми «водоплавающими» были жители этого острова. Но когда армия Ксеркса ворвались в

¹ Рекомендуем почитать о жизни и смерти Гая Петрония Арбитра, автора «Сатирикона».

² Л. Винничук «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима».

Аттику, Эгина приняла афинских беженцев, а когда после Саламинского сражения отмечали отличившихся, по номинации «самый заслуженный город» выбрали Эгину: видимо, небольшая флотилия маленького острова накрошила больше всех персидских галер.

- В 427 г. до н.э. в наказание за попытку покинуть лагерь союзников народное собрание Афин постановило истребить на о. Лесбос всех мужчин, а детей и женщин распродать. Правда, потом приговор смягчили и вдогонку кораблю, увезшему приговор, послали другой, который едва успел вовремя. Указанная участь постигла «только» 1000 семей активных участников сопротивления. Заметим при этом, что в самой Аттике в то время было около 30 тыс. граждан, а население Лесбоса было гораздо меньшим.

- Однако этот план: истребление поголовно всего мужского населения и продажа в рабство остальных категорий, в полной мере был осуществлен в 416 г. на дорийском острове Мелос. Этот остров пытался сохранить нейтралитет и отказался вступить в Афинский морской союз. При предъявлении Афинами аргумента в виде экспедиционного корпуса островитяне сдались на их милость, которую мы уже описали.

Войны тем более жестоки, чем больше трусов в них участвует. Можно привести и другие примеры, но мы уже и так отвлеклись от Спарты.

Лакедемоняне во всех захваченных городах, даже в самих Афинах, ограничивались приведением к власти проспартанских партий. Самый жестокий поступок спартанцев, который можно вспомнить — это казнь пленных после разгрома афинян у Козьей реки. Армия не могла позволить себе их содержание, а действия афинян в ходе войны разубедили противников с ними церемониться (основную массу спартанской армии составляли их союзники, и некоторые из них после взятия Афин требовали поступить с ними, как те с Лесбосом и Мелосом).

Захватывая в конце войны одну афинскую колонию за другой, Лисандр, спартанский командующий, не преследовал и не задерживал никого. Но потеря позиций и страх заставили толпы афинян вернуться в метрополию, что привело к большому скоплению там людей и быстрой сдаче при блокаде (это еще и дополнение к вопросу о тупости: кто здесь дурак, а кто умный).

Хоть это была и не её ответственность, Спарта везде, где могла, выкупала из рабства мелосцев и возвращала им родину, равно как и жителям Эгины. К слову, на Эгине после возвращения был принят закон, осуждающий на смерть любого афинянина, ступившего на эту землю. По этому закону едва не пострадал Платон, попавший туда в качестве «живого товара» (неудачный визит к сиракузскому тирану). Но для него, как философа, сделали исключение. Примечательно, что в самих Афинах философам скидку не делали, скорее наоборот.

Таким образом, и в вопросе детоубийства, и на войне спартанцы были гораздо менее жестоки, чем их традиционные соперники и критики.

И в заключение разговора о данном этапе оглянемся ещё раз на Спарту. Нужно оговориться: при всех восторгах, расточаемых нами в адрес этого государства, мы не возводим ее в абсолютный идеал, как кому-то может показаться. Речь идет об *отдельных чертах*, достойных служить примером. Никто не хотел бы повторять Спарту буквально. Там нетрудно обнаружить немало для нас неприемлемого¹. Это все же было узкоспециализированное на войне общество. Особенности военной подготовки в то время требовали и таких порядков, от которых нас воротит: сами спартанцы называли свое государство «общинной равных», а наше мнение по поводу равенства и братства людей

¹ То же, разумеется, относится и к Германскому Рейху, примеры из внутренней политики которой были приведены ранее. Однако в истории обоих государств очень даже есть чему поучиться.

уже, должно быть, натерло вам мозоль. Ну а называть юношеские корпуса «стадами»... — тут у нас возникают и вовсе неприятные ассоциации. Совместные (и не особо вкусные) трапезы в принудительном порядке, герусия¹, коллегия эфоров, чья позиция помешала Спарте воспользоваться победой², консерватизм — все это мы бы оставили в могилах.

Резюме: уровень среднего спартанца был гораздо выше среднего представителя остального греческого мира того времени, однако, ввиду особых условий существования этого государства, мы не найдем там выдающихся достижений в другой области, кроме военной. Но тут у нас есть ниточка: ведь подобные обычаи существовали кое-где еще. Известное дело, на Крите, но это нам мало даёт. Профессор Лурье в своей «Истории Греции» утверждает, что находит некоторые такие институты в Милете. Если это так³, то лучшего нам и искать не надо. Ведь Милетская школа, на наш взгляд, это едва ли не самое ценное в античной мысли. Задолго до того, как Афинская Академия ковырялась в риторике, этике, рассуждала о справедливости, душе и т.п., представители Милетской школы — Фалес, Анаксимандр, Ксенофан — заложили основы математики и астрономии, причем их идеи о космических телах, о биологической эволюции, незаслуженно отброшенные в дальнейшем, предвосхитили современные.

Изменив кое-какие принципы в современных условиях, усадив на престол вместо воинственности (но не убирая ее слишком далеко) разум и знания, от Спарты можно кое-что (и не такое уж маленькое «кое-что») позаимствовать. А, собственно говоря, что? А как раз евгенику. Только уже на совершенно другом уровне.

III этап

Ну, попали мы в задницу. Ну, стали крутыми проктологами. Что толку, если все равно в заднице?

С. Тиунов

До третьего этапа не было возможности управлять третьим фактором эволюции, изменчивостью. Мутации возникали случайным образом, и оставалось лишь отсортировать их результат.

Возможность контролировать изменчивость предоставляет генная инженерия. Спектр задач собственно генной инженерии довольно широк. Сюда включается повышение урожайности и других качеств растений и животных, биотехнологии в промышленности и т.д. Выделяется и отрасль генной инженерии, работающая с генофондом человека. Эту отрасль, служащую задачам евгеники, мы предлагаем именовать евгенической инженерией.

Евгеническая инженерия предоставляет возможность направить свое развитие как вида собственными руками. При этом возникает вопрос: а куда направить? Для нас ответ очевиден⁴: в развитие мозга, как носителя интеллекта (приоритетно) и организма в целом. Развитие, естественно, в сторону усиления.

Эволюция, на которую природе потребовались бы сотни веков (и которая уже не произойдет, так как человек давно вывел себя из естественной природной ниши и процесса эволюции), будет совершаться в лабораториях в течение считанных лет.

¹ «Дом престарелых», играющий не последнюю роль в управлении государством

² Коллегия рьяно бросилась лишать власти главнокомандующего Лисандра, невзирая на целесообразность этих действий, т.к. по закону он не имел на нее прав.

³ Просто мы лично их не находим, история Милета хорошо известна с VI в. до н.э. и освещается обычно с иной стороны.

⁴ Стандартный ответ возмущающимся подобными тезисами: предложите другую альтернативу, более подходящую для разумных существ.

При этом (заткните уши, если рядом есть гуманисты или моралисты, а то оглохните от воплей) целесообразными для таковых исследований являются именно опыты на людях. И ничего вы с этим не сделаете — изучение наследственности людей на морских свинках или дрозофилах обладает куда меньшим КПД. На ком ставить опыты — это отдельный и очень сложный вопрос, но ведь сначала нужно определить, решать ли проблему вообще, а уже потом — как именно решать, не так ли? С нашей точки зрения наиболее подходят в качестве подопытных умственно неполноценные и преступники, тем более, что умственная недостаточность часто встречается в комплексе с физическими дефектами и нарушениями обмена веществ.

Далее мы позволим себе пометчать, углубиться в область научной фантастики.

На первом шаге искусственными мутациями будет достигнуто усиление возможностей интеллекта и организма в, если так можно выразиться, «естественном» русле развития. Это будет самое «невинное» приложение евгенической инженерии, которые обычно не вызывают диких протестов¹. Но мы на этом не остановимся и «изнасилуем природу», перешагнув через границы чел-овечества как биологического вида.

Какие интересные решения можно применить на этом пути?

К примеру, уменьшение продолжительности сна. Кстати, в сомнологии опыты над людьми уже давно и очень успешно используются повсеместно. Как известно, различаются состояния быстрого и медленного сна. Во время медленного сна восстанавливается мозговой гомеостаз, нарушенный в ходе многочасового бодрствования. Именно в этом состоянии мозг отдыхает. При искусственной хронической депривации (лишении сна) механизмы бодрствования и медленного сна начинают функционировать диффузно и одновременно. В бодрствующем мозге полноценные процессы, характерные для медленного сна, начинают «блуждать» по локальным зонам, неактивным в настоящее время. Подобный эффект возникает иногда при контузии. Известна масса случаев, когда медленный сон протекает в течение дня совершенно незаметно, мелкими квантами (при этом в некоторых случаях отмечается феноменальная память) — это характерно для субъекта, длительное время занимающегося работой, требующей особого внимания.

Таким образом, фазу медленного сна теоретически можно было бы сократить, увеличив продуктивность жизни индивида².

Возможно, пример неудачен, но это всего лишь пример, намекающий на колоссальные возможности евгенической инженерии. Ее реалии, особенно в сочетании с бионикой, биофизикой, кибернетикой, нанотехнологиями etc. перещеголяют самые смелые фантазии, как самолеты и вертолеты обошли сказочный ковер-самолет или метлу как средство полета.

Но все это баловство по сравнению с самым перспективным, на наш взгляд, направлением евгеники — киборгизацией, т.е. размещением мозга на полностью (или частично на начальном этапе) искусственном шасси. Чувствуем, как у ратователей «естественного пути» развития отвисли челюсти и зашевелились от ужаса волосы.

Уже в недалёком будущем может быть создан полный набор искусственных органов человеческого тела, управляемый биотоками мозга. Преимущества киборгов по сравнению с людьми, обремененными биологическим телом, очевидны. Во-первых, избавление от всех болезней тела, срок жизни, ограниченный лишь функциональностью мозга — все прочие элементы легко заменяются и ремонтируются. Во-вторых,

¹ У разумных особей, естественно. У моралистов, религиозных проповедников и т.п. протесты вызывает даже клонирование.

² Согласно гипотезе Жуве, в быстром (парадоксальном) сне, пока непонятно как, в нейробиологическую память передается наследственная, генетическая информация, имеющая отношение к организации целостного поведения. И лишение быстрого сна обязательно приводит организм к смерти (В. Ковальзон — «Природа сна»).

широчайший диапазон приемлемых внешних условий. Они смогут находиться в безвоздушном пространстве, на Луне, на астероидах, на планетах с атмосферой из метана или углекислого газа и т.д. и т.п. В-третьих, их потребительские нужды будут менее прихотливы, чем у людей: например, им не нужна будет пища. Единственное, что им необходимо, — это получение энергии из какого-то внешнего источника для поддержания биологических условий существования мозга и энергосистемы шасси.

Многим в настоящее время на слово «киборг» представляется некое механическое человекообразное с металлическим блеском, издающее при движении характерный лязг в стиле фильма «Робокоп». Это порождение недалекой фантазии, основанной по законам кинематографа на эффектности, а не эффективности.

Возможность свободно конструировать свое тело откроет колоссальные перспективы. Действительно ли две ноги — это самая удобная конструкция для передвижения? Достаточно ли двух рук, и не лучше ли заменить их дюжиной щупалец, расположенных по всему телу? А разве не упущение природы, что человек не различает ультрафиолетовых или инфракрасных лучей, что он видит только происходящее перед ним, но не сзади и не сверху? Или вопрос о контактах. Киборги смогут переговариваться на огромных расстояниях, используя УКВ или иные каналы связи...¹.

От грёз вновь возвращаемся к технологии.

В условиях киборгизации перед енгенической инженерией встанут новые задачи, связанные исключительно с развитием мозга. Потребуется развитие и увеличение числа «адаптеров», управляющих органами получения информации и органами манипулирования. Ведь что толку предоставлять киборгу, к примеру, восемь щупалец, если его человеческий мозг не может обеспечить полную независимость и пары рук, или какой толк в дополнительных органах зрения, если зрительный центр мозга не справится с обработкой сигналов от них?

Нас также очень интересует проблема регенерации мозга². Это нужно, во-первых, для увеличения времени его жизни, во-вторых, для размножения. Несомненно, что мозг-монстр, о котором мы тут говорим, не будет связан ни с каким придатком в виде родного тела, а новые экземпляры будут выращиваться способом регенерации из клеток. Наследственность будет обеспечиваться донорством клеток, а изменчивость — управляемыми мутациями, точнее, генетическими операциями. Отбор, конечно, тоже будет проводиться; вполне вероятно, что удачными результатами при получении нового экземпляра мозга будут признаваться лишь немногие, а остальные — отбраковываться³. Для новых экземпляров, видимо, будут разработаны специальные тренировочные шасси для развития моторики.

Естественно, и задача повышения мощности интеллекта не будет снята с енгеники никогда. Аналогично — повышение устойчивости мозга к физическим нагрузкам: ускорениям и т.п., а также требовательности к ресурсам.

¹ Данный пример приведен в книге А. Гробовского «Иные миры». Не будем изобретать велосипед.

² Которая, кстати говоря, подходит к практическому решению в настоящем. Сами нервные клетки не регенерируют, но внедрение в пораженную часть мозга изначальных нервных клеток, еще не специализированных, к примеру, взятых от эмбриона, приводит к частичному восстановлению структуры мозга.

Кстати говоря, это и есть та самая фетальная терапия, против которой так возмущаются «биоэтики» и прочие тормоза науки. Используемый материал — чисто фетальный (т.е. взятый от плода). Изначально закладывается всего три вида «протканей», которые затем дифференцируются. Стволовые клетки — первичные заготовки, которые могут развиваться во что угодно. А так как генный код един для организма, то в каждой стволовой клетке содержатся *все* возможные программы развития. Главная проблема — *однозначно* запустить нужную. В общих чертах для искусственного конструирования тканей эта проблема еще не решена. А вот чисто эмпирически — иногда получается. Организм после ввода взвеси стволовых клеток каким-то образом сам запускает нужные программы их дифференцирования.

³ Вспомните технологический процесс производства компьютерных процессоров.

В заключение изложению hi-tech мыслей не будет лишним упомянуть о парадоксе переноса разума на искусственный носитель.

Конкретный разум при переносе на другой носитель должен сохранить главное — самоидентификацию, т.е. должен продолжать ощущать себя *той же* личностью, что и в прошлом носителе.

«Парадокс Я» искусственного носителя утверждает, что есть принципиальное ограничение, делающее такую задачу невозможной, и это ограничение — скорость света.

Формулировка:

- 1) Не определено (и не может быть однозначно определено) множество *всех* связей личности и материи, обуславливающее уникальность личности.
- 2) Поэтому нельзя отбросить ни одну из возможных связей, так как исходя из п.1 невозможно доказать, что эта связь неважна для формирования понятия «личность».
- 3) Число возможных связей «личность-окружающая материя» — *бесконечно*.
- 4) Необходимо моделировать бесконечное число таких связей (следствие всех трёх пунктов)
- 5) Это невозможно хотя бы из-за ограничения сверху скорости передачи сигнала в киберсистеме (скорость света в вакууме).

Этот парадокс до сих пор не имеет удовлетворительного физического решения. Все методы решения лежат или в области усложнения моделей или в области «технической инвазии»:

В системах моделирования личности (ведь чтобы перенести что-то, его нужно прежде полностью алгоритмизировать — составить *полную* модель¹) исследуются «алгоритмы существующего компаратора», вычлняются сигналы по степени воздействия, создавая тем самым какое-то *подобие* личности, постепенно приближаемое к исходной. Такие модели будут постепенно удовлетворять каким-то критериям «похожести», но никогда не достигнут оригинала из-за постоянно существующей неопределенности алгоритма «сужения бесконечности».

Более перспективна «техноинвазия» — постепенная *дробная* замена нейронов на технонейроны, в количествах, не достигающих критического предела (не ведущих к изменению личности).

Однако концептуальное, философское решение проблемы переноса разума есть — это *существующий* прецедент носителя разума — то, что уже реализовано при помощи физических природных законов, может быть реализовано повторно.

Итого: физика пока отстает от философии, но это — дело техники².

Примечание 2014 года: есть проблема, которую мы не учли, когда писали текст: психика не просто холистична сама по себе, она ещё и едина с телом. Таким образом, человеческий мозг *принципиально* не приспособлен к киборгизации столь высокого уровня, что описан выше в тексте. Однако, если говорить не об утопии «пряма ща воткнули и заработало», то всё может быть... Да развитие техники может быть, если можно так

¹ В настоящее время не существует корректных алгоритмов определения «значимости» прямых и обратных связей и взаимодействий «Я vs мир» для самоидентификации разума. И, более того, не существует никаких приемлемых теорий, «овеществляющих» эту самую самоидентификацию. Что программировать? Что переносить? Только какой-то набор (естественно, по предварительным алгоритмам отобранный) реакций личности на воздействия. А при *отсутствии* теоретической концепции «Я» — *никакое* из воздействий отбросить нельзя. Всегда существует неопределенность — отброшенное может оказаться значимым для «Я».

² В частности, квантовая физика имеет дело с проблемой нелокальности (математический аппарат квантовой механики требует, чтобы любые отдельные измерения свойств квантовомеханической системы рассматривались как части одного квантовомеханического состояния, *независимо* от степени отдаленности измерений во времени и/или пространстве), которая при решении вполне может привести к исчезновению самого ограничения переноса информации скоростью света.

сказать, не технологичным в привычном нам смысле. Например, изобретение каких-нибудь силовых полей — и тогда вместо, скажем так, робото-человека может быть просто человек, но окружённый защитным полем, при этом задача вида «функционирование в космосе без скафандра» выполняется в обоих случаях. Заниматься футурологическими прогнозами — дело неблагодарное, сразу вспоминается, как в XIX веке считали, что большой проблемой будет уборка лошадиного навоза с улиц мегаполисов.

О преодолении границ чел-овечества как вида говорят и представители иных мировоззрений, отличных от сатанизма. В этой теме можно выделить два направления: условно говоря, «духовный» и «технологический» путь.

К первому, например, относятся такие представители, как П.Д. Успенский («Психология возможной эволюции человека»), Шри Ауробиндо и Сатпрем («На пути к сверхчеловечеству. Эссе экспериментальной эволюции») ¹. Идея заключается в том, чтобы с помощью какой-либо «духовной практики» расширить сознание и превратиться в существо нового типа. Вообще-то идея далеко не нова. Не к этому ли стремятся все йоги, буддисты и т.п.? «Эволюция — это результат личных усилий», — говорит Успенский. Но здесь содержится еще идея массового перехода крупных лысых обезьян, называющих себя «людьми», в это состояние. Превратиться, так сказать, в расу будд и бодхисаттв. Хотя и признается, что «все люди не могут развиваться и стать другими».

Не станем тут подробно тщательно критиковать эту идею. Скажем так: некоторые представители человечества делают попытки уйти этим путем уже в течение тысячелетий. Прогресса не видно, хотя это, конечно, не срок для эволюции. Руководствоваться этой идеей мы не склонны ². Но некоторые их мысли и эпитеты заслуживают внимания:

«Человек не является окончательным продуктом эволюции, человек — это переходное существо», — говорил Шри Ауробиндо, — «он на пути к сверхчеловеку» ³. А вот выдержки из Сатпрема, его последователя: «Мы перед новым эволюционным кризисом, таким же радикальным, как это, вероятно, было во время первого проявления человеческих признаков среди обезьян», «Человек не является концом цепи, он не более, чем археоптерикс на вершине рептилий», «Вершиной человека или чего бы то ни было является не совершенствование данного вида, а что-то другое», «То, что казалось далёким и божественным для орангутанга, уже близко и менее божественно для нас».

Прекрасная мысль от Петра Успенского: «Человек должен приобрести качества, которые, он полагает, у него есть, но по поводу которых он вводит себя в заблуждение. До тех пор, пока он верит, что обладает этими качествами, он не сделает правильных усилий

¹ То, что мы привели здесь этих авторов, не обозначает, что мы согласны с их позицией. Это лишь иллюстрация того, что отдельные представители чел-овечества задумывались над данной проблемой, пытаясь разрешить ее с описываемой стороны. Реализация же доходила до смешного: к примеру, Шри Ауробиндо писал: «Я собираюсь доказать, что только в вечном теле может быть вечная душа. Мое тело будет жить вечно, оно бессмертно. [...] Я очистил свое тело, и сверхчеловек нисходит с небес и медленно, медленно входит в это тело. Это тело намеревается быть бессмертным, и тогда я научу своих учеников, как стать бессмертными». Эти заявления ничуть не мешали ему стареть, а затем умереть. И что же заявили его последователи? Весьма ехидно по этому поводу прошелся Бхагаван Шри Раджниш, цитируя слова учеников Ауробиндо: «Он не может умереть, это невозможно. Должно быть, это определенная стадия, когда он покинул свое тело, а в его тело входит сверхчеловек, — это просто промежуточная стадия, перерыв. [...] Похоже, что пройдет немало времени, прежде чем сверхчеловек сойдет с небес, поэтому надо поместить тело в мраморную гробницу». Далее Раджниш задает резонный, хотя и риторический вопрос: «Какое же должно быть человечество, чтобы оно поверило во все это — в то, что это перерыв?», а мы так же риторически отвечаем: оно должно всего-навсего быть чел-овечеством.

² Т.е. мы не станем подстрекать человечество на этот путь, имея о нем не лестное мнение и не руководствуясь идеей кармы (о том, что «горбатого могила исправит», т.е. в следующих воплощениях он будет постепенно улучшаться).

³ Напомним, что de facto первым философию человека как переходного этапа сформулировал Фридрих Ницше.

для их приобретения». О чём речь? Мы бы сказали — о разуме; или о адекватно функционирующем сознании, что, собственно, и имел в виду автор.

Мнение такого рода «духовных путников» о технологическом развитии часто бывает довольно прохладным: «Мы не прогрессируем, а только раздуваем безмерно огромный ментальный шар, который может скоро лопнуть; мы не улучшили человека, а только увеличили его», — Сатпрем. Идея о том, что технологически можно изменить чел-овеческую сущность, видимо, еще не дошла до сознания масс. А главное, основное препятствие состоит в *табу* на улучшение человека как раз по шибко духовным мотивам.

Причем подобные табу проистекают только из рутинности, свойственной чел-овеческой природе — лучше всего она выражена в догмате «Человек — венец Вселенной». Стоит заметить, что при всей разумности и диалектичности¹ мышления некоторых лучших представителей чел-овеческого стада, этот догмат — самый трудный для преодоления. Но трудность эта — не логическая. Действительно, осознавая, что движение (изменение) — неотъемлемое свойство материи, а эволюция — такое же неотъемлемое свойство достаточно сложно организованной материи (что давно показано синергетикой, что бы по этому поводу не пытались заявить креационисты), просто нелогично лишать этого свойства такую сложную структуру, как человек. Но лишают же, заявляя о «вершине творения»! Не хочет человек видеть своего реального места — всего лишь очередной ступеньки на бесконечной лестнице развития...

Главный «философский узел», который не разрублен, и не может быть разрублен в идее изменения чел-овечества «духовными практиками», как ни странно — теорема о неполноте Курта Гёделя. Никакая система изнутри непознаваема до конца, а значит — о сознательном ее качественном изменении «собственными средствами» не может быть и речи. Изменение при неполных данных приведет к непрогнозируемым результатам. Поэтому субъект, как бы он глубоко не медитировал, какие бы личные усилия он не прилагал для внутреннего очищения, самоотстранения и просветления, не выйдет за пределы своей вполне реальной и ограниченной чел-овеческой системы-оболочки². Не может быть неограниченного познания при ограниченности познающего. Решение может лежать только *вне* существующей системы Homo Sapiens.

Из известных представителей идеи технологической эволюции человека мы назовем Константина Эдуардовича Циолковского.

Циолковский писал не только о расселении людей в «эфире», но и намечал пути биологической эволюции человека как вида. По его идее развитие чел-овечества в пределах Земли — это эмбрионная стадия его существования. В будущем межзвездное пространство станет естественной жизненной средой людей, как когда-то была естественной средой для далеких предков человека вода, затем оказалась атмосфера... При длительном пребывании в невесомости, в будущих эфирных городах, описанных технической фантазией Циолковского, появятся изменения внешнего вида и некоторых функциональных характеристик человека: работа мышц, сердечно-сосудистой системы

¹ Здесь «диалектичность мышления» — термин аналитической психологии. Это мышление, способное к самоизменению. Альтернатива — «рутинное мышление». Термина «нерутинное мышление» не существует. Убедительная просьба не путать с диалектикой Гегеля и марксизма-ленинизма.

² Здесь «система-оболочка» — эвфемизм объектного овеществления разума, его пространственно-временной локализации, физическая реализация системы, которая является носителем разума. И эта система, как и любая другая сложная нелинейная система — изнутри непознаваема *собственными* средствами познания. И чтобы однозначно познать эту систему, «усредненную физико-психическую модель Ното», нужно самому не подпадать под эту модель, быть «вне её» — не в пространственном смысле, конечно. Нужна *иная* система, система иного множества. И, естественно, человеки могут оставаться человеками и в самом «экзотически-кибернетическом» носителе. Основной познающий инструмент — разум, и объективное познание «человеческого» возможно только вне этого инструмента — «человеческого разума». На любом ином знании всегда будет *человеческая* субъективность. Человека может познать только не-человек.

и т.д. Когда-нибудь люди станут истинно «космическими животными» — термин Циолковского. Это значит, что они обретут способность существовать непосредственно в космосе без специальных средств защиты и вне каких-либо капсул, кабин, станций и т.п. Несомненно, это потребует коренного биологического преобразования. Фактически возникнет новый вид существ.

Циолковский представлял себе будущих высших разумных существ почти бесплотными, с легкими прозрачными крылышками для улавливания энергии Солнца, в которых происходят процессы фотосинтеза. Существа свободного космоса, нарисованные фантазией Циолковского, не будут нуждаться ни в пище, ни в питье, ни в жилье, летая свободно и существуя безбедно. Они станут жителями Вселенной...

Масштабные, но достаточно наивные мечты. Причем речь в данном случае идет об изменениях параметров вида под действием новых природных факторов, а не целенаправленного контролируемого развития.

Развитию, как известно, нет предела. Во что же дальше оно превратит потомков реликтовых обезьян? Прогноз на столь отдаленную перспективу все больше напоминает голую фантазию. Мы можем предположить, что будут предприняты попытки объединения разумов в глобальную сеть¹ и, возможно, перенос ее на нематериальный носитель².

Еще дальше, видимо, следует состояние, когда уже не остается тел и связанных с ним психологических драйверов. Просто разум — независимый и всемогущий, если смотреть из отправной точки. Одним словом, состояние, близкое к пониманию некоторыми бога. Но не будем здесь переходить на мистику или теологию.

В нашей терминологии — это уход во Тьму, что отражает очень важный нюанс: не «слился» и всё, вечный кайф (либо наоборот), это уход в Тьму, т.е. туда, где тебя из текущей точки уже не видно. Как писалось в «Princers Omnium», Тьма — это не абсолютный потолок, последняя сфера, к которой прибиты звезды, — а бесконечная анфилада, перспектива, фрактал, Бездна.

Удаленные предметы сливаются с горизонтом, и небо сходится с землей, но это иллюзия. Странно заявлять, что за горизонтом ничего нет, но почему-то многие уверенно заявляют, что во Тьме как раз ничего нет. Описать то, что находится за горизонтом (и во Тьме) — проблематично. Но нам думается, что дошедшие до горизонта с ним не сливаются и вряд ли находят там «вечный кайф». Во Тьме для нежных душонок нет блаженства. Но для жадного ума — там Неизведенное.

Необходимое отступление

Что делается во вред человечеству, то объявляется «любовью к каждому отдельному человеку», а в чём в самом деле спасение человечества, то это именуется человеконенавистничеством.

О. Вещий³

В смысле — отступление на тему необходимости. Эта проблема уже затрагивалась в окончании главы «Человек — это звучит гордо?» на стр.60, не будем здесь повторяться. Если ничего не предпринимать, то постоянно ухудшающиеся параметры здоровья, интеллекта и т.д. населения приведут к тому, что здоровый и умный человек будет

¹ Имеется ввиду доступ к глобальной сети, а не объединение в единый сверхразум. Мы все же индивидуалисты :-)

² Трудности, возникающих при осуществлении этой идеи, расписаны ранее на стр.85.

³ Цитата из романа Ю. Никитина «Башня-два». Читать не рекомендуем, но эта фраза очень верно сформулирована.

выглядеть аномалией на общем фоне в духе фантастики стиля dark future. Впрочем, и в настоящем картина складывается достаточно характерно.

Проблема ухудшения здоровья рождающихся детей настолько существенна, что начинают приниматься уже организационно-административные меры. Наличие таких мероприятий — это маркер того, что врожденная патология выходит из разряда «природных сбоев», и становится *системой*..

Приведем примеры:

- Приказ МЗО РФ от 23.05.97 №162 «О создании федеральной системы эпидемиологического мониторинга врожденных и наследственных заболеваний и пороков у детей».
- Приказ №268 от 10.09.98 — «О мониторинге врожденных пороков развития у детей».
- Федеральная Программа «Дети-инвалиды».
- Целевая медико-социальная программа Санкт-Петербурга «Дети-инвалиды» от 13 января 1999 года¹ (Программа была скалькирована большинством крупных городов СНГ).

Приказы фиксируют существующую эпидемиологическую картину — неуклонное возрастание количества врожденных и наследственных заболеваний. Федеральная Программа прямым путем, а приказы — косвенным путем *способствуют усугублению* этой картины — фиксируя снижением летальности в этих группах существующие генные нарушения в общем генофонде и переводя часть из нарушений в разряд de facto доминантных.

Следует также отметить, что при наличии конкретных целевых программ адаптации существующих инвалидов практически отсутствуют столь же масштабные государственные программы, направленные на качественное изменение существующей ситуации с врожденной и наследственной патологией. Есть программы на «здесь и сейчас», но программ на «потом» практически нет. Программ, способствующих качественному снижению количества врожденных и наследственных патологий. Даже такие элементарные меры, как пренатальная (дородовая) диагностика грубой врожденной патологии не реализованы на государственном уровне. Именно обязательная, на первых порах фактически принудительная диагностика (как это, например, в свое время практиковалось с обязательной флюорографией). Причина, конечно, одна — обязательность на государственном уровне обязательно связана с бесплатностью и убыточностью программы. Но подобная экономия — себе дороже. Ведь, с одной стороны, содержание одного инвалида с грубой генетической патологией отнюдь не дешевле тысячи бесплатных исследований, а с другой стороны продолжающееся соскальзывание любой нации в «генетическую дыру» сопряжено с прогнозируемым увеличением затрат на поддержание ухудшающегося здоровья нации. Все это — элементарно просчитываемые вещи, но в нашем *гуманном* обществе они, видимо, не имеют должного приоритета.

Выдержки из «Инструктивных и методических материалов по установлению инвалидности у детей» (по заказу министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации в соответствии с федеральной программой «дети-инвалиды»), 27 августа 1996 г.:

«Эксперты ООН и ВОЗ придерживаются мнения, что лица с ограничениями жизненных и социальных функций (так называемые "дезабилные лица" по терминологии ВОЗ) составляют около 10% населения земного шара², из них более 120 млн. — это дети и подростки. Результаты общенациональных

¹ Объем финансирования — 77.565.000 рублей.

² Как вам процентик?

обследований ... выявляют более высокий удельный вес детей с недостатками в умственном и физическом развитии (4-12% всей детской популяции)».

«Инвалидность у взрослых часто обусловлена патологией, берущей начало в детском возрасте, нередко — в перинатальный период. Так, в Российской Федерации инвалиды с детства составляют более 12% от общего числа всех инвалидов, впервые ежегодно регистрируемых органами социальной защиты населения, а среди инвалидов в возрасте до 39 лет их доля составляет 55,6%».

К категории детей-инвалидов в соответствии с приказом Минздрава Российской Федерации №117 от 4 июля 1991 г. «О порядке выдачи медицинского заключения на детей-инвалидов в возрасте до 16 лет» относятся дети, имеющие

«...значительные ограничения жизнедеятельности, приводящие к социальной дезадаптации вследствие нарушения развития и роста ребенка, его способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контролю за своим поведением, обучению, общению, трудовой деятельности в будущем».

Что конкретно значат эти общие обтекаемые слова? Для краткости коснемся только патологии умственного развития. Из энциклопедии по психиатрии Д.Еникеевой:

«...По данным Всемирной организации здравоохранения, в последние годы происходит увеличение числа умственно отсталых людей. Во многом это обусловлено тем, что акушеры выхаживают детей с явными пороками развития и дефектами центральной нервной системы, а также недоношенных с весом менее 1 килограмма, которые раньше погибали.

...При глубокой степени олигофрении (имбецильность, идиотия) больные не способны к интеллектуальной деятельности.

При дебильности наиболее отчетливо проявляется слабость отвлеченного мышления, преобладание конкретных связей, не выходящих за рамки привычных представлений. Высшие формы мышления — способность к анализу, синтезу и абстрагированию — олигофренам недоступны. Логическое мышление у них отсутствует...

...При отсутствии высших эмоций у олигофренов сохранены примитивные эмоциональные реакции — обида, злоба, гнев. Чем сильнее умственное недоразвитие, тем больше удельный вес эмоциональных реакций, не соответствующих раздражителю. Олигофренам свойственно отсутствие способности подавлять свои влечения.

...Они склонны к импульсивным, необдуманным поступкам. Слабость побуждений сопровождается отсутствием целенаправленности и последовательности поведения. Олигофрены не способны предвидеть последствия своих поступков.

...У всех дебилов отмечаются нарушения в эмоционально-волевой сфере — слабость самообладания и недостаточная способность подавлять свои влечения, неспособность обдумывать свои поступки и их возможные последствия, импульсивность поведения.

Среди дебильных больных довольно часто встречаются лица с расторможенностью примитивных влечений. Не будучи способными удовлетворять свои повышенные сексуальные потребности естественным путем, многие из них прибегают к сексуальным извращениям — эксгибиционизму, фроттеризму, гомосексуализму и другим.

...Некоторые из них... вспыльчивы, злобны, мстительны, могут быть агрессивными и склонными к разрушительным действиям. Дебилы могут быть упрямы, патологически настойчивы, может быть нелепая и непоколебимая убежденность в чем-то, у некоторых возникает склонность к сутяжничеству.

Большинство из них не критичны к своим низким интеллектуальным способностям и своей несостоятельности.

Одна из характерных черт дебилов — их повышенная внушаемость. Они легко попадают под чужое влияние и могут стать орудием в чьих-то руках. Это наиболее опасно в случаях, когда дебил попадает под влияние человека с асоциальными или криминальными наклонностями и, исполняя его волю, но не осмысливая обстановку и не отдавая себе отчета в последствиях своих действий, может совершить уголовно наказуемый поступок. Среди преступников и проституток (особенно малолетних) дебилы составляют немалое число.

Идиотия — наиболее тяжелая степень олигофрении. Коэффициент интеллектуальности — ниже 20¹. Психическое развитие больных идиотией остается на уровне ребенка, не достигшего 3 лет.

...Никакая осмысленная деятельность при глубокой идиотии невозможна. Больные не могут себя обслуживать, не умеют самостоятельно одеваться, пользоваться чашкой, ложкой и вилок, иногда не умеют жевать, глотая непрожеванную пищу, поэтому их приходится кормить только жидкой пищей. Некоторые неопрятны, не умеют пользоваться туалетом или проситься, ходят под себя, но совершенно не тяготятся этим и могут долго оставаться в мокром и испачканном белье.

Почти полностью отсутствует познавательная деятельность. Больным недоступны даже элементарные умственные операции. Память не развита или очень слаба. Некоторые больные глубокой идиотией даже не отличают своих родных от посторонних, не узнают мать. Эмоции элементарны и связаны с ощущением удовольствия или неудовольствия, что выражается криками или двигательным возбуждением. При глубокой идиотии больные не умеют плакать или смеяться, способны лишь к гневливым вспышкам. Легко возникает злора, слепая ярость и агрессия. ...

У многих больных глубокой идиотией повышены и извращены влечения - они очень прожорливы, поедают все, что попадет, даже собственные нечистоты. У некоторых усилено половое влечение, что проявляется в упорном онанизме даже в присутствии других людей.

Глубокому дефекту психики часто сопутствуют дефекты физического развития».

Итак, дамы и господа гуманисты и противники евгеники, прочитавшие данные, приведенные выше: как вы думаете, являются ли описанные выше экземпляры людьми *de facto*? Если нет — то позвольте усомниться в вашем гуманизме, который считает человеком все, что рождено женщиной. Если «да» — то это уже, с нашей точки зрения, диагноз, — в связи с чем позвольте вас поздравить и пожелать таких же дебилов в качестве детей. И побольше, побольше © ...

Казалось бы, родители должны всенепременно проводить самые ранние диагностики «качества беременности», следя за здоровьем своего будущего ребенка. Но нет, даже для этого, видимо, надо быть сапиенсом.

Данные по *пониманию* будущими родителями проблемы пренатальной диагностики грубой патологии (по данным социальных опросов):

¹ Понятно, что он вообще не определяется.

Вопрос: Вы обращались к врачу-генетику при планировании беременности?

Всего откликов — 232

Нет	58 %
До зачатия	18 %
В первые 3 мес.беременности	15 %
В более поздние сроки	5 %
Затрудняюсь ответить	2 % ¹

Ну и кто мешал 85% будущих родителей воспользоваться уже существующими методиками эмбриональной диагностики (причем, именно диагностики *очень грубой* патологии)? Ведь в любой городской медико-генетической консультации эти вопросы давно решаются быстро и практически беззатратно. Смысл консультации — профессиональная оценка риска рождения в конкретной семье ребенка с наследственной болезнью или врожденным уродством. И такое консультирование показано *любой* семье, планирующей рождение ребенка. Такие широкие показания обусловлены элементарным фактом — риск рождения ребенка с наследственной болезнью или врожденным пороком развития есть у *любой* супружеской пары при *каждой* беременности. Этот риск складывается из многих составляющих:

- сегрегационного наследственного груза (генетического груза прошлых поколений);
- свежих мутаций, происходящих в ДНК наших яйцеклеток и сперматозоидов;
- неблагоприятных физических, химических и других влияний внешней среды на развивающийся эмбрион;
- аналогичных влияний на эмбрион со стороны материнского организма (инфекционные, эндокринные и др. болезни матери, интоксикации, в т.ч. и алкогольная).

Таким образом любой из нас имеет приведенные факторы риска. Поэтому и нужна количественная оценка их опасности для потомства конкретной семьи. Это что — настолько сложная и закрытая информация, что будущие родители, планируя, где они поставят манеж для будущего младенца, совершенно игнорируют вопрос о том, а сможет ли этот младенец ходить в этом манеже, или пролежит всю свою короткую жизнь в постели из-за отсутствия конечностей?

Грубейшая хромосомная патология (трисомии и др.) и органная патология (гипо- и аплазии) — выявляется со 100% эффективностью на самых ранних стадиях беременности².

Интересно, что опрос проводился в очень крупном городе, где существуют не только городская консультация, но и областная. Межрегиональная, а также Федеральный медико-генетический центр. Нет денег? А дауна воспитывать дешевле?...

«Да и вообще, политика государства построена так, что никто не может запретить женщине рожать ребенка, если она того хочет, даже если заранее известно, что на подходе, к примеру, дауненок с гарантированной имбецильностью. Конечно, многие скажут, что это ее личное дело. Вот только возиться потом с этим ребенком обязано государство — есть специальные дома-интернаты для таких детей с полным пансионом за счет государства, с педагогическим и медицинским обслуживанием — тоже абсолютно бесплатным для родителей, плюс к этому — денежное пособие на ребенка,

¹ Этот ответ особенно умиляет, не так ли?

² Обратите внимание, что таковые процедуры не выполняются низкоинтеллектуальными слоями населения, не только из-за «высокой» стоимости соответствующего медицинского обслуживания, а чаще просто потому, что необходимость этого *не приходит им в голову*. Между тем обратная зависимость между IQ родителей и количеством детей в семье прослеживается статистикой очень четко.

независимо от того, что он всю неделю содержится в интернате. Потрясающе! И ведь выходит, что даунов рожать чуть ли не выгоднее, чем нормальных детей!»

— Элайда, «Государство с человеческим лицом плюс дебилизация всей страны»

Как мы указали выше, риск рождения ребенка с наследственной болезнью или врожденным пороком развития есть у *любой* супружеской пары при *каждой* беременности; разумеется, степень риска разная. И самое сложное и неоднозначное — это оценка «сегрегационного балласта», т.е. того, что досталось нам от множества поколений предков. Такой груз имеется у каждого человека — ведь было бы крайним идиотизмом полагать, что мутационный процесс совершенно не затронул «именно мою» линию. На самом деле *любой* человек является носителем по меньшей мере 4-5 генов наследственных болезней, а что касается количества различных «частных» патологических мутаций — то в геноме любого человека их гораздо больше. И именно в эту область, как в самую ресурсозатратную и научно не разработанную, но в то же время связанную с наибольшим числом наследственных сюрпризов, стоило бы вкладывать большинство средств и ресурсов — образно говоря, делать капитальный ремонт дома с привлечением специалистов, а не ставить подпорки под стены, чтобы дом не развалился..

Но чел-овечество не только не ведет общеобязательного мониторинга беременностей, но даже под знаменами гуманизма специально разводит неполноценных особей¹. Приведем свидетельства очевидца — Элайда, op.cit.:

«Два года назад я работала в Загорском (сейчас Сергиево-Посадском) детском доме для слепоглухонемых детей... Сейчас этот детский дом (некогда уникальный, единственный в Союзе, куда шел жесткий отбор по интеллектуальному признаку) превратился просто в, простите за выражение, "отстойник", куда свозятся дети с самыми тяжелыми патологиями, комплексными дефектами. "Чистых" слепоглухих там уже практически нет. Зато полным-полно детей с самыми разными отклонениями: ДЦПшные с бисенсорным дефектом различной тяжести, дети с прогрессирующей мышечной дистрофией и сенсорными дефектами (Позволю себе лирическое отступление: помню, мне там показали такую красивую девчущку лет 9 с потерей слуха, но зрячую и с нормальным интеллектуальным потенциалом, однако с прогрессирующей мышечной дистрофией. Уже в таком возрасте было заметно, что ручки и ножки у нее тоньше, чем должны быть, и ходит она с большим трудом. Она не знала, что вряд ли доживет даже до 19 лет...), дети с врожденными уродствами (например, отсутствие глазных яблок и врожденный вывих суставов ног) и часто с сопутствующим снижением интеллекта вплоть до самых тяжелых степеней (большое благо для них, надо сказать, ибо сами они не осознают своей неполноценности и психологически не страдают от нее), сопутствующие всему этому эпилепсия и пороки внутренних органов — тоже в различных вариациях и на любой вкус. Примерно треть всего этого задвинутого контингента составляют так называемые "краснушные" дети, то есть дети, мать которых во время беременности болела краснухой. Все они страдают микроцефалией (непропорционально маленький объем черепа и головного мозга за счет неправильного формирования центральной нервной системы во внутриутробный период и раннего заражения младенческих родничков) и, следовательно, олигофренией в степени тяжелой дебильности или имбецильности плюс нарушениями зрения и слуха различных степеней.

¹ Термин «неполноценные особи» употреблен специально, чтобы вызвать инфаркт у гуманистов, которые, может быть, рискнут прочесть эту книгу.

Кроме того, все они значительно отставали в росте, были подвержены всяким инфекционным заболеваниям. Были там также и дети с синдромом Дауна (куда же без них-то?).

... Вот и еще один небезынересный пример. Недавно я увидела телепередачу про все тот же "любимый" незабываемый Загорск, где в приторно-восторженных тонах журналистами описывалась жизнь детдома. Много рисовалась в кадре завуч. ... Она рассказывала о детишках (кстати, возраст тамошних "детишек" колеблется в диапазоне от 2-х лет и до бесконечности. А куда их девать-то? К жизни в обществе они не приспособлены, ухаживать некому — от большинства родители отказались, а в московские дома инвалидов их тоже принимают весьма неохотно — своих хватает). ... Надо было видеть, с каким умилением она доказывала, что у них там все "как у всех нормальных людей". Для великовозрастных воспитанников даже специальные корпуса с квартирами построены. "Уже несколько свадеб сыграли (!). Батюшка из Лавры освещал..."

... А детдомовцы вот поженились, живут вместе и плодят следующее поколение — такое же, а чаще — еще более патологичное, чем сами. Кстати, еще два года назад я уже имела честь лицезреть в детдоме представителей так называемого второго поколения. Зрелище не из самых радостных... Вот так, медленно, но неуклонно, загорский детский дом разрастается, чем-то напоминая завод по производству средств производства и жрет все больше финансов

... Не могу без недоумения и горечи смотреть на такие вот grimасы гуманизма, каким нам его преподносят. "Гуманизма", густо замешанного на противоестественных христианских принципах, да еще с большой долей вульгарности и примитивизма, привнесенной с Запада, который все активнее, такое впечатление, стремится вмешаться в наши внутренние дела страны. Мы всегда были великой державой. Невольно возникает мысль, что кому-то может быть выгодно наше вырождение как нации, превращение славян в слабосильных и слабоумных рабов, которыми легко можно управлять. Я далека от политики, но то, что говорю, я чувствую всей душой. Так говорить позволяет мне переосмысление накопленного мною опыта. Могут сказать, что я видела только одну сторону или старалась видеть только одну сторону происходящего и что во всем можно найти негативные проявления как оборотную сторону медали. Что ж, каждый мыслит по-своему. Но, если называть вещи своими именами (чего не любят делать так называемые господа гуманисты с их "инакомыслящими", "инаковыглядыщими", "людьми с особыми потребностями" да и много чем еще), то хочется задаться все тем же вопросом: Почему так получается, что мы разрушаем себя, свой генофонд в угоду каким-то сомнительным абстрактным идеям и идеалам? Кто или что заставляет это делать и зачем?».

Демографические данные по детской хронической патологии (данные взяты из исследований РГМУ, каф. детских болезней педиатрического факультета №1, Москва¹)

«По данным Минздрава РФ, заболеваемость детей всех возрастных групп за последние пять лет значительно возросла. Частота болезней костно-мышечной системы увеличилась на 80%, мочеполовой — на 90%, нервной системы и органов чувств — на 35%, системы кровообращения — на 56%, болезней крови

---

¹ Публикация: журнал «Лечащий врач», №4, 1998, «Проблемы хронической патологии в детском возрасте и демографическая ситуация»; Г.А. Самсыгина, проф., д-р мед. наук; О.Ф. Выхристюк, канд. мед. наук.

и кроветворных органов — на 123%, болезней эндокринной системы — на 90%».

«В Российской Федерации в 1996 г., по сведениям Минсоцзащиты, насчитывалось 513.7 тыс. детей-инвалидов в возрасте до 16 лет, или 159.1 в расчете на 10 тыс. детей. В США, по данным американской печати, число детей-инвалидов достигает 11% всего детского населения, и далеко не все они обеспечены социальной защитой и медицинской помощью».

«Особую тревогу вызывает состояние здоровья детей, проживающих в домах ребенка и интернатах. Около половины этих детей имеют перинатальную патологию, до 10% — врожденные или наследственные болезни, более 20% родились недоношенными или с низкой массой тела. Только 6% детей поступают в дома ребенка здоровыми».

«Частота психических заболеваний в детском возрасте к началу 90-х годов в России достигла 15%, а в подростковом возрасте — 20-25%¹, что в десять раз выше показателя, полученного на основании данных официальной статистики (по обращаемости к психиатру)».

«Можно полагать, что неконтролируемый рост хронической патологии — одна из основных причин ухудшения демографической ситуации в России. Под угрозой оказалось здоровье последующих поколений: у больных родителей рождаются больные дети».

Ещё цитаты:

«Распространенность основных форм психических заболеваний среди детей и подростков каждые десять лет возрастает на 10-15%». — Ковалев В.В., «Психиатрия детского возраста». М., Медицина, 1985

«Нервно-психические заболевания являются причиной 70% инвалидности с детства... В настоящее время не вызывает сомнения существование мозговых дисфункций приблизительно у 20% детей в общей популяции». — Казанцева Л.З., Николаева Е.А., Новиков П.В., Семячкина А.Н., «Прогресс в изучении генетически детерминированных синдромов и болезней, характеризующихся нарушениями нервно-психического развития детей», Российский вестник перинатологии и педиатрии, 1998, №1.

«По комплексу медицинских и психолого-педагогических критериев 30-50% детей шести лет не готовы к школьному обучению. Только 20% юношей призывного возраста полностью соответствуют международным стандартам для службы в армии». — Альбицкий В.Ю., Сигал Т.М., Ананьич С.А., «Состояние здоровья детей из социопатических семей», *ibid*.

«Наблюдается рост числа детей с врожденными и наследственными болезнями почек: в нефрологическом стационаре до 20% больных, причем, согласно данным ЕДТА, именно эти заболевания являются основной причиной хронической почечной недостаточности» — Папаян А.В., Савенкова Н.А., «Клиническая нефрология детского возраста», Сотис, 1997

Из официального интервью с проф. Виталием Кордюмой² и начальником Главного управления организации медицинской помощи населению Минздрава Украины, доктором медицинских наук Ниной Гойдой:

¹ И еще раз: как вам процентки?

² Справка: Виталий Кордюм — украинский генетик, заведующий отделом Института молекулярной биологии и генетики Национальной академии наук, академик АМН и член-корреспондент НАН Украины, профессор.

«По определению ВОЗ здоровье на 40 процентов зависит от состояния окружающей среды, на 20 — от наследственности, еще на 20 — от условий труда и только на 8-10 — от доступности и уровня медицины.

Примечание акад.Курдюмы: Говоря о том, что здоровье на 20 процентов зависит от наследственности, эксперты ВОЗ имели в виду, так сказать, яркие клинические проявления такого рода недугов. Если же взять болезненность и предрасположенность, данный процент будет намного большим. В статистику ВОЗ не включаются наследственные заболевания с мягким течением, а также предрасположенность к такого рода болезням».

«В структуре младенческой смертности второе место занимают врожденные аномалии и другие наследственные болезни. Кроме того, сегодня у нас в Украине насчитывается около 160 тысяч детей-инвалидов в возрасте до 16 лет»¹.

Из высказываний академика Курдюмы:

«Медицина, исправляющая врожденную, наследственно обусловленную патологию, безусловно, гуманна. Но ведь сам наследственный дефект при этом не устраняется. Такой человек будет передавать его дальше. При всей кощунственности моих слов, каждый подобный ребенок, спасенный врачами, продолжает ухудшать здоровье населения в целом. Во многих государствах даже такие тяжелые наследственные болезни, как синдром Дауна, не считают показанием для аборта. Иначе говоря, во всех развитых странах благодаря возможностям медицины идет интенсивное генетическое загрязнение популяции.

...тут нужно развивать качественно новое направление. Я имею в виду молекулярный генетический метод, имеющий высокие разрешающие возможности. И если дешевые и достаточно простые, но тоже очень нужные биохимические анализы у нас сегодня энергично внедряют, то с тонкой диагностикой положение куда более сложное. Речь идет о следующем уровне - чисто молекулярных исследованиях, связанных с определением конкретных дефектов в конкретном гене. Таких патологий десятки. Это 99,9 процента всех заболеваний.

... Но ждать уже невозможно — анализ показывает, что население Украины в целом перешло в стадию ускоренного вырождения (а в некоторых регионах, возможно, и терминальную).

...Проблема [генетического вырождения — O&W] достигла такого масштаба, что даже наше правительство наконец-то приняло меры. Еще немного, и управлять ему будет некем...

... Если детей с врожденным уродством показать неподготовленным людям, это может произвести страшное впечатление. Подобный прием я бы отнес к числу запрещенных. Но, коль есть угроза, лучше показать. Пусть Он и Она знают, что ожидает их потомство².

... Экономисты и генетики подсчитали, что затраты на проведение своевременной диагностики и коррекции наследственных заболеваний будут в 27 раз меньшими, чем расходы на содержание и лечение людей с наследственной патологией, а также на пособия по инвалидности».

---

¹ Вот вам точная цифра по Украине на конец 2000 года. Процент подсчитайте сами...

² Как-то по каналу Discovery в передаче, посвященной теме нацизма в Германии, показали несколько кадров из агитационного фильма тех времен, как раз показывающих «производящих страшное впечатление». Действительно впечатляет. При этом шел комментарий на тему, как негуманно приговаривать таких вот беспомощных... э-э-э... малюток к эвтаназии. Впрочем, этой теме будет посвящена отдельная глава.

И.С. Клейменова, «Комплексное лечение нарушений психоневрологических функций у детей первого года жизни как профилактика инвалидности», Областная детская клиническая больница, г. Воронеж. — Научно-Медицинский Вестник ВГМА им. Н.Н. Бурденко (№1):

«В первые годы жизни нарушения двигательного, психоречевого развития являются тревожными симптомами, требующими врачебного наблюдения и лечения, и выявляются, по данным Харьковского медико-генетического центра (1998), у 78-82% всех обследованных детей».

«За последние 10-12 лет в Российской Федерации на фоне резкого ухудшения показателей общего состояния здоровья отмечен рост психоневрологической инвалидности. По данным Минсоцзащиты распространённость детской инвалидности с 1990 по 1997 год увеличилась практически в 4 раза». — Зелинская Д.И., 1997.

«Согласно прогнозируемой оценке груза больных с инвалидизирующими болезнями на 2000 год ожидается рождение 4050 детей с инвалидизирующими болезнями разной этиологии на 10 млн. населения, которые потребуют 155 млн. рублей для их обслуживания и лечения». — Кулешов Н.П., Мутовин Р.Г., 2000.

«Необходимо отметить, что в структуре детской инвалидности 60% занимает патология нервной системы, причем более 70% случаев неврологических нарушений являются врожденными или связаны с перинатальным периодом и относятся к дизнейроонтогенетическим процессам». — Коломенская А.Н., Александрова Н.К., 1996.

... et cetera ad infinitum.

Почему же, может возникнуть вопрос, такое происходит? Ведь не могут же механизмы биологической эволюции способствовать деградации вида, следовательно — так считают некоторые, в основном с буддистским уклоном в мировоззрении — все само собой придет со временем в норму, дескать, Природа знает, что делает и т.д. Между тем человек, как мы отмечали выше, давно уже перестал быть объектом природной эволюции, изменяя природу по собственному желанию. Но на самом деле ситуация еще любопытнее.

Дело в том, что популярное понимание эволюции как «выживание наиболее приспособленных особей» некорректно (как и большинство общепринятых популярных пониманий). В эволюционном плане приспособление обозначает точность копирования: чем больше данный объект приспособлен, тем больше у него шансов размножения. Природе глубоко безразлична судьба отдельных экземпляров, эволюция всегда работает на выживание *вида*. К примеру, существует множество видов мотыльков-однодневок, продолжительность жизни которых около суток, но которые успевают дать потомство и размножиться. Вообще долгожителей среди животных не так уж и много.

В 1976 году известный биолог Ричард Докинз опубликовал книгу с описанием теории «себялюбивого¹ гена», развил концепцию, высказанную в 1963 г. Уильямом Д. Гамильтоном. До Гамильтона генетики придерживались оригинальной формулировки Дарвина о том, что движущей силой эволюции являются *единицы вида*, выживание и размножение самых приспособленных из них. Однако, Дарвин ничего не знал о ДНК...

А именно в ДНК хранится та самая информация, передаваемая из поколения в поколение. Представители любого рода *не создают своих копий*; они лишь *передают свои*

¹ В некоторых переводах — «эгоистичного». В оригинале — selfish.

гены потомкам¹. Соответственно, «объект выживания самых приспособленных» — это наиболее эффективно реплицирующиеся части ДНК, а они сами являются лишь носителями. С точки зрения гена человек — это всего лишь орудие для копирования генов.

Современные генетические исследования показали, что ДНК состоит в значительной степени из «мусора», который не нужен организму. Каждая клетка тела содержит *полную* копию ДНК, что совершенно не нужно для ее функционирования. Но это удивляет, только если подходить со стандартной чел-овеческой позиции, который считает, что все вокруг вертится исключительно ради него, любимого. Однако с «генной точки зрения» тело-носитель служит хранилищем копий генов — и не более того. Фрагменты ДНК не соперничают между собой в борьбе за пропитание или в поисках партнеров для размножения, так что надеяться на то, что природа сама «повыбрасывает мусор» — наивно.

Более того, согласно современным научным данным, никакого наличия разума у отдельных генов не обнаружено, — следовательно, инстинкт самосохранения у них отсутствует. Таким образом, ген «стремится» не продолжить свое конкретное существование как отдельного экземпляра, а размножиться. Для этого, разумеется, требуется размножение организмов, которые являются носителями, но каково будет при этом самому организму — гену безразлично.

Собственно говоря, к чему это все пишется?

Представьте ситуацию, что появляется ген, который вызывает определенную болезнь, крайне неприятную для носителя, но не мешающую его размножению. Простейший пример — гемофилия. Если оставались бы наиболее приспособленные организмы (по Дарвину), то мы бы и названия такого не знали бы — особи-носители отсеялись бы еще в древности.

Итак, этот самый ген стремится размножиться, чем вызывает у населения соответствующую болезнь. Что будет происходить при этом? А элементарно — особенности чел-овеческой психики приводят к тому, что практически каждый стремится оставить после себя детей. Выживание же организмов после окончания репродуктивного периода геном не волнует ни в малейшей степени. При этом, если из-за болезни будет ранняя смертность, то детей будет стараться завести как можно раньше и как можно больше. Государственная политика также будет направлена на эти цели — народы всегда ужасает уменьшение их количества, несмотря на то, что Земля давно уже переселена.

Резюме: получим популяцию носителей гена, у которых уменьшен срок жизни (во время которой они страдают соответствующей болезнью), которые стремятся как можно быстрее завести побольше детей. Далее все эти качества будут закрепляться в ДНК и передаваться по наследству...

Как вам перспектива?

А теперь обратите внимание на то, что если в описываемой ситуации появится другой патологический ген аналогичного действия (вызывающий другой дефект), то он *не будет* конкурировать с первым, более того — их «интересы» *совпадают*. Дальше продолжать?

Теперь обратим внимание на то, что при естественной эволюции размножение генов, патологических для носителя, сдерживается естественным же образом: носители не

¹ Вспомните стандартную «мотивацию» рождения детей: «Хочу, чтобы мои гены продолжились в моих детях!». А зачем? Что с этого *индивидууму*? Ровным счетом ничего. А вот *генам* это очень даже «выгодно»...

Кроме этого, теория «эгоистичного гена» прекрасно объясняет самопожертвование взрослых животных ради своего потомства (больше останется генов). Статистически конфронтация с хищником приводит к двум вариантам: «брось потомство и спасайся» и «попытайся защитить выводок». Как думаете, какая стратегия поведения будет *передана по наследству*? А какая более разумна с т.з. выживания *конкретного* индивида?

выживают и не успевают достигнуть периода размножения (репликации генов). При современном же состоянии медицины, которая способствует жизни изначально к ней не приспособленных, эти гены получают куда больший шанс размножиться. Более того, аргумент «далеко не все инвалиды имеют детей» в данном случае просто не имеет значения: гену безразлично, проявляется переносимая им болезнь физиологически же или существует в латентной форме. Реплицироваться он будет при помощи внешне здоровых особей, а, следовательно, дети с патологией развития будут постоянно появляться как побочный эффект, имеющий в качестве следствия желание «в конце концов родить здорового ребенка», что, разумеется, опять приведет к увеличению количества детей...

Суть всего этого можно выразить одной фразой — так как существующие геномные методы «самосохранения» не имеют механизмов выявления будущего патологического признака, то по закону «выживания стабильного» весь геном будет тщательно скопирован при размножении, включая привнесенную патологию. Орудием отбраковки в этом случае должна являться среда, но гуманистический подход делает такую отбраковку невозможной. Именно поэтому любая привнесенная мутация прибавляется в уже существующим и фиксируется в последующих поколениях. И так — до полного вырождения, ситуации, когда пул когда-то «ненормальных» признаков станет новой ущербной *нормой*.

Приведем еще одну газетную вырезку в качестве иллюстрации («МК», №178 от 14 августа 2000, «Молящие о смерти»):

«"Господи, когда же ты заберешь меня и детей моих?"¹ — баба Нюра с тоской вглядывается в старинную икону, мелко крестится и тихонько, скороговоркой, повторяет одни и те же слова. Они налезают друг на друга, окончания проглатываются, и кажется, она вот-вот захлебнется в собственной молитве. Баба Нюра смахивает слезы крошечным, почти детским кулачком, и они тут же тонут в глубоких морщинах.

Эта сцена продолжается два раза в день, утром и вечером, вот уже двадцать лет. Но бог молчит. Видимо, он совсем забыл про 92-летнюю старушку или обиделся на нее за то, что она пошла против веры, желая смерти себе и своим детям.

Но в Частой Дубраве, что в Липецкой области, думают по-другому. Когда баба Нюра умрет, люди скажут только одно: "Отмучилась".

— У нас в селе дураков-то много, а слепоглухонемых только двое — Валька да Шурка, — обыденно объясняют² в Частой Дубраве и охотно показывают на дом местных знаменитостей. — Был у бабы Нюры еще и третий такой же убогий сынок, Петька, да бог уж лет 15 как к себе прибрал. Повезло...

Покосившаяся мазанка с маленькими слепыми окошками. В доме — жуткая грязь, на столе — краюшка черного хлеба и несколько подгнивших луковок. На лавке, как метроном, качается коротко стриженная старушка в латаном-перелатаном платишке и почему-то с седой бородой. Она уставилась в одну точку и громко мычит. Хочется бросить все к чертовой матери и бежать отсюда куда глаза глядят.

Но тут на пороге появляется беленький старичок в кепочке, похожий на Вальку и с таким же остановившимся взглядом, и заслоняет все пути к отходу. Из глубины дома выходит хозяйка, баба Нюра, и деловито ставит на огонь древний чайник. Вот и все, семейство в сборе, отступать некуда.

— Не бойся, дочка, днем Валька у нас мирная, — успокаивает баба Нюра, — А вот по ночам с ней не совладаешь. Бьет о стену кулаками и, как собака на погосте, воеет, жрать просит. Поставлю рядом ведро и полночи лью на неё из

¹ Кстати, к вопросу об эвтаназии :-)

² Что характерно: «у нас дураков много» — *уже обыденно...*

ковша ледяную воду. А руки-то у меня не гнутся, и сил совсем не осталось. За что мне такое, за что?!

Анна Борисовна Таравкова всю жизнь была знатной дояркой. Вставала в три часа утра (или ночи?), пехом тащилась на колхозную ферму. В бесшумных резиновых сапогах и замызганном ватнике отходила не один десяток лет. За день успевала "обработать" 70 буренок. Всех коров сортировала она на "хороших", дающих много молока и приносящих пользу государству, и "плохих", от которых никакого толку. Пришло время, и детей своих она поделила так же...

Муж ее, работяга Василий, трудившийся в колхозе конюхом, погиб в первые же дни войны. И остались на Нюркиных руках шестеро мальцов — трое хороших и трое плохих.

— Машка, Вовка и Васька здоровыми были. Помогали мне во всем, да померли рано, — вздыхает Анна Борисовна. — Да и Валька, хоть глухонемой с рождения была, поначалу немного видела. В школе специальной училась, даже крестиком вышивала — всю избу вон своими работами завешала. И красивой по молодости была, да отнял господь разум. А потом еще и ослепла — доктора так и не сказали почему.

Единственное, на что ещё способна юродивая Валька, — колотить палкой по ржавому тазу с замоченным бельем. Это она стирает. А брат Шурка, пока окончательно не потерял зрение, полезным человеком на селе слыл. За чарочку починал обувку. А теперь слоняется без дела по селу — тропки новые прокладывает. "Стаптывает последние резиновые калоши", — недовольно ворчит баба Нюра и затягивает привычную молитву.

В Частой Дубраве не увидишь привычной деревенской картины — сохнувших кастрюль на частоколе. Всю кухонную утварь здесь прячут под замок, иначе местные алкаши сдадут ее в городе за бутылку в утиль. В деревне часто не бывает света — как и по всей России, здесь охотятся за проводами. Раньше здесь только пьяниц много было, а теперь еще и наркоманы появились. Благо конопля под ногами хватает. Вот и рождается на селе все больше дураков, по сравнению с которыми Валька и Шурка еще не самый тяжкий крест. Но баба Нюра на чужих не оглядывается, ей бы со своими управиться!.

Милая пасторальная картинка, правда?

Так вот — повторимся — чел-овечество отнюдь не принимает экстренные меры по предотвращению вышеописанной картины, а с точностью до наоборот — всемерно (и всемирно) содействует развитию патологий.

Принятая в 1961 г. Европейская социальная хартия закрепила (ст.15) «право физически и умственно нетрудоспособных лиц на профессиональную подготовку, восстановление нетрудоспособности и социальную реабилитацию». О дальнейшем развитии гуманизма (победа сил добра над силами разума, в общем говоря), свидетельствует Декларация социального прогресса и развития, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1969 г., заявившая о необходимости «защиты прав и обеспечения благосостояния инвалидов, а также обеспечения защиты людей, страдающих физическими и умственными недостатками»; в 1971 г. ООН принимает декларацию "О правах умственно отсталых».

«Социальные прогресс и *развитие*» понимается как обеспечение благосостояния (за счет здоровых) принципиально нетрудоспособных с одновременным «восстановлением трудоспособности»...

В 1970 г. в Великобритании принят «Акт об образовании», который включил в систему спецобразования детей с глубокими интеллектуальными нарушениями,

упразднил категорию «принципиально не обучаемых». Примеру последовали и другие страны... Представляете успехи в образовании новых учеников?

«Названные международные законы юридически упразднили существовавшее на протяжении нескольких тысячелетий в умах человечества деление общества на "полноценное большинство" и "неполноценное меньшинство", был сделан еще один шаг в эволюции сознания людей». — Н.Н. Малофеев, «Специальное образование в России и за рубежом»

Самое интересное, что в этой же книге открыто признается следующее:

«... государство должно резко увеличить финансирование образования, поскольку на практике оказалось¹, что подлинная интеграция [совместное обучение нормальных детей и "детей с проблемами" — O&W] дороже дифференциального специального образования.

... учителя массовых школ... оказались не готовы к интеграции и попали в ситуацию профессионального и психологического дискомфорта. Формально включенный в обычный класс проблемный ребенок фактически часто не достигает того уровня общего психофизического развития, который мог бы быть обеспечен при условии организации специального развивающего обучения.

... дополнительное внимание учителя к интегрированному ребенку приводит к снижению качества обучения его одноклассников и (как показал опыт Англии) рейтинга школы, оттоку наиболее способных учеников».

Итак: интеграцией неполноценных особей в общеобразовательные школы причиняется вред: нормальным ученикам; учителям; самим интегрируемым. При этом все это требует значительных финансовых затрат². Спрашивается, *зачем* так делать? А это, видите ли, *гуманно!*

Центр по социализации даунов Downside Up (сейчас его отделение существует и в Москве) в своих материалах пишет, что в России большинство даунов не доживают до 15-ти лет, а половина умирает в возрасте до года. Весьма прискорбный факт, не так ли? Куда лучше было бы, если дауны доживали бы до репродуктивного возраста и размножались (это возможно при мозаичной форме заболевания). При этом всё тот же центр по разводу даунов, пропагандируя всеми силами интеграцию их в общество, ненароком на пару абзацев ниже в той же брошюре проговаривается, что средний уровень IQ по Америке — 100, а по России — 110. А вот если добавить даунов, побольше и поразнообразнее, будет тоже 100. Только такой «прогресс» медицины и педагогики почему-то не внушает энтузиазма.

Получается парадоксальная для любого разумного существа ситуация: возникающая благодаря прогрессу науки возможность улучшить человеческий вид используется для его деградации, причем это объявляется *гуманным* действием, то есть — направленным на благо человека и в интересах человека.

Итак, чел-овечество стремительно деградирует, причем сознательно (точнее, рационализируя стремление к размножению *генов*). Казалось бы, *habeat sibi*, но всё дело в том, что, к сожалению, сапиенсы нашей планеты живут в чел-овеческой среде, а физический носитель разума в настоящее время — общий с людьми.

¹ Обратите внимание: «оказалось». Это обозначает, что над практической реализацией даже *не думали*, идея понравилась — была донельзя гуманистической и человеколюбивой, видимо.

² И не только. Если в спецучреждении дефектолог может оказывать помощь нескольким больным, то в случае распределения по общим школам потребуется по отдельному специалисту на каждую общеобразовательную школу.

Демография с точки зрения евгеники

Пролетарии всех стран — не размножайтесь! ©

Обратно-пропорциональная статистическая зависимость количества детей от уровня развития давно уже видна невооруженным взглядом всем, кто интересуется этим вопросом. Налицо также необеспеченность детей в многодетных семьях *необходимым* для полноценного развития как в физиологическом плане (мясо, фрукты, медобслуживание), так и в культурно-образовательном (наличие компьютера, книг, учебных заведений с углубленным изучением предметов). Проблемы детского воспитания и образования мы рассмотрим отдельно, здесь же нас это явление интересует исключительно с демографической точки зрения: интенсивнее размножаются наименее интеллектуальные слои населения; при этом практически единственной их задачей является «вырастить детей», не уделяя особого внимания их здоровью и развитию. И только самые образованные и развитые индивидуумы занимаются еще и *собственным* развитием, а не просто живут «ради детей». Вопрос: кто двигает прогресс науки и техники — взрослые особи или же маленькие дети? Ответ очевиден, как и вывод из него: затраты ресурсов на детей осуществляются за счет отъема таковых от направления на саморазвитие индивида.

Таким образом подтверждается идея, высказанная в предыдущем разделе: бессознательная масса служит лишь размножению генов, причем без учета их «полезности» для человеческого тела-носителя.

Кроме того, размножается и откровенно патологичный слой населения. процитируем выдержки из книги С.Я. Бронина «Малая психиатрия большого города»:

«Наблюдение 26. Отец сильно пил. Сын болен шизофренией... Живя в комнате площадью 9 м², семья имеет семерых (!) детей¹ — только потому, что он не хочет, а жена не умеет предохраняться, стесняется обратиться с этим к врачу и боится аборт²».

«Наблюдение 116. Женщина 37 лет. Жена дефектного шизоида, описанного в набл. 26, мать шестерых детей³, двое из которых описаны (набл. 27 и 28 в разделе латентной шизофрении) и еще один, не попавший в выборку, страдает манифестной шизофренией. ... Беспомощная, внушаемая, пассивная. Детей родила, не желая этого, потому что до сих пор не научилась предохраняться: "стыдно" пойти к врачу или расспросить об этом кого-то другого».

«Чета глухонемых дебилов с расторможением влечений и фасадом возбудимой психопатии: Набл. 118. Мужчина 42 лет, подсобный рабочий... Злоупотребляет алкоголем, ... раздражителен, ... возбуждается, бранится, ... внушаем. Набл. 119. Женщина 42 лет, жена предыдущего лица. Кончила три класса вспомогательной школы. ... Не работает. Шумливая, расторможенная, повышено эмоциональная».

Рассмотрим общий механизм регулирования численности популяций в естественных условиях.

Популяции любых видов: бактерий, растений, животных, попав в благоприятные условия, увеличивают свою численность по экспоненциальному закону. Рост численности с разгона переходит значение, соответствующее биологической емкости среды обитания

¹ Это не опечатка! И не надо нас спрашивать, *как* это возможно — данные цитируются из научного исследования, а нас там не было... Хотя и любопытно, как можно жить, когда на каждого приходится по одному кв. метру площади.

² Как вам «логика»?

³ В пропущенной нами части описания было упомянуто, что эти двое вступали в брак, когда один ребенок уже был в наличии.

вида и продолжается еще некоторое время. Из-за избыточной численности популяция обедняет и разрушает среду обитания. Наступает кризис и численность популяции стремительно снижается. За время коллапса среда постепенно восстанавливается, а вслед за этим опять возрастает и численность популяции.

Благодаря научно-техническому прогрессу человек вышел из-под воздействия сдерживающих механизмов эволюции: разрушение среды обитания для него имеет крайне малое значение, продукты питания можно выращивать искусственно. А вот экспоненциальный рост численности населения в условиях, достаточных для поддержания жизни, никто не отменял.

Термин «демографический взрыв», часто слышимый в последнее время, принципиально неверен. Не было никакого «взрыва», это всего-навсего следствие воздействия жареного петуха на ту часть тела, которой люди обычно думают: рост численности человеческой популяции все время был *один и тот же*. Чтобы достигнуть первого миллиарда, человечеству понадобилось более миллиона лет. Второй миллиард был достигнут за 100 лет, третий — за 40, четвертый — за 15, пятый — за 10. Смотрим графики в линейной и логарифмической шкалах и прогнозируем, за сколько времени будет достигнут 6, 7, 8 и прочие миллиарды...

На данный момент население удваивается приблизительно каждые 35 лет.

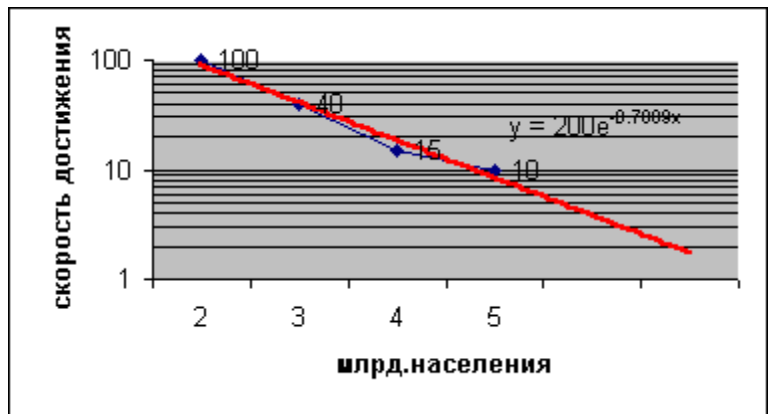
Разумеется, человечество потребляет и так называемые невозобновимые ресурсы: уголь, нефть, газ, минеральные ресурсы. Однако, это казалось катастрофой в начале века¹, сейчас же энергию вполне можно получать при помощи атомных электростанций, а углеводородное сырье можно синтезировать из метана, получаемого при переработке любых органических соединений — дело лишь в соответствующих технологиях, которые *пока* не настолько рентабельны².

При этом на планете только 500 млн. человек имеют полноценную пищу в избытке, а 2 млрд. питаются плохо или голодают; ежегодно от голода умирают 20 млн. человек³.

И — *nota bene* — умирающие от голода *продолжают размножаться*...

В естественных биологических популяциях механизмом регулирования численности часто служит эпизоотия. До современного развития медицины это было верно и для человечества (к примеру, знаменитая эпидемия чумы XIV века за два года проредила население Европы практически вдвое). Сейчас же против болезней, могущих принять эпидемиологический характер, просто делают прививки. Но природа не терпит пустоты — и на арене появляется вирус СПИДа. Обратите внимание, что этот вирус пришел из Африки, где население как раз недоедает, интенсивно размножается и обладает низким уровнем интеллекта.

И вообще, сочетание социализации (социальной гигиены) и научно-технического прогресса однозначно и окончательно привело к тому, что эпидемический фактор

¹ Прогнозирование «от чего будет глобальная катастрофа в будущем» — вообще дело не благодарное. Так, в середине XIX века предполагалось, что значительной проблемой в XX-м веке будет уборка лошадиного навоза с улиц больших городов.

² Запасы которого в виде гидратов на дне океанов куда более значительны, чем в виде газовых месторождений на суше.

³ Данные из работы «Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей?» проф. В.Р. Дольника, д-ра биол. наук.

необратимо утратил популяционно-регулирующие функции. Структурно эквивалентный ему цивилизационно-экологический фактор изначально не влияет на численность человеческой популяции, это скорее фактор, ранжирующий эту самую популяцию по социальному статусу — чем более низко социальное положение, тем более экологически терпимы человеческие особи. Однако мутагенное экологическое влияние наиболее сильно выражено именно в «неблагоприятных» зонах, заселенных социально низкоранговыми группами. И все те же группы оставляют наиболее многочисленное потомство, однозначно фиксируя в геноме все экологические мутации.

Стандартная городская семья в развитых странах имеет одного-двух детей, между тем как наши прадеды имели до десятка и более. Для воспроизводства популяции каждой женщине достаточно родить одну дочь, т.е. в среднем получаем двоих детей на семью. С учетом детской смертности и т.п. добавим еще небольшой процент, все уменьшающийся с развитием медицины.

Рассмотрим теперь современную нам картину: население Земли увеличивается в основном за счет прироста населения Индокитая, Ближнего Востока, Латинской Америки, Средней Азии, Африки и т.д. Казалось бы, имеет место противоречие: экономически рост населения этим народам не благоприятен, поскольку мешает улучшаться жизненному уровню и даже приводит к дальнейшему его ухудшению.

Это легко объясняется тем, что население слаборазвитых стран не само добилось благ цивилизации, а получило их все разом, массово и часто даже бесплатно как гуманитарную помощь. Таким образом, смертность населения, включая детскую, резко уменьшилась. Если раньше из, условно говоря, десятка детей выживало 3-4, то теперь — практически все. Высокая рождаемость, еще вчера необходимая в таких популяциях для компенсации высокой детской смертности, вдруг становится избыточной. Но рождаемость — не смертность, ее не изменишь прививками в одночасье. Она контролируется биологическими механизмами, очень сложной популяционной системой, поддержанной бытом, традициями, религией.

«Логика» людей очень проста: раньше мы рожали много, и знали, что это хорошо; теперь у нас умирает меньше детей — и это еще лучше, поскольку у них тоже будет много детей!

Отметим, что уровень цивилизации от роста населения выше определенного предела не зависит, поскольку экспансивный рост бессознательных масс напрямую не коррелирует с количеством сапиенсов.

Стандартное возражение против соображений, подобных высказанным, звучит как «надо же кому-то и ямы копать!». Нужны не только интеллектуалы, но чернорабочие. Которых логично воспитывать такими, чтобы ими было легко управлять.

Тезис корректен в общем виде, но при уточнении вопроса «а какова должна быть пропорция?» анализ ситуации приводит к выводу, что специальные усилия для поддержания уровня низкоинтеллектуальной прослойки популяции не так уж и нужны: прогресс (который обеспечивают сапиенсы-интеллектуалы) приводит к сокращению мест для неквалифицированной рабочей силы, а она пополняется естественным путем из-за статистического разброса врожденных способностей. Кроме того, ориентация не на первоочередное воспитание сапиенсов, а на «что выйдет, то и выйдет» приводит к тому, что в школах существует *усредненная* программа обучения.

Школа — это место, где гранят булыжники и губят алмазы ©

«Существует баланс между пользой от существования быдла, которое можно легко вести, и вредом от попадания недорослей, годных в элиту, под пресс быдлофикации. ... вред от быдлофикации вундеркиндов существенно превышает пользу от управляемости быдла». — А. Машанов

Резюме: существующие генетические (см. предыдущий раздел), биологические и социальные законы приводят к тому, что наиболее интенсивно размножаются низкоинтеллектуальные слои населения внутри каждой нации; наименее интеллектуальные народы; население наименее развитых стран на международном уровне. Разумеется, это делается за счет более развитых во всех случаях; кроме того, происходит диффузия соответствующих низших слоев в элитные¹, что приводит к постепенному исчезновению границ и объединению в единую аморфную массу. Последствия, надеемся, очевидны.

Τα της πολεως

Большинство людей ведет растительный образ жизни. Они как бы часть Природы. А чему можно научить «часть Природы»? Чему угодно. Только для этого бессмысленно обращаться к ее интеллекту. ©

Что можно практически применить из евгенических методов уже сейчас? Смотря как понимать этот вопрос.

В техническом плане можно всё. Но, учитывая сопротивление общества, в области евгеники сейчас, пожалуй, невозможно предложить ход, который бы был принят безболезненно — настолько общественность науськана против этого.

Как пройденный этап в техническом плане не представляет никакого труда реализация всех методов, уже обкатанных на первых двух этапах развития евгеники с учетом достижений современной науки.

«Программой минимум» может считаться еще не остывший опыт XX века — евгеническая стерилизация и создание режима благоприятствования генетически здоровому воспроизводству. Но поскольку ситуация с генофондом человечества заметно ухудшается с каждым десятилетием, то эти меры рассматриваются нами уже как «мертвому припарка», пора прибегать к «электрошоку».

На основании результатов регулярных медицинских и психологических обследований должен делаться прогноз о качестве возможного потомства конкретного человека. И если появление таких детей считается нецелесообразным, пациент должен лишаться возможности произведения на свет такого потомства

Необходимо всесторонне поддерживать тех, кто выращивает полноценных детей. Против тех, кто, несмотря на рекомендации, производит и оставляет неполноценного ребенка, должны применяться санкции, в зависимости от ожидаемых результатов родов — вплоть до принудительных абортов. При этом необходимо свернуть медицинскую практику выхаживания нежизнеспособных, заменив ее эвтаназией.

Для перехода к третьему этапу необходимо проводить опыты над людьми. Мы знаем, к чему приводит мозговая атака лучших умов человечества на какую-либо проблему на примере ядерной физики. Ведь еще в тридцатые годы Альберт Эйнштейн уверял, что на создание атомной бомбы уйдут десятки лет, а таких десятков потребовался всего один.

Однако сопротивление чел-овечества не только препятствует осуществлению подобных планов, но и вообще ставит его под вопрос. Государство, принявшее

---

¹ Во всех смыслах. Так, распространены браки по расчету, когда глупая, но красивая девушка становится женой пусть не интеллектуальной, но элиты (а интеллектуальная элита финансируется неинтеллектуальной, к сожалению); растет количество эмигрантов из стран «третьего мира» в развитые, где они сразу могут жить на пособия по безработице и на детей; растет количество расовых гибридов.

соответствующие законы в современном мире, моментально попало бы в разряд изгоев¹. С другой стороны, в это государство немедленно (при соответствующей оплате труда, естественно) начнется «приток мозгов» ученых не-гуманистов. А поскольку гуманизм противоречит разуму, то это будет ещё и очень качественный приток².

Возможный выход из сложившейся ситуации мы видим в неофициальном планетарном альянсе сапиенсов и постепенной обработке общественного сознания в сторону «престижно быть умным». Интересно, что попадаются «научные» работы, которые практически рассматривают одаренность ребенка как недостаток.

«Одаренность — сложное явление, она имеет свои положительные и отрицательные (!!! — O&W) последствия. К положительным проявлениям одаренности можно отнести хорошие вербальные способности, постоянство, независимость, творческие способности, разнообразие интересов, чувство ценности, хорошую память, настойчивость, абстрактность мышления и т.д. К отрицательным — индивидуализм, различную скорость мышления и письма, нестабильность интересов, проявление диктаторства, повышенную требовательность и нетерпимость». — Пойкалайнен Е.В., «Некоторые проблемы развития одаренных детей», Педагогический вестник

Индивидуализм — это, оказывается, отрицательный фактор. Действительно, если вы такие умные, то чего строим не ходите? При этом независимость, берущую начало в индивидуализме, отнесли к положительным факторам — это как понимать?

А отнесение к недостаткам различной скорости мышления и письма вообще повергает в изумление: поскольку мыслит одаренный человек гораздо быстрее, чем пишет, по определению, то отрицательным фактором является именно высокая скорость протекания мыслительных процессов. Надо бы ее уменьшить. Иначе, видите ли, это приводит к тому, что «их работы плохо оформлены, неаккуратны, выглядят незавершенными» (Гурьянов Е.В. Психология обучения письму. М., 1989). Конечно же, надо всё оформлять аккуратно — это куда важнее, чем решать задачи правильно. Впрочем, начальное и среднее образование — тема для отдельной главы.

Любая попытка евгенического продвижения в современном обществе неизбежно столкнется с чел-овеческой сущностью: разумеется, любой родитель с радостью согласится, чтобы его ребенку помогли развить свои способности, но мало кто из родителей без колебаний согласится на эвтаназию родившегося дауна³, не то что дебила в легкой степени...

Следует отметить, что основную опасность в евгеническом плане представляют как раз не идиоты и имбецилы, у которых нет особой возможности размножаться, а то гораздо большее количество населения, которое находится у нижней границы нормы либо искусственно дотягивается до неё «социальной адаптацией» — то есть те представители Homo quasiSapiens, которые не обладают выраженными патологиями, имеют все гражданские права (включая право на бесконтрольное размножение), но относятся к "салонным слабоумным", обладающим *шаблонным* мышлением, которое передается по наследству генетически, а потом закрепляется воспитанием в соответствующей среде.

¹ Иллюстрация (правда, по несколько другому поводу, но также «антигуманному»): всемирная обструкция ЮАР во времена апартеида. Причем отношение мирового сообщества отнюдь не мешало потомкам буров быть самой развитой страной в Африке.

² Далеко не все ученые откровенно выражают свои взгляды на гуманизм, придерживаясь на словах конформной позиции, чтобы не иметь помех в работе. Но какой настоящий ученый упустит возможность углубить свои знания? Примечание: не для всех ученых важно отношение к гуманизму, скажем, математикам это безразлично. А вот медикам, генетикам и т.д....

³ Но большинство с радостью согласится, чтобы его взяли в детдом!

Таким образом, с применением евгеники практически ясно, что и как надо внедрять (и срочно!), но при этом не менее ясно, что это невозможно до тех пор, пока гуманизм не дойдет до стадии наглядной демонстрации своих последствий.

Примечание 2014 г., Урраах:

Как и говорилось в самом начале, работа осталась незаконченной, были написаны лишь две главы. Перечитав сейчас текст, я вижу ценность первой главы, в которой затронуты важные общефилософские вопросы, и некую наивность второй, которую, впрочем, решил оставить для истории. Не то, чтобы она была неверной, но она получилась как некая комбинация полной банальщины и наивных футуристических мечтаний. Просто не хватило в то время уровня знаний, чтобы раскрыть проблему более системно.

Учитывая современные тенденции, особо отмечу, что вопросы евгеники необходимо отличать от т.н. социал-дарвинизма. Евгеника — это целенаправленные действия, направленные на улучшение человечества как биологического вида; социал-дарвинизм — это либеральная концепция «выживания наиболее приспособленных» — а не «самых качественных». Скажем, при капитализме преимущества имеет при прочих равных мошенник, лгун, предатель и т.д., поскольку он может всё то, что и честный человек, но при этом будет использовать и те методы, которые несовместимы с разумностью (гармоничностью психики).